

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МИРЭА – РОССИЙСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МЕЛЕНТЬЕВ Андрей Витальевич

**ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНЫХ
СУДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1861-1917 ГГ.)**

Специальность – 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель:
Плоцкая Ольга Андреевна,
доктор юридических наук, доцент

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СИСТЕМА ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ (1861-1917): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ	26
1.1. Волостной суд в отечественной историко-правовой доктрине.....	26
1.2. Правовой статус волостных судов по итогам осуществления реформ, проведенных в 1861, 1889, 1912 гг.	49
1.3. Роль и значение правового обычая как источника волостного судопроизводства	81
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	102
2.1. Применение правового обычая волостными судами при рассмотрении семейных споров	102
2.2. Практика применения волостными судами правовых обычаев в вопросах наследования.....	133
2.3. Роль правового обычая при разрешении споров по земельно-правовым вопросам, рассматривавшихся в волостных судах.....	165
2.4. Особенности применения правового обычая в обязательственных отношениях при осуществлении волостного судопроизводства	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	255

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Волостные суды, учрежденные в ходе крестьянской реформы 1861 года, заняли особое место в системе местного судопроизводства и стали значимым институтом регулирования общественных отношений в сельской среде. Их деятельность строилась на сочетании государственных предписаний с правовым обычаем, который выступал естественным и легитимным регулятором взаимоотношений между крестьянами. Актуальность настоящего исследования определяется потребностью в комплексном осмыслении той роли, которую правовой обычай играл в функционировании системы крестьянского правосудия Российской империи.

Волостные суды функционировали как низовая судебная инстанция в условиях, когда система общих судов оставалась недостаточно развитой, а правовая грамотность населения – крайне низкой. Эти суды органично встраивались в структуру крестьянского самоуправления, поскольку опирались на местные правовые традиции и устоявшиеся обычаи, что помогало поддерживать общественный порядок в деревнях. Правовой обычай, применявшийся волостными судами, выражал крестьянские представления о справедливости, долге и надлежащем поведении. Он обеспечивал внутреннюю согласованность социальной среды, формировал устойчивые модели поведения и правосознания, становясь значимым элементом локальной правовой культуры.

Обычное право тесно связано с современными представлениями о праве естественном, которое, по мнению М. В. Баглая, «следует рассматривать как высший императив»¹. И если естественное право выражает универсальные, надзаконные нормы, то обычное право закрепляет эти нормы через определенной правовые традиции и устойчивые практики поведения, сложившиеся в конкретной социальной среде, но оба основываются на признанных обществом представлениях

¹ Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов - 6-е изд., изм. и доп. - М. : Норма, 2007. – С. 33.

о справедливости и порядке, поэтому изучение обычного права способствует познанию истоков формирования универсальных правил в современный период. Изучение и анализ практики применения правового обычая в волостных судах Московской губернии позволяет выявить важнейшие особенности традиционного крестьянского правосудия в центральном регионе Российской империи и его значение для поддержания правопорядка, позволит дать оценку влияния обычно-правовых норм на формирование правосознания крестьянского населения.

Правовой обычай того периода принципиально отличался от современной системы с ее централизованными, формально закрепленными и общеобязательными нормами. Он вырос из местных традиций и устоявшихся практик, что обеспечивало ему доверие населения. Однако дореволюционные правоведы, представители прогрессивного научного сообщества и практикующие юристы критиковали такую форму права за правовую субъективность и отсутствие единообразия.

Историко-правовые исследования волостных судов ведутся давно, однако применение правового обычая в их деятельности изучено фрагментарно. Региональная специфика этого явления почти не затрагивалась, и Московская губерния здесь показательна: административный статус центральной губернии сочетался с развитой правовой инфраструктурой, что порождало своеобразную судебную практику. Нормы позитивного права применялись наряду с традиционными обычаями, и такое сосуществование формировало условия, нехарактерные для других регионов.

Тема требует комплексного подхода к изучению правового обычая как элемента крестьянского правопорядка. Волостные суды Московской губернии служат репрезентативным примером взаимодействия традиционных правовых норм с позитивным правом в судебной практике Российской империи, а выявление региональных особенностей их функционирования позволит восполнить существенный пробел в историко-правовой науке.

Степень разработанности научной проблемы. Обширный круг исследований, посвященных истории волостного судопроизводства, особенностям

крестьянского самоуправления и функционированию правовых обычаев в России второй половины XIX – начала XX века, свидетельствует о значительной разработанности научной проблемы. В. Б. Безгин, Н. В. Ефремова, В. Н. Мартышкин, И. С. Менщиков, А. А. Сорокин и другие исследователи внесли существенный вклад в изучение данной проблематики: их работы анализируют деятельность волостных судов, практику применения правовых обычаев, соотношение обычного права с государственным законодательством

Труды отечественных историков-правоведов – И. Д. Беляева, Н. В. Калачова, В. О. Ключевского – занимают центральное место в изучении волостного суда как специфического элемента правовой системы Российской империи. Эти исследователи анализировали генезис и эволюцию волостных судов, прослеживая их связь с крестьянской общиной и государственным аппаратом. В. Б. Безгин и И. С. Менщиков обращаются к роли обычного права в деятельности волостных судов и подчеркивают его значение для сохранения традиционного крестьянского правопорядка. В. Н. Мартышкин и И. Г. Верховцева исследуют влияние судебных реформ на трансформацию волостной юстиции, отмечая двойственную природу этих судов: помимо юридических функций они выполняли социальные задачи, выступая гарантом местного порядка.

Работы Н. В. Башкиревой и С. В. Лонской посвящены взаимодействию волостных судов с институтом земских начальников, введенным реформой 1889 года. Авторы подмечают, что реформы изменили баланс между правовым обычаем и государственными нормами, придав судам более административный характер.

Региональные исследования, посвященные деятельности волостных судов в различных губерниях Российской империи, составляют существенную часть научной разработки данной проблематики. Труды А. Г. Алборово́й, В. В. Барина́ова, М. А. Гордеевой, Е. Ю. Игнатъевой, Д. Д. Пашенцевой, О. А. Плоцкой, М. А. Сосниной, Т. Н. Шишкаревой, а также доклад Т. А. Тарабановой раскрывают специфику применения обычного права и крестьянских практик в зависимости от локального контекста, демонстрируя многообразие судебных укладов на территории империи. Р. И. Абушов, Е. В. Кузнецова, Н. В. Куприянович, К. Ю.

Хорошун, Ю. В. Щедрина анализируют волостные суды в рамках общей эволюции судебной системы России конца XIX – начала XX века, обращаясь к их роли в поддержании правопорядка и адаптации сельского населения к государственным преобразованиям.

Дискуссии о реформировании волостных судов, их правовая природа и социальная роль в пореформенной деревне освещены в трудах Г. Г. Бриля, А. А. Сорокина, О. С. Степановой. Авторы показывают, каким образом волостные суды, несмотря на попытки унификации со стороны государства, сохраняли элементы местного правопорядка и сочетали официальное законодательство с нормами обычного права. Проблематика применения обычно-правовых норм разрабатывалась еще исследователями русского права конца XIX столетия: А. Д. Билимовичем, Г. Е. Бразодем, А. Д. Градовским, А. Я. Ефименко, К. Д. Кавелиным, Н. М. Коркуновым, А. А. Леонтьевым, П. А. Матвеевым, И. Г. Оршанским, А. А. Риттихом, И. М. Тютрюмовым, Ф. М. Уманец и рядом других ученых, чьи работы заложили основу для последующих исследований в этой области.

К современным исследователям можно отнести, в частности, А. Г. Алборову, В. Б. Безгина, В. Э. Грабаря, А. В. Дашина, П. С. Ефименко, П.Н. Зырянова, А.В. Кириллина, О.А. Плоцкую, И. Н. Скуратову, Т. В. Шатковскую. Исторические данные по применению обычного права приводятся в справочнике-указателе А. А. Никишенкова.

Особого внимания заслуживают работы, в которых дано теоретическое осмысление юридической природы обычая с позиций фундаментальной теоретико-правовой науки. В частности, М. Н. Марченко внес выдающийся вклад в развитие теории источников права, глубоко обосновав механизмы возникновения и санкционирования правового обычая государством. Теоретико-правовой аспект этнического обычного права, специфика его возникновения и место в традиционной социальной системе были детально исследованы И. Б. Ломакиной. Процесс сложной интеграции обычного права кочевых народов в правовую систему Российского государства на материалах Восточной Сибири комплексно проанализирован В. В. Наумкиной. Специфика действия архаичных институтов

обычного права, таких как кровная месть и примирительные процедуры, на примере народов Дагестана раскрыта в трудах М. А. Исмаилова. Тем самым труды данных авторов и некоторых других создают теоретико-методологическую основу для анализа применения обычного права, обеспечивая возможность всестороннего исследования его значения в системе крестьянских правоотношений конца XIX-начала XX века.

Несмотря на широкий спектр работ по истории волостных судов, деятельность этих судебных органов в Московской губернии остается недостаточно исследованной, так как самостоятельных систематизированных работ практически нет. Это обстоятельство обуславливает актуальность настоящего диссертационного исследования, направленного на выявление региональной специфики применения правового обычая в волостных судах Московской губернии, учитывая ее административную значимость и особую правовую среду.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является определение роли правового обычая как источника права в деятельности волостных судов Московской губернии в период с 1861 по 1917 гг., выявление особенностей его применения и значения в системе крестьянского правосудия.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих исследовательских **задач**:

– проанализировать и систематизировать взгляды представителей отечественной историко-правовой доктрины, в отношении сущности и функций волостных судов в период второй половины XIX – начала XX вв.;

– раскрыть развитие института волостной юстиции в Российской империи по итогам осуществления реформ 1861, 1889, 1912 гг. и определить основные тенденции, определяющие изменения в правовом статусе волостных судов;

- охарактеризовать роль, значение и место правового обычая в системе источников волостного судопроизводства с учетом его характерных особенностей и сферы применения;
- выявить специфику применения правового обычая волостными судами Московской губернии по семейным делам с учетом особенностей крестьянского брачно-семейного уклада;
- определить особенности обычно-правовых норм, применяемых в наследственных делах волостных судов Московской губернии;
- обозначить роль, характерные черты правового обычая, применявшегося волостными судами Московской губернии по земельно-правовым вопросам с учетом проводимых государственных преобразований в аграрной сфере;
- выявить особенности применения правового обычая в обязательственных отношениях, при осуществлении волостного судопроизводства.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникавшие в системе волостного правосудия Российской империи в период с 1861 по 1917 гг.

Предметом являются правовые обычаи и практика их применения волостными судами Московской губернии (1861-1917 гг.), а также научные взгляды и представления о роли обычных норм в волостном судопроизводстве.

Хронологические границы исследования. Настоящее исследование направлено на выявление особенностей использования правового обычая в волостных судах Московской губернии в период с 1861 по 1917 гг. В диссертации рассматриваются как общие организационно-правовые основы функционирования волостных судов, так и конкретные судебные дела волостных судов Московской губернии (в частности, Борисовского, Елмановского, Игнатьевского, Нагатинского, Петровского, Рождественского, Синьковского, Царицынского,

Шараповского, Ягунинского и др.), свидетельствующие о практическом значении обычного права.

Нижняя граница исследования обусловлена временными рамками, связанными с началом официального функционирования волостных судов на территории всей Российской империи, включая Московскую губернию. Именно после крестьянской реформы 1861 года эти судебные органы получили законодательное закрепление и распространились на бывших помещичьих крестьян, ранее не охваченных системой крестьянского самоуправления². Московская губерния как один из ключевых регионов империи демонстрирует особую значимость судебной реформы: здесь государственная судебная система активно взаимодействовала с крестьянскими судами. В судебной практике губернии применялись общегосударственные законодательные нормы наряду с устоявшимися крестьянскими обычаями, что позволяет рассматривать волостные суды двояко – с точки зрения официального правового регулирования и через призму обычного права, отражавшегося в крестьянском правосознании. Сохранившиеся архивные документы наглядно показывают, как закон и обычай сочетались в конкретных судебных решениях, какую роль они играли в поддержании порядка и регулировании социальных отношений на местах.

Верхняя хронологическая граница настоящего исследования определяется революционными событиями 1917 года и последовавшими за этим коренными преобразованиями судебной системы, приведшими к упразднению волостных судов.

Географические рамки исследования охватывают территорию Московской губернии в административных границах 1861–1917 гг. Выбор Московской губернии в качестве основного региона для изучения правового обычая в деятельности волостных судов обусловлен совокупностью уникальных

² Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. - Отд. IV. - № 36657.

географических, экономических и социально-административных факторов, обеспечивающих высокую репрезентативность исследования.

Во-первых, будучи ядром центрально-промышленного района и административным центром империи, Московская губерния в пореформенный период переживала наиболее интенсивную социально-экономическую трансформацию. Высокая плотность населения, развитая сеть железных дорог и фабрично-заводская промышленность способствовали активному вовлечению крестьянства в рыночные отношения. Это создало уникальную среду для анализа того, как традиционные правовые обычаи адаптировались к вызовам капиталистической модернизации, коммерциализации земельных и имущественных отношений.

Во-вторых, в Московской губернии институт волостного суда функционировал в условиях максимально полной реализации общеимперского законодательства. Близость к столичным властным структурам обеспечивала систематический административный надзор со стороны земских участковых начальников. Анализ практики Московской губернии выявляет классическую модель взаимодействия государственного принуждения и общинной автономии, служащую эталоном для сравнения с периферийными регионами.

В-третьих, губерния отличалась этнической однородностью при явном преобладании бывших помещичьих крестьян. Такое сочетание минимизирует влияние этноконфессиональных факторов, характерных для Поволжья, равно как и промыслово-артельных особенностей северных регионов. Исследователь получает возможность изучать правовой обычай в относительно чистом виде, рассматривая его как продукт внутренней эволюции великорусской общины. Здесь он выступает самостоятельным явлением, не осложненным внешними влияниями исламской или языческой традиции, не искаженным специфическими хозяйственными практиками, которые могли бы затемнить собственно общинную логику правового развития.

В-четвертых, Московская губерния, будучи столичной, долгое время не привлекала исследователей крестьянского правосудия. Урбанизация, массовое

отходничество, плотный административный надзор – все это, как полагали ученые, искажало подлинные правовые обычаи деревни, делало их нерепрезентативными. Историки обращались к провинциальным и окраинным территориям, где традиционный уклад сохранялся отчетливее, а влияние города казалось минимальным. Волостные суды Московской губернии оставались на периферии научного интереса, и образовалась устойчивая историографическая лакуна, которую до сих пор никто систематически не заполнял.

Настоящее исследование призвано изменить эту ситуацию. Впервые обычно-правовые практики анализируются в регионе, который воплощал эталон государственной и экономической модернизации второй половины XIX века. Именно здесь столкновение между архаичными нормами крестьянского обычая и новыми формами социального устройства проявлялось особенно рельефно, что открывает возможности для сравнительного изучения механизмов адаптации и трансформации традиционного права.

Теоретическая и методологическая основа исследования составляет совокупность научных подходов и методов, которые в своем сочетании позволяют комплексно исследовать заявленную проблематику. В качестве базовых выступают системный и социокультурный подходы. Системный подход позволяет рассматривать крестьянское правосудие как целостную структуру, включающую взаимосвязанные элементы, а также определить место правового обычая в системе источников российского права. Методологически важным является также привлечение социокультурного подхода для выявления устойчивости обычных норм в крестьянской среде, их связи с религиозными установками, хозяйственными традициями и практиками самоуправления. Социокультурный подход ориентирован на учет особенностей крестьянского мировоззрения и правосознания, влияющих на формирование и применение обычного права.

Реализация указанных подходов обусловила использование комплекса общенаучных и специальных методов научного исследования. Историко-правовой метод применяется для базового анализа становления и развития обычного права и практики его применения в волостных судах Российской империи на примере

Московской губернии. Герменевтический метод используется для осмысления и интерпретации правовых текстов и судебных материалов с учетом исторических условий их создания, позволяет более точно раскрыть содержание правовых норм и специфику их восприятия участниками крестьянского правосудия.

Метод анализа и синтеза используется для поэтапного изучения исследуемых явлений: на первом этапе осуществляется их детальное разложение на отдельные элементы и признаки, на втором - объединение полученных результатов в целостное представление, позволяющее выявить взаимосвязи и общие закономерности. Сравнительно-правовой метод способствует выявлению особенностей функционирования обычного права в волостных судах Московской губернии в сопоставлении с некоторыми иными регионами Российской империи, а также современными правовыми конструкциями.

Формально-юридический метод также применяется с учетом исторического контекста и направлен на исследование правовых норм, регулирующих деятельность волостных судов, а также на выявление особенностей их толкования и применения в конкретных исторических условиях периода 1861 – 1917 годов.

Применение обозначенного методологического инструментария обеспечивает всестороннее исследование темы, позволяя выявить как общие закономерности, так и региональные особенности практики применения правового обычая в волостных судах Московской губернии.

Информационная база исследования включает в себя широкий круг нормативных правовых актов Российской империи, иные официальные документы, материалы судебных дел, а также публикации дореволюционных и современных исследователей. Особое значение среди источников занимают материалы делопроизводства волостных судов Московской губернии, в том числе приговоры, судебные акты, протоколы заседаний, заявления сторон и другие документы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее - ГАРФ); Российского государственного исторического архива (далее - РГИА); Центрального государственного архива города Москвы (далее - ЦГА г. Москвы); Центрального государственного исторического архива города Москвы (далее -

ЦГИА г. Москвы); Центрального государственного архива Московской области (ранее – Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области, далее – ЦГАМО); Центрального исторического архива города Москвы (далее – ЦИА г. Москвы), которые позволяют реконструировать реальную практику применения правового обычая при разрешении различных категорий споров и дают возможность проследить, каким образом обычаи использовались при вынесении решений по делам, связанным с имущественными, семейными, наследственными и обязательственными отношениями. Также в исследовании активно задействованы материалы отчетности волостных управлений, документы губернских и уездных властей, касающиеся надзора за деятельностью волостных судов.

Анализируя эти источники, автор опирается на принципы историзма, объективности и комплексности, что позволяет не только выявить конкретные случаи применения правового обычая, но и понять его значение в контексте социальной структуры деревни и крестьянского правосознания.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые на основе системного изучения архивных материалов Московской губернии (периода 1861–1917 гг.) раскрыты конкретные механизмы использования правового обычая в делах различной категории - семейных, наследственных, земельных и обязательственных. В работе выявлены региональные особенности применения обычного права, обусловленные социально-экономическими, религиозными и организационными факторами. Данная диссертация вводит в научный оборот значительный массив ранее не опубликованных судебных дел, что позволяет по-новому оценить роль волостных судов как органов, не только опиравшихся на государственное законодательство, но и фактически выступавших гарантом традиционного крестьянского правопорядка.

Новизна исследования проявляется также в уточнении соотношения между правовым обычаем и формализованными правовыми нормами в судопроизводстве на примере волостных судов Московской губернии, в выявлении практики учета

религиозно-нравственных норм при разрешении споров, а также в оценке значения правового обычая для формирования крестьянского правосознания.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается использованием комплексной теоретико-методологической базы, включающей системный, социокультурный, историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический подходы, а также методы анализа, синтеза и герменевтики. Выводы автора основаны на широком круге источников, включая нормативные документы, материалы делопроизводства волостных судов Московской губернии, архивные документы федеральных и региональных архивов (ГАРФ, РГИА, ЦГА г. Москвы и др.), а также труды отечественных исследователей. Репрезентативность источниковой базы, ее разнообразие и критический анализ обеспечивают объективность и научную обоснованность полученных результатов, которые согласуются с современными научными представлениями в области истории государства и права.

Результаты диссертационного исследования использовались в учебном процессе при преподавании дисциплины «История государства и права России» в бакалавриате МИРЭА – Российский технологический университет.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну:

1. Установлено многообразие научных подходов к оценке волостных судов (консервативно-критического, либерального, историко-эволюционного, а также современных институционально-правовых, административных и культурно-антропологических интерпретаций), что позволяет рассматривать их как комплексный правовой феномен, сочетающий признаки государственного судебного органа и института крестьянского самоуправления. Волостные суды в пореформенный период (1861-1917 гг.) представляли собой уникальный институциональный механизм, выполнявший функцию правового и социального посредника между государственным аппаратом Российской империи и крестьянским общинным самоуправлением. Доказывается, что в условиях объективно существовавшего правового дуализма волостные суды обеспечивали не только применение норм позитивного права, но и интеграцию правовых обычаев

в общую правовую систему Российской империи, что способствовало сохранению социальной стабильности и постепенной модернизации правового порядка без разрушения сложившегося уклада сельской жизни. Действуя как механизм государственного санкционирования локальных обычаев, волостная юстиция обеспечивала компромиссное сглаживание конфликтов между законодательством и народным правосознанием. Особую специфику данный процесс приобрел в Московской губернии, где деятельность волостных судов выступала важнейшим инструментом правовой адаптации традиционного общинного уклада в условиях интенсивно развивающихся промышленно-капиталистических отношений (что соответствует п. 34, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

2. Установлено, что развитие института волостной юстиции в Российской империи носило поэтапный характер, в рамках которого реформа 1861 г., учредившая автономные сословные суды на основе обычного права, и реформа 1889 г., трансформировавшая их в территориальные суды с расширенной юрисдикцией выступили институциональной базой для последующей системной модернизации судопроизводства. Доказано, что реформа 1912 г. обозначила принципиально новый этап эволюции волостных судов, направленный на их интеграцию в общегосударственную судебную систему за счет вывода из-под административного контроля, учреждения апелляционной инстанции в лице Верхнего сельского суда, повышения образовательных цензов судейского корпуса и профессионализации судебного аппарата. Обосновано, что длительная институциональная устойчивость волостной юстиции обуславливалось ее двойственной правовой природой: способностью выполнять юрисдикционные функции низового государственного органа, опираясь на традиционные механизмы крестьянского самоуправления. Это позволяло судам гибко сочетать нормы позитивного права с правовым обычаем и приоритетом примирительных процедур, эффективно обеспечивая социальный баланс и правопорядок в условиях масштабной правовой трансформации империи (что соответствует п. 34, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

3. Доказывается, что в системе волостной юстиции Московской губернии пореформенного периода (1861-1917 гг.) правовой обычай функционировал не в качестве архаичного субсидиарного источника права, механически восполнявшего пробелы позитивного права, а выступал фундаментальным нормативно-корректирующим механизмом. Выявлено, что формально-правовые институты позитивного права (включая нотариально удостоверенные сделки и нормы административно-полицейского принуждения) приобретали реальную юридическую силу в крестьянской среде лишь при условии их обязательной верификации на соответствие обычно-правовым критериям социальной справедливости, этике общинной солидарности и императивам хозяйственного выживания. Волостные суды опирались на нормы обычного права в тех случаях, когда реализация позитивного права несла прямую угрозу разорения крестьянского двора как базовой податной и социально-экономической единицы. Вразрез с доминирующей историографической традицией восприятия обычая исключительно как патриархального института, обосновывается его высокая адаптивность к условиям масштабной промышленной модернизации. Использование обычая в качестве инструмента превентивного морально-социального контроля и гибкой медиации в коллективных конфликтах позволило государству обеспечить баланс интересов при защите социально уязвимых категорий населения, сохранив устойчивость локального управления без радикального разрушения традиционных форм народной жизни (что соответствует п. 18, 19, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

4. Доказано, что в условиях интенсивной урбанизации и социально-экономической модернизации Московской губернии конца XIX – начала XX века деятельность волостных судов по разрешению семейных споров характеризовалась не изолированным применением правового обычая, а целенаправленным сближением обычно-правовых норм и институтов имперского позитивного права. Опровергается доминирующий в историографии тезис о безусловном приоритете патриархального обычая в крестьянской юстиции: выявлено, что волостные суды Московской губернии активно использовали нормы Свода законов Российской

империи и процессуальные стандарты государственного судопроизводства для преодоления архаичных традиций и защиты личности. Обосновано, что применение норм позитивного права реализовывалось по следующим основным направлениям. Во-первых, происходил отказ от презумпции безусловной правоты главы семьи в пользу стандартов объективного доказывания вины с вынесением оправдательных приговоров уязвимым членам хозяйства (в частности, снохам), а также приоритетное применение норм об административных правонарушениях (ст. 102 Общего положения 1861 г.) в ущерб традиционному обеспечению сыновней покорности. Во-вторых, традиционные семейно-правовые обычаи формализовывались благодаря применению гражданского законодательства: правовой обычай усыновления зятьев «приемышей» регламентировался требованиями ст. 145 т. X Свода законов (в части возрастных цензов и документального подтверждения), а имущественные внутрисемейные соглашения регулировались государственным институтом исковой «земской» давности, ограничивающим бессрочные притязания родственников. В-третьих, для превентивной защиты жертв внутрисемейного насилия суды преодолевали власть домохозяина путем административной паспортизации женщин и несовершеннолетних детей, легализуя их право на сепарацию в обход традиционных запретов (что соответствует п. 19, 25, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

5. Обосновано, что в наследственных правоотношениях правовой обычай также указывал на приоритет коллективных начал над индивидуальными притязаниями, так как основополагающим элементом выступала идея неделимости «двора» как социально-хозяйственной единицы. Волостные суды отдавали предпочтение обычаям, которые обеспечивали продолжение ведения хозяйства «на старом корню», нередко отступая от формальных принципов равного раздела наследства. Характерной особенностью являлось и признание приоритета прямого родства при наследовании, при одновременно широком использовании устных доказательств и свидетельских показаний наряду с незначительным числом совершаемых завещаний, свидетельствующих о достаточно слабой формализации

гражданского оборота. Применение правового обычая в наследственных делах обеспечивало гибкость правового регулирования с учетом реальных социально-экономических условий жизни крестьянства (что соответствует п. 19, 25, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

6. Выявлено, что применение обычно-правовых норм в разрешаемых волостными судами Московской губернии земельных спорах обеспечивало баланс между интересами отдельного крестьянина и крестьянской общины. Поскольку земля в обыденном крестьянском представлении воспринималась не как объект абстрактного права частной собственности, а как коллективный ресурс, определяющий приоритет общинных интересов над индивидуальными притязаниями. Волостные суды в своей практике исходили из необходимости поддержания баланса, рассматривая право на землю через призму исполнения общинных обязанностей и участия в жизни деревни. При разрешении земельных споров принимался в учет принцип трудового вклада в обработку земли, содержание земельного надела. Длительное и добросовестное пользование землей, а также вложенный труд имели большее значение, чем формальные юридические основания. Особенностью волостного судопроизводства в земельных вопросах являлось признание одинаковой юридической силы за устными и письменными соглашениями в отношении земли внутри общины. Процессуальная практика рассмотрения земельных споров отличалась ориентацией на публичность - участие сельского схода, и достижение компромиссных решений, соответствующих представлениям о социальной справедливости. Даже в условиях аграрных преобразований начала XX века и попыток внедрения принципов индивидуальной собственности волостные суды продолжали опираться на традиционные обычно-правовые нормы, что указывает на их высокую устойчивость (что соответствует п. 19, 25, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

7. Доказано, что обязательства в крестьянской среде носили не столько индивидуальный, сколько семейно-коллективный характер, что находило отражение в признании субъектом ответственности не отдельного лица, а крестьянского двора как единой экономической единицы. Применение правового

обычая волостными судами Московской губернии в различных правоотношениях, которые могут быть охарактеризованы как обязательственные, обеспечивало приоритет коллективных начал, поскольку ведущую роль в доказывании при разрешении крестьянских споров играли решения сельского схода и свидетельства членов общины, которые воспринимались волостными судами как приоритетные доказательства. При этом письменные расписки рассматривались как подтверждение существующих доверительных отношений и возникающих обязательств, и подлежали исполнению при отсутствии опровержений. Отсутствие письменной формы не становилось препятствием для защиты прав, свидетельские показания о фактическом содержании обязательства применялись повсеместно и признавались судом достаточным доказательством. Суд придавал юридическую силу внутренним механизмам общинного регулирования, легитимируя сложившиеся практики и обеспечивая возможность их принудительного исполнения. Моральная сторона обязательств учитывалась наравне с их формальным содержанием. Волостной суд при разрешении споров стремился сохранить добрососедские отношения и социальную стабильность, поощряя примирение сторон и склоняя их к взаимным уступкам. Семейные связи тяжущихся принимались во внимание, а сроки исполнения решений адаптировались к сельскохозяйственному циклу, что позволяло избежать разорения крестьянского хозяйства (данные положения соответствуют п. 19, 25, 26, 42, 43 паспорта специальности 5.1.1).

Теоретическая значимость диссертации состоит в углублении научного представления о роли правового обычая в деятельности волостных судов, которые функционировали как особый институт местного правосудия Российской империи; исследование проведено на материалах Московской губернии. В работе раскрыта специфика функционирования правового обычая как самостоятельного источника права, действовавшего наряду с законодательными нормами, и обосновано его значение для регулирования общественных отношений в крестьянской среде. Значимость настоящего исследования усиливается с учетом современных подходов, отраженной в Постановлении Конституционного суда РФ от 27.11.2024

№ 55-П³, который прибегает к системному и ценностно-ориентированному толкованию норм Конституция Российской Федерации, опираясь не только на ее текст, но и на ранее сформированную в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 доктрину, основанную на исторически обусловленных духовно-нравственных аспектах⁴. В совокупности эти положения позволяют провести актуальные историко-правовые параллели с практикой волостных судов Российской империи, в деятельности которых религиозно-нравственные начала, идеи общности и справедливости фактически выступали инструментами гибкого правоприменения. Результаты исследования позволяют более полно осмыслить особенности традиционного крестьянского правопорядка, его устойчивость в условиях модернизации российского государства.

Практическая значимость диссертации. Результаты диссертации применимы в научных исследованиях по истории российского права, крестьянскому самоуправлению и судебной системе дореволюционной эпохи. Архивные материалы и выявленные закономерности функционирования волостной юстиции полезны при разработке учебных курсов по истории государства и права России, истории судебных учреждений, сравнительному правоведению. Выводы диссертации адресованы специалистам, которые изучают традиционные формы правового регулирования, а также соотношение писаного закона с локальными правовыми обычаями.

Результаты исследования обладают прикладным потенциалом для современного правотворчества и в особенности для правоприменительной практики. Волостное судопроизводство демонстрировало ряд устойчивых черт: доступность правосудия для крестьянского населения, ориентацию на справедливость, гуманизм и фактическое равенство сторон спора. Эти черты

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 50. - Ст. 7841.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 46. - Ст. 7977.

формировали модели разрешения конфликтов, опирающиеся на взаимное доверие и учет нравственных основ как неотъемлемой части социальной реальности. Историко-правовые механизмы подобного рода заслуживают внимания при разработке современных концепций судебной реформы, цель которых состоит в повышении эффективности правосудия, укреплении его авторитета и приближении судебной системы к реальным потребностям общества.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и положения диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры государственно-правовых дисциплин Института технологий управления РТУ МИРЭА. Ключевые результаты работы изложены автором в научных публикациях, включая статьи в рецензируемых изданиях по специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки».

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в научных работах, в том числе в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях по специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки». Апробация и внедрение результатов диссертации осуществлялись автором:

а) в научно-исследовательской деятельности:

Автором были сделаны доклады по теме диссертации на научно-практических конференциях, в том числе Международной студенческой научной конференции V Актуальные проблемы юриспруденции (г. Москва, 2024 г., тема выступления «К вопросу об изучении обычного права в Российской науке»); Международной студенческой научной конференции VI Актуальные проблемы юриспруденции (г. Москва, 2025 г., тема выступления: «Проблемы осуществления крестьянского правосудия в волостных судах XIX в.»); Международной научно-практической конференции VI Развитие правовых систем России и зарубежных стран проблемы теории и практики (г. Москва, 2025 г., тема выступления: «Международный обычай как источник международного права: особенности формирования, доктринальные подходы»); Национальной научно-практической конференции (с международным участием) VII Развитие правовых систем России

и зарубежных стран проблемы теории и практики (г. Москва, 2026 г., тема выступления: «Обычное право в системе правового плюрализма: регулирование земельных отношений волостными судами Московской губернии»); Межвузовской международной конференции «Высшая школа: научные исследования» (г. Москва, 2026 г., тема выступления «Правовой обычай в волостных судах Московской губернии: механизмы адаптации и трансформации»).

Автором по теме диссертации опубликовано 16 научных работ в научных изданиях, входящих в Белый список и Scopus, в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

- 2 публикации в журналах из Белого списка (K1) и Scopus (Q1);
- 2 публикации в журналах, рекомендованных ВАК (K1);
- 2 публикации в журналах, рекомендованных ВАК (K2)
- 5 публикаций в журналах, рекомендованных ВАК (K3);
- 5 публикаций РИНЦ.

б) в педагогической деятельности:

Отдельные положения диссертационного исследования были апробированы автором в ходе проведения по поручению кафедры государственно-правовых дисциплин Института технологий управления РТУ МИРЭА тематических занятий в рамках учебной дисциплины «История государства и права России».

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, 7 параграфов, заключения, списка используемых источников и литературы.

Перечень публикаций автора по теме исследования

Статьи в изданиях, индексируемых в международных базах

Цитирования: SCOPUS Q1, Белый список K1

1. Мелентьев А. В. Правовой обычай в деятельности волостных судов Московской губернии при рассмотрении земельных споров во II пол. XIX - нач. XX в / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, Д. А. Оспанова, Р. М. Жиров // Былые годы. – 2025. – № 20(3). – С. 1428-1437. – DOI 10.13187/bg.2025.3.1428.

2. Мелентьев А. В. Роль правового обычая при рассмотрении семейно-брачных споров в волостных судах Московской губернии II пол. XIX - нач. XX в / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, М. Ш. Шамилов, Ю. Е. Курилюк // Былые годы. – 2026. – № 21(1). – С. 298-306. – DOI 10.13187/bg.2026.1.298.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

3. Мелентьев А. В. Правовой обычай в отечественной и зарубежной правовой доктрине / А. В. Мелентьев, О. А. Плоцкая // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 51, № 3. – С. 7-13. – DOI 10.21779/2224-0241-2024-51-3-7-13.

4. Мелентьев А. В. Соотношение обычая делового оборота и нормативного правового акта в механизме правового регулирования в сфере предпринимательства / А. В. Мелентьев, О. А. Плоцкая // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2025. – Т. 53, № 1. – С. 14-20. – DOI 10.21779/2224-0241-2025-53-1-14-20.

5. Мелентьев А. В. Юридический обычай в практике волостных судов Российской империи во второй половине XIX - начале XX века / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 21-25. – DOI 10.24412/2073-3313-2025-1-21-25.

6. Мелентьев А. В. Правовой обычай и трансформация наследственных отношений в практике волостных судов Московской губернии конца XIX - начала XX века / А. В. Мелентьев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 88-90. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_88.

7. Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861-1917 гг.) / А. В. Мелентьев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2026. – № 1(77). – С. 24-27.

8. Мелентьев А. В. Правовой обычай как основа волостного судопроизводства в крестьянской среде: опыт Московской губернии конца XIX века / А. В. Мелентьев // Теория государства и права. – 2026. – № 1(48). – С. 158-163. – DOI 10.47905/MATGIP_2026_1_48_158.

9. Мелентьев А. В. Роль правового обычая в механизме реализации норм обычного права в судебной практике волостных судов Московской губернии (конец XIX - начало XX веков) / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2026. – № 4. – С. 22-27. – DOI 10.24412/2073-3313-2026-4-22-27.

10. Мелентьев А. В. Организация и функции волостных судов по итогам правовых реформ 1861, 1889 и 1912 гг / А. В. Мелентьев // Образование и право. – 2026. – № 5. – С. 189-194. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-5-189-194.

11. Мелентьев А. В. Волостные суды Российской империи: роль, функции и проблемы функционирования в контексте реформ второй половины XIX века / А. В. Мелентьев // История государства и права. – 2026. – № 6. – С. 64-69. – DOI 10.18572/1812-3805-2026-6-64-69.

Иные публикации:

12. Мелентьев А. В. К вопросу об изучении обычного права в Российской науке / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции : Сборник научных трудов по материалам V ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2024 года. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2024. – С. 33-43.

13. Мелентьев А. В. Международный обычай как источник международного права: особенности формирования, доктринальные подходы / А. В. Мелентьев // Развитие правовых систем России и зарубежных стран проблемы

теории и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва, 03 марта 2025 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2025. – С. 64-73.

14. Мелентьев А. В. Проблемы осуществления крестьянского правосудия в волостных судах XIX в / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник научных трудов по материалам VI ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2025 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2025. – С. 41-48.

15. Мелентьев А. В. Обычное право в системе правового плюрализма: регулирование земельных отношений волостными судами Московской губернии / А. В. Мелентьев // Развитие правовых систем России и зарубежных стран проблемы теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 04 марта 2026 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2026. – С. 37-42.

16. Мелентьев А. В. Правовой обычай в волостных судах Московской губернии: механизмы адаптации и трансформации / А. В. Мелентьев // Высшая школа: научные исследования: Материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 16 апреля 2026 года. – Москва: Инфинити, 2026. – С. 149-152. – DOI 10.34660/INF.2026.17.47.013.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ (1861-1917): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

1.1. Волостной суд в отечественной историко-правовой доктрине⁵

Волостной суд занимал особое место в системе судебных учреждений дореволюционной России, являясь важным институтом для разрешения мелких гражданских и уголовных дел на местном уровне. Возникновение и функционирование волостных судов связано с реформами XIX века, направленными на децентрализацию судебной системы и адаптацию к нуждам крестьянства.

Волостные суды в крестьянских общинах были образованы как низшая судебная инстанция для разрешения споров между крестьянами и поддержания, таким образом порядка в сельских местностях. Многочисленные исследования отечественных историков-правоведов по теме волостных судов обогащают понимание их исторического значения как уникального института, функционировавшего на пересечении обычаев и государственного права. Как справедливо отмечает В. Б. Безгин, применение опыта «народного правосудия в процессе современного законодательства позволит с большей долей вероятности предвидеть судьбу тех или иных законодательных новелл, спрогнозировать эффективность принятых решений»⁶.

⁵ При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Правовой обычай в отечественной и зарубежной правовой доктрине / А. В. Мелентьев, О. А. Плоцкая // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 51, № 3. – С. 7-13.; Мелентьев А. В. К вопросу об изучении обычного права в Российской науке / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции : Сборник научных трудов по материалам V ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2024 года. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2024. – С. 33-43.; Мелентьев А. В. Проблемы осуществления крестьянского правосудия в волостных судах XIX в. / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник научных трудов по материалам VI ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2025 года. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2025. – С. 41-48.

⁶ Безгин В. Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 10.

Накануне крестьянской реформы 1861 года Россия находилась в состоянии глубокого социально-экономического кризиса, вызванного неэффективностью существовавшей долгое время крепостной системы. Крепостное право стало тормозом для наращивания потенциала аграрного сектора страны и препятствовало модернизации экономики, что особенно остро ощущалось на фоне нарастающей индустриализации в Англии, США, Германии, Франции и других странах. Низкая производительность крепостного труда и нехватка квалифицированной рабочей силы ограничивали возможности экономики страны и усиливали ее отставание от ведущих европейских стран.

Крестьянство, составлявшее основную часть населения Российской империи, в основной своей массе проживало в тяжелейших социальных и экономических условиях, связанных с неэффективностью труда, примитивностью механизмов для обработки земли, а также бесправием сельского населения, произволом помещиков. Видный отечественный историк В. О. Ключевский в своих лекциях по истории как тревожный сигнал отмечает также убыль крепостных в масштабах всей страны, поскольку по проведенной в 1857 года переписи «процент крепостного населения в течение 22 лет уменьшился на 10,5% и [составил] 34,39% населения»⁷ империи.

В. О. Ключевским также были обозначены предпосылки для столь радикальных реформ того времени. Он отмечает проблемы функционирования государственного аппарата, испытывающего различные трудности из-за того, что действовавшая судебная и административная системы не справлялись со своими задачами, недовольство, а также число споров и конфликтов между слоями населения нарастало, увеличивалось число крестьянских восстаний и массовых протестов. Эти беспорядки угрожали социальной стабильности и подрывали доверие к государству, требуя немедленных преобразований. Многие государственные деятели и император Александр II осознавали, что существующая

⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории в 5 ч.-СПб., 1904-1922. - Лекция 86. - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/12 (дата обращения: 12.10.2024).

система крепостного права больше не соответствует вызовам времени и что без его отмены Россия не сможет эффективно развиваться и оставаться конкурентоспособной на мировой арене⁸. Крепостная система тормозила прогресс в экономике, сдерживала развитие сельского хозяйства и промышленности, препятствовала внедрению новых технологий и росту товарно-денежных отношений. К тому же, как отмечают многие историки, поражение в Крымской войне еще больше обнажило существующие проблемы и «всю глубину экономической, государственной и культурной отсталости крепостной России»⁹.

Эти обстоятельства создали острую необходимость проведения реформ, направленных на улучшение положения крестьян и создание новых правовых механизмов управления и судопроизводства в деревне. В совокупности, все эти причины сделали неизбежной масштабную реформу, которая началась с подписания манифеста об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года.

Волостные суды были учреждены в 1861 году в рамках крестьянской реформы, которая по сути ликвидировала устаревший рабовладельческий строй в России. Их создание решалось Общим Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденным 19 февраля 1861 года¹⁰ (далее – Положение 1861 г.). Этот документ детализировал организацию волостных судов, их юрисдикцию и порядок избрания судей из числа крестьян (глава третья, отделение четвертое Положения 1861).

В отечественной историко-правовой доктрине волостной суд изучается как важный элемент эволюции судебных институтов в России, как уникальный институт, функционировавший на пересечении обычаев и государственного права. Так, Д. Д. Пашенцева отмечает: «Волостные суды представляют собой особый, даже во многом уникальный орган, природа и назначение которого непосредственно

⁸ См.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. - М.: Мысль, 1987-1990. – URL: <https://bibliotekar.ru/rusKluch/86.htm> (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Юшков С. В. История государства и права СССР. Часть 1. - Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – С. 438.

¹⁰ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 Т. 36. Отд. IV. № 36657.

определялись особенностями национально-территориального устройства Российской империи, спецификой, проводившейся в отношении крестьянского населения политикой. Несмотря на название, их нельзя считать только судебными органами»¹¹. Данная позиция вполне обоснована, так как волостные суды формировались не «сверху», а с учетом местных обычаев, социального устройства общин и исторически сложившихся правил разрешения споров, что обеспечивало их легитимность в глазах крестьянского населения. Одновременно их организация соответствовала имперской административной модели с элементами локальной автономии, позволяя эффективно регулировать хозяйственные и гражданские отношения на обширных и этнически разнообразных территориях страны.

Специфику применения обычаев в условиях российской деревни изучались различными дореволюционными учеными¹². В числе первых системных исследователей русского права был И. Д. Беляев. В своей книге автор подробно исследует историю развития правовых институтов в России и показывает, что судебная система в России прошла через множество реформ и изменений, особенно в период усиления крепостного права, лишения крестьянства личных прав; указывает на ключевые реформы Петра I, Екатерины II и других правителей, которые усилили зависимость крестьян и закрепили власть помещиков в судебных

¹¹ Пашенцева, Д.Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. – С. 86.

¹² Базанов И. А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. – Томск: 1-я типолитография П. И. Макушкина, 1902. – 34 с.; Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии / П. С. Ефименко. – М.: ОГИ, 2009. – 272 с.; Ефименко А. Я. Женщина в крестьянской семье // Исследования народной жизни: Обычное право. Вып. 1. М.: В. И. Касперов, 1884. 398 с.; Качоровский К. Р. Народное право. - М.: Мол. Россия, 1906. - 256 с.; Кистяковский А. Ф. Программа для собирания и изучения юридических обычаев и народных воззрений по уголовному праву: практическое пособие. – Киев: Университетская типография, 1878. – 53 с.; Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб, 1914. - 364 с.

разбирательствах¹³. Суды над крепостными крестьянами отражали общие негативные черты сословного деления и неравенства в Российской империи¹⁴.

Другой исследователь, Н. В. Калачов касается вопросов создания волостных судов указывает на их резкое отличие от иных судебных учреждений, так как они представляли собой важный элемент крестьянского самоуправления, обеспечивающий правосудие как исключение из общего правила. Поэтому Н. В. Калачов подвергал критике позицию И. В. Беляева в части «указания на какие-то льготы, предоставленные по суду крестьянским общинам с участием выборных народных судей под контролем правительственных чиновников», считая это «не более чем привилегией, исключением из общего правила»¹⁵. По его мнению, в отправлении суда участвовали выборные из крестьян, но под правительственным надзором, что было обусловлено возложенной на общины ответственностью «за внесение податей и сборов, за обеспечение порядка и спокойствия в уездах, а также за защиту местных жителей от воровства и разбоев. Следовательно, эти «выборные люди были ничем иным, как чиновниками, которые не только допускались, но и требовались правительством для поддержания полицейского контроля»¹⁶. Данная позиция указывает на двойственный характер правового положения волостных судов: несмотря на их крестьянский состав, деятельность суда подчинялась государственным интересам, обеспечивая выполнение возложенных на общины обязанностей.

Н. Д. Калачов подчеркивает значение выборных крестьянских представителей, которые брали на себя административные и полицейские задачи там, где официальные чиновники оказывались неэффективны. Судебные структуры, опиравшиеся на обычное право и существовавшие в России с древних времен, рассматривали гражданские и отчасти уголовные дела, фактически

¹³ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси.- Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1905.- С. 123-135.

¹⁴ См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина / Отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011 – С. 800-801.

¹⁵ Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России / Ст. 1. - [Санкт-Петербург] : тип. В. Безобразова и К^о, ценз. 1880. - С. 3.

¹⁶ Указ. соч. - С. 4.

замещая официальных представителей судебной власти в общинах. Выборные судьи нередко справлялись с местными проблемами и поддержанием порядка лучше, чем назначенные государством чиновники. Волостные суды XIX века, таким образом, продолжали давнюю традицию: они руководствовались местными обычаями и связывали крестьянское сообщество с государственной властью¹⁷.

В. Б. Безгин сосредоточивается на применении обычного права волостными судами. Автор справедливо полагает, что категории о правде, справедливости, которые характерны для обычного права «и сегодня присущи правосознанию наших сограждан»¹⁸, поэтому анализ особенностей обычного права имеет перспективы для дальнейших исследований. В. Б. Безгин рассматривает волостные суды как институт, сохранявший традиционные нормы поведения и обычаи крестьянской общины. Волостной суд был судебным органом русских крестьян и совмещал «три довольно разнородных начала: сословности, судебной автономии крестьянского населения и руководства в судебных решениях обычным правом»¹⁹.

И. С. Меншиков исследует волостные суды как хранителей традиционного крестьянского правопорядка. В своих трудах он отмечает, что волостной суд играл роль не только юридического, но и культурного института, регулируя взаимоотношения в русской деревне на основе обычаев. Положение 1861 г. стало важнейшей частью реформы, которая предусматривала создание институтов местного самоуправления, включая волостные суды, для разрешения мелких споров среди крестьян, а также представителей других, проживающих в границах сельских общин «низших сословий» (мещане, посадские, ремесленники)²⁰.

¹⁷ См.: Калачов Н. В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России / [Соч.] Н.В. Калачова. Ст. 1. - Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К^о, ценз. 1880. - С. 20.

¹⁸ Безгин В. Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 7.

¹⁹ Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. - М.: Common place, 2017. – С. 276.

²⁰ См.: Меншиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 6(68). Ч. I. - С. 120.

Изучая деятельность волостных судов в пореформенной России, В. Н. Мартышкин подчеркивает их малоизученность, уделяя особое внимание роли Судебных уставов 1864 года в реформировании этой системы²¹. Он указывает на многочисленные недостатки этих учреждений: неграмотность судей, их грубость и суровость нравов, использование телесных наказаний. Вместе с тем автор признает, что волостные суды оставались незаменимыми при разрешении местных конфликтов и утверждении порядка в крестьянских общинах²².

И. Г. Верховцева анализирует реформирование волостных судов, выделяя введение в 1889 году института земских начальников как поворотный момент: они приняли контроль над волостными судами, вытеснив мировых судей и существенно ограничив самостоятельность крестьянского правосудия. Реформа оказалась паллиативной мерой, не устранившей накопившихся противоречий, и необходимость дальнейших преобразований сохранялась. Законопроект 1912 года предусматривал частичное восстановление функций мировой юстиции, учреждение «верхних сельских судов» для пересмотра дел, переход к письменному судопроизводству и установление образовательного ценза для судей, что должно было поднять качество правосудия. Однако, несмотря на эти меры, волостные суды продолжали оставаться сословными институтами, что вызвало дальнейшее недовольство, и в 1916 году был предложен законопроект об их полном упразднении²³.

Другой исследователь, Н. В. Башкирева, анализируя реформу волостных судов 1889 г. констатирует, что после введения контрольных функций за деятельностью волостного суда со стороны земских начальников, появилась своего

²¹ См.: Мартышкин В. Н. Волостное судопроизводство в пореформенной России // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 97.

²² См.: Мартышкин В. Н. Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 3(10). – С. 36.

²³ См.: Верховцева И. Г. Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912-1914 гг. // Интеллигенция и власть. – 2015. – № 32. – С. 51-52.

рода опека, зависимость от субъективного поведения земского чиновника, его оценки на возникший конфликт или спор. Позитивным результатом реформы отмечается коллегиальность рассмотрения апелляции на решение волостного суда, а также возможность применять в качестве источника права нормы российского закона, а не обычного права. Также Н. В. Башкиревой подчеркивается, что после появления апелляционной инстанции в виде коллегии земских начальников произошло «сокращение практики применения телесных наказаний в крестьянской среде»²⁴.

В своих работах С. В. Лонская акцентирует внимание на процессе унификации дифференцированной судебной системы Российской империи, где волостные (крестьянские) суды рассматривались как переходный элемент между традиционной крестьянской системой разрешения споров и централизованной системой государственного правосудия, поскольку были сходны с мировой юстицией («имели ограниченную юрисдикцию (малозначительные гражданские и уголовные дела), использовали упрощенный порядок судопроизводства»²⁵).

То есть можно с полным правом говорить об особой правовой природе этих судебных учреждений, имеющих черты судебных органов по разрешению споров, так и санкционированного государством института, способного придавать юридическую силу существующим в крестьянской общине обычаям.

Одним из ключевых моментов в исследованиях волостных судов является их компетенция. Они имели ограниченные юрисдикционные полномочия, которые включали рассмотрение имущественных споров, вопросов, касающихся мелких краж, а также незначительных преступлений. Для разрешения споров любой сельский сход, как правило, был первой инстанцией, отмечает Л. И. Земцов, а волостной суд выполнял роль суда второго порядка, окончательной инстанцией

²⁴ Башкирева Н. В. Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу о взаимодействии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1(260). – С. 167.

²⁵ Лонская С. В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 9. – С. 7-8.

понятной для крестьян и признаваемой ими в качестве авторитетной власти²⁶. Поскольку такие суды рассматривали дела, связанные с мелкими имущественными спорами, вопросами бытовых конфликтов и незначительными уголовными делами, они стали одним из ключевых элементов крестьянского самоуправления и должны были обеспечить крестьянским общинам возможность самостоятельно разрешать внутренние споры. Хотя некоторые исследователи. А. М. Смирнов трактуют применяемый обычай как преступный самосуд, как негативный пережиток прошлого²⁷, И. Н. Васев предлагает непредвзятый взгляд на применение крестьянами к членам своей общины самосуда²⁸, Т. В. Шатковская также предлагает воспринимать самосуд как непреходящий атрибут самобытной сельской культуры, имеющий древние корни²⁹.

Исследователи волостных судов также подчеркивают их важную роль в обеспечении правопорядка в крестьянской среде. Ю. В. Щедрина рассматривает проблемы правового статуса судей волостных судов, уделяя внимание их независимости в условиях сильного административного давления. В своих трудах она анализирует законодательные проекты и практику их реализации, акцентируя внимание на сложностях обеспечения объективности и законности решений, принимаемых волостными судьями³⁰.

Вопросы деятельности волостных судов изучаются и с позиции комплексного подхода ко всей судебной системе Российской империи. Например, К. Ю. Хорошун в своем диссертационном исследовании о системе

²⁶ См.: Земцов Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XX в.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 84.

²⁷ См.: Смирнов А. М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи // История государства и права. – 2013. – № 10. – С. 10-13; Смирнов А. М. Самосуд в России. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 60.

²⁸ См.: Васев И.Н. Самосуд в крестьянском правовом быту// Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. – 2016. – № 12-13. - С. 261-273.

²⁹ См.: Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 35 – 39.

³⁰ См.: Щедрина Ю. В. Обеспечение независимости судей волостных судов в России в 60-е - 80-е гг. XIX в.: правовое регулирование и практика реализации // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 2. – С. 9.

правоохранительных органов в начале XX века отмечает, что существование волостных судов параллельно с мировыми стало «новым направлением отечественного судоустройства и судопроизводства»³¹. Р. И. Абушов³², Е.В. Кузнецова³³, Н.В. Куприянович³⁴ рассматривают вопросы развития мировой юстиции как системы сословных судов по реформам 1864 года в условиях существования сословных волостных судов.

Кроме изучения вопросов создания и функционирования волостных судов в целом по стране, ряд исследователей занимались проблемами отдельных регионов, губерний Российской империи. Т. Н. Шишкарева исследует региональную специфику волостных судов на материале Курской губернии 1861–1889 годов и показывает, что эти суды превратились в центральный механизм разрешения местных споров. Опираясь на местные обычаи, они формировали устойчивую систему крестьянской самоуправляемой юстиции³⁵.

Волостные суды на землях Мордовии, по наблюдениям В. В. Барина, совмещали правосудие с поддержанием социального мира среди крестьян³⁶. В диссертационном исследовании он показывает, как эти учреждения

³¹ Хорошун К.Ю. Судебные и правоохранительные органы Российской Империи, 1881-1905 гг.: на материалах Тамбовской губернии: автореф.т дис. ... канд. истор. наук/ Хорошун Кирилл Юрьевич; [Место защиты: Орлов. гос. ун-т]. - Тамбов, 2008. – С. 17.

³² См.: Абушов Р. И. Генезис института мировых судей в России: дис. ... канд. юрид. наук / Абушов Расим Илхам оглы; Современ. гуманитар. акад. - Москва, 2009. - 184 с.

³³ См.: Кузнецова Е. В. Мировая юстиция в пореформенной России (1864-1917 гг.) (особенности организации в Вологодской губернии): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецова Елена Владимировна. – Москва, 2010. – 209 с.

³⁴ См.: Куприянович, Н. В. Мировой суд в системе судебной власти Российской Федерации: вопросы теории и практики: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Куприянович Наталья Валентиновна. – Саратов, 2006. – 23 с.

³⁵ См.: Шишкарева Т. Н. Деятельность волостных судов в 1861 – 1889 гг. в Курской губернии // Перспективы науки. - 2014. - № 1(52). - С. 26 – 30.

³⁶ Барин В. В. Система органов волостной юстиции на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Российский научный мир. - 2013. - № 1. - С. 120 – 128.

функционировали при ограниченных ресурсах, балансируя между традиционным крестьянским правом и постепенно внедряемыми государственными нормами³⁷.

Диссертации А. Г. Алборово³⁸ и Е. Ю. Игнатъевой³⁹ обращены к другому аспекту той же проблематики, авторы исследуют, каким образом волостные суды закрепляли правовой статус крестьянства и регулировали повседневные отношения, опираясь на взаимодействие обычного и государственного права.

М. А. Соснина исследует волостное судоустройство Архангельской губернии, обращая особое внимание на правовое регулирование деятельности этих судов и их взаимодействие с местными обычаями⁴⁰. Региональная специфика приобретает здесь принципиальное значение, поскольку удаленность северных территорий от центра порождала особые условия для отправления правосудия. Соснина анализирует практические казусы, демонстрирующие, каким образом местные обычаи корректировали применение формальных юридических норм, когда строгое следование букве закона оказывалось затруднительным или невозможным. Ее работа выявляет сложную динамику между предписаниями центральной власти и реальной практикой крестьянских общин.

Названные авторы прослеживают эволюцию волостных судов в контексте судебных реформ, оценивая роль этого института в обеспечении прав крестьянского сословия. Волостные суды выступали инструментом социальной адаптации к пореформенным условиям, связывая традиционный уклад крестьянской жизни с новыми правовыми реалиями Российской империи.

³⁷ См.: Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Баринов Виктор Владимирович. – Саратов, 2017. – 22 с.

³⁸ См.: Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – 29 с.

³⁹ Игнатъева, Е. Ю. Судебное правотворчество в Российской империи второй половины XIX в. - начала XX в. в процессе применения норм обычного права: дис. ... канд. юрид. наук / Игнатъева Екатерина Юрьевна, 2020. – 226 с.

⁴⁰ См.: Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Соснина Мария Александровна. - , 2023. – 218 с.

Диссертационные исследования М. А. Гордеевой⁴¹, П. В. Ерина⁴², Т. А. Залюбовской⁴³, Л. И. Земцова⁴⁴, Е. В. Кучерявенко⁴⁵, Е. В. Крамченко⁴⁶, М. А. Мельничук⁴⁷, С. А. Попова⁴⁸, Е. В. Почеревина⁴⁹, Н. И. Скуратовой⁵⁰ и Т. Н. Шишкаревой⁵¹ существенно обогатили понимание волостного судопроизводства, поскольку в них раскрыты особенности функционирования этих судов в различных губерниях России. А. А. Сорокин в своей диссертации, опираясь на документальные источники, затронул исторические аспекты общественно-политических дискуссий о реформе местного суда в 1889–1912 годах⁵².

⁴¹ Гордеева М. А. Органы крестьянского самоуправления в Томской губернии (1898 - 1917 гг.) : дис. ... канд. истор. наук / Гордеева Мария Александровна, 2020. – 207 с.

⁴² Ерин, П. В. Общественное управление и сельское правосудие русских крестьян на рубеже XIX - XX веков: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Ерин Павел Викторович. – Белгород, 2014. – 229 с.

⁴³ Залюбовская Т. А. Крестьянское самоуправление в Забайкальской области (вторая половина XIX в. - 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Залюбовская Татьяна Алексеевна. – Иркутск, 2014. – 24 с.

⁴⁴ Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е - 80-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... докт. истор. наук / Земцов Леонид Иосифович. – Липецк, 2004. – 34 с.

⁴⁵ Кучерявенко, Е. В. Деятельность судов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Кучерявенко Евгений Владимирович. – Кемерово, 2011. – 30 с.

⁴⁶ Крамченко Е. В. Судебная система Воронежской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Крамченко Евгений Валерьевич. – Воронеж, 2005. – 26 с.

⁴⁷ Мельничук М. А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мельничук Марина Александровна. – Краснодар, 2007. – 26 с.

⁴⁸ Попов С. А. Система крестьянского самоуправления в Вологодской губернии : вторая половина XIX - начало XX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Попов Сергей Александрович; [Место защиты: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова]. – Сыктывкар, 2014. – 22 с.

⁴⁹ Почеревин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. - 1917 г.) : дис. ... канд. истор. наук / Почеревин Евгений Владимирович. – Бийск, 2013. – 232 с.

⁵⁰ Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861 - 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скуратова Инна Николаевна. – Владимир, 2007. – 21 с.

⁵¹ Шишкарева Т. Н. Крестьянское общественное управление в 1861-1900 гг. (на материалах Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. истор. наук / Шишкарева Татьяна Николаевна. – Белгород, 2013. – 27 с.

⁵² Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889 -1912 гг.) : дис. ... канд. истор. наук / А. А. Сорокин. – Нижний Новгород, 2017. – 262 с.

Перечисленные работы позволяют глубже осмыслить организационно-правовые основы и социально-экономическую роль волостных судов в пореформенной России. Волостные суды выступали арбитрами в крестьянских спорах и тем самым способствовали сохранению социальной стабильности, сочетая в своей деятельности элементы формального и неформального правопорядка. Отдельные исследования прослеживают эволюцию волостных судов в контексте судебных реформ конца XIX века. В тот период эти суды подвергались критике за низкую правовую культуру и ограниченную компетенцию, что в итоге привело к их реформированию и интеграции в общую судебную систему Российской империи.

Часть исследователей полагает, что подобная критика диктовалась стремлением реформаторов централизовать судебную власть и далеко не всегда соответствовала действительности. А. А. Сорокин в своих работах сосредоточился на реформе волостных судов 1890-х годов, проводившейся по материалам комиссии Н. В. Муравьева⁵³, и подробно разбирает ее влияние на структуру и практику этих судов, а также препятствия, возникавшие при их встраивании в имперскую судебную систему. Сорокин приходит к выводу, что реформы повысили эффективность правосудия, однако местное крестьянское право и обычаи сохранились, благодаря чему волостной суд остался своеобразным институтом.

О. С. Степанова⁵⁴ исследует эволюцию волостных судов в пореформенный период, прослеживая их место в общей системе правосудия Российской империи и характер взаимодействия с новыми органами власти. В ее работах показано, что волостные суды, несмотря на реформы и стремление государства к унификации

⁵³ См. Сорокин А. А. Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам комиссии Н. В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. - 2016. - № 6. - С. 68.

⁵⁴ См.: Степанова О. С. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 2. С. 58 – 70; Степанова С. О. Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX - начале XX в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-1(21). – С. 183-185.

судебной системы, во многом сохраняли черты традиционной крестьянской юстиции.

С. О. Степанова и М. А. Соснина обращают внимание на специфические правовые механизмы, которыми волостные суды пользовались при регулировании конфликтов интересов крестьянских общин⁵⁵. Государство неоднократно предпринимало попытки усилить контроль над деятельностью этих судов, однако они сохраняли значительную самостоятельность: их решения нередко опирались на местные традиции и нормы, а не на общеимперское законодательство, что сближало такое правосудие с повседневными нуждами крестьян⁵⁶. Подобное сочетание формальной включенности в государственную систему и фактической автономии превращает волостные суды в уникальное явление правовой жизни Российской империи.

Исследователи вроде В. Н. Мартышкина обращаются к практической стороне работы волостных судов, рассматривая их как инструмент урегулирования споров в период стремительных перемен после отмены крепостного права. Переход к новым формам хозяйствования порождал конфликты, и волостные суды оказались способны адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям, превратившись в ключевой механизм разрешения земельных и имущественных разногласий в пореформенной деревне⁵⁷. Мартышкин детально прослеживает эту адаптацию. Г. Г. Бриль в своей статье анализирует состояние волостного судопроизводства в 264 волостях Костромской губернии, опираясь на архивные

⁵⁵ Степанова О. С. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2013. - № 2. - С. 62; Соснина, М. А. Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) / М. А. Соснина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 139.

⁵⁶ Степанова О. С. Указ. соч. - С. 62.

⁵⁷ См. Мартышкин В. Н. Волостное судопроизводство в пореформенной России // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 97-105; Мартышкин В. Н. Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 3(10). – С. 33-37.

материалы, которые фиксируют высокую степень удовлетворенности крестьян работой этих судов⁵⁸.

Исследователи также затрагивают вопрос о независимости судей волостных судов. Ю. В. Щедрина в своих трудах отмечает, что судьи, как правило, выбирались из числа местных крестьян, что обеспечивало высокую степень доверия со стороны населения⁵⁹. Однако, одновременно с этим, зависимость от местной общины и крестьянской среды порождала определенные вызовы, связанные с их беспристрастностью и соблюдением государственных правовых норм. Так, Д.Д. Пашенцева акцентирует внимание на факт того, что в практике волостных судов прослеживалось тесное взаимодействие с волостными старшинами, что приводило к слиянию судебной и административной функций⁶⁰.

Это отражает интеграцию формальных судебных процедур с местными управленческими институтами, поскольку старшина выполнял различные представительские функции внутри крестьянской общины, организовывал совместное ведение хозяйства и участвовал в разрешении конфликтов, не обладая формальными полномочиями от государства. Тем не менее, по словам А. И. Языкова, как авторитетный представитель, волостной старшина мог иметь исключительные полномочия и как судья, к которому подают жалобы, и как исполнитель и контролер принятых решений⁶¹.

⁵⁸ См. Бриль Г. Г. Волостные суды в Костромской губернии: (вторая половина XIX - начало XX века) // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль : Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции, Кострома, 06 октября 2023 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2023. – С. 6-11.

⁵⁹ См. Щедрина Ю. В. Обеспечение независимости судей волостных судов в России в 60-е - 80-е гг. XIX в.: правовое регулирование и практика реализации // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 2. – С. 9; Щедрина Ю. В. Правовое регулирование статуса волостных судей в проектах редакционных комиссии (1902-1904 гг.) [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. № 1. URL: <http://vestnikmgou.ru/Articles/Doc/542>.

⁶⁰ См., Пашенцева, Д.Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. – С. 93.

⁶¹ См., Языков, А.И. О преобразовании волостного суда: Докл. д. чл. Юрид. о-ва при Спб. ун-те А.И. Языкова в заседании Адм. отдния О-ва 12 янв. 1885 г. - Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1885. – С. 27.

Таким образом, многочисленные исследования историков и правоведов раскрывают многоаспектную природу волостных судов как института, соединяющего в себе традиции крестьянского самоуправления и новые правовые требования государства, способствовавшие двойственной природе данного органа. В волостном судопроизводстве прослеживается отчетливое влияние крестьянских морально-этические нормы, и в этом отношении они «выступают в качестве регулятора, часть из которых адаптируется и закрепляется в нормативно-правовых актах»⁶² в процессе развития правовой системы, что позволяет сочетать традиционные представления о справедливости с официальным правовым регулированием.

Реформы судебной системы начала XX века, привели к постепенному упадку значимости волостных судов как сословных. Эти изменения подготовили почву для их ликвидации после Октябрьской революции 1917 года, когда новая советская власть полностью изменила судебную систему, заменив ее на систему народных судов.

Постановлением Временного правительства от 21 мая 1917 г. было⁶³ предусмотрено преобразование крестьянской сословной волости во всесословную земскую, которой должны были управлять волостное земское собрание и избираемая земская управа, а волостной суд как крестьянский сословный суд перестал существовать.

Полное упразднение всех ранее существовавших судебных учреждений произошло в 1917 году после Октябрьской революции, когда был издан Декрет о суде, утвержденный Советом народных комиссаров. Первый Декрет о суде 1917

⁶² Дерезглазов, А.А. Правовое регулирование межевания и землеустройства в России в XVIII – XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дерезглазов. - Москва, 2025. – С. 23.

⁶³ См. Постановление Временного правительства от 21 мая 1917 г. о введении волостного земского самоуправления: временное положение о волостном земском управлении и наказ о производстве выборов волостных земских гласных / под редакцией секретаря комитета П. В. Чагина. - Пермь: издание Пермского губернского статистического комитета, 1917. - 42 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: <https://www.prlib.ru/item/438242?ysclid=m264hd51xz169434524> (дата обращения 12.10.2024).

года⁶⁴, отменил дореволюционные правовые институты - присяжных поверенных, судебных следователей, прокуратуру, адвокатуру, все существовавшие судебные учреждения, кроме мировых судов, и заложил основу для создания новой системы народных судов. Эти изменения стали частью широкомасштабной судебной реформы, направленной на кардинальную замену старых правовых институтов советскими органами правосудия.

Таким образом, раскрытая теоретико-правовая дискуссия о сущности, организации и правовой природе волостных судов может быть условно разделена на несколько доктринальных направлений, различающихся по методологии, оценке автономии крестьянского правосудия и роли обычного права в системе дореволюционного судоустройства. Поэтому, необходимо выделить следующие направления, отражающие сложившиеся тенденции в правовой доктрине:

I. Консервативно-критическое направление второй половины XIX века. Представители данного подхода (в частности, Н. В. Калачов⁶⁵) скептически оценивали правовую самостоятельность волостного суда и рассматривали его как исключение в составе единой судебной системы Российской империи. Акцент сделан на сословном характере крестьянской юстиции, ее ограниченной компетенции и фактической зависимости от административной власти. Выборные судьи трактовались не как самостоятельные носители судебной функции, а как элементы полицейско-административного механизма государства;

II. Либеральное направление второй половины XIX века, признающее самостоятельную ценность народного обычного права и возможность его систематизации. Исследователи, опиравшиеся на идеи кодификации народных обычаев (к примеру, К. Д. Кавелин⁶⁶), исходили из положения о том, что

⁶⁴ См. Декрет Совет Народных Комиссаров от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. «О суде». – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 12.10.2024).

⁶⁵ Калачов, Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России / Соч. Н.В. Калачова. Ст. 1. - Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К^о, ценз. 1880. - 22 с.

⁶⁶ Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней Руси/ Собрание сочинений К. Д. Кавелина Текст Монографии по русской истории Т. 1. – М., 1897. – 66 с.; Кавелин, К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://commons.wikimedia.org/.pdf> (дата обращения: 24.12.2024); Кавелин, К. Д. Очерк

крестьянская правовая культура обладает внутренней логикой и устойчивыми принципами справедливости. В рамках данного подхода волостной суд рассматривался как орган, выражающий правосознание крестьянской общины и обеспечивающий применение норм, укорененных в традиции. Особенностью направления является позитивная оценка автономии волостного судопроизводства;

III. Историко-эволюционный подход второй половины XIX века. В частности, И. Д. Беляев⁶⁷ анализировал исторические предпосылки формирования сословных судебных институтов, указывая на трансформацию судебной системы от крепостнической модели к реформированному правопорядку второй половины XIX века. Данное направление характеризуется рассмотрением волостного суда как переходного института, возникшего эволюционным путем в результате реформ и отражающего специфику социального строя;

IV. Современные историко-правовые исследования (конец XX начало XXI вв.) включают следующие направления:

а) административная интерпретация волостного судопроизводства, при которой волостные суды преимущественно оцениваются как сословные органы, ограниченные рамками крестьянского самоуправления и зависимые от государственной власти. Н. В. Башкирева, И. Г. Верховцева, В. Н. Мартышкин⁶⁸ и

юридических отношений, возникающих из семейного союза / Соч. К. Кавелина. - Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1884. - 170, II с.

⁶⁷ Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина, отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011 (по изданию 1879 г.) - 896 с.; Беляев, И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси / И. Д. Беляев - Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1905. - 135 с.

⁶⁸ Башкирева, Н. В. Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу о взаимодействии / Н. В. Башкирева // Известия Воронежского государственного педагогического университета. - 2013. - № 1(260). - С. 164-169; Верховцева, И. Г. Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912-1914 гг / И. Г. Верховцева // Интеллигенция и власть. - 2015. - № 32. - С. 48-58; Мартышкин, В. Н. Волостное судопроизводство в пореформенной России / В. Н. Мартышкин // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. - Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. - С. 97-105; Мартышкин, В. Н. Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г / В. Н. Мартышкин // Евразийская адвокатура. - 2014. - № 3(10). - С. 33-37; Мартышкин, В. Н. Волостной суд в зеркале Судебной реформы 1860-х гг. в России / В. Н. Мартышкин // Российское правосудие. - 2014. - № 11(103). - С. 6-11.

др., исследуют реформирование волостных судов (особенно реформу 1889 года), уделяя внимание проблеме административного контроля и ограничению их автономии. Акцентируется внимание на сословной природе волостных судов и подчиненности интересам государства, при которой самостоятельность данных органов рассматривалась как условная и второстепенная роль в судебной системе;

б) институционально-правовое направление, рассматривающее волостной суд как необходимый элемент судебной системы конца XIX и переходный институт для полной модернизации (в частности, Р. И. Абушов, Л. И. Земцов, Е.В. Кузнецова, Н.В. Куприянович, М. А. Мельничук, Т. В. Шатковская⁶⁹). Данные авторы анализируют волостные суды в контексте происходившей унификации судебной системы, а также как основу для построения современной мировой юстиции;

в) культурно-антропологическое, акцентирующее внимание на применяемом волостными судами особом праве и его влиянии на правосознание крестьянства – как негативном, так и нейтральном (А. Г. Алборова, В. Б. Безгин, И. Н. Васев, Е. Ю. Игнатьева, И. С. Менщиков, А. А. Сорокин⁷⁰ и др.);

⁶⁹ Абушов, Р. И. Генезис института мировых судей в России: дис. ... канд. юрид. наук / Абушов Расим Илхам оглы; Современ. гуманитар. акад. - Москва, 2009. - 184 с.; Земцов, Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е - 80-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... докт. истор. наук / Земцов Леонид Иосифович. – Липецк, 2004. – 34 с.; Кузнецова, Е. В. Мировая юстиция в пореформенной России (1864-1917 гг.) (особенности организации в Вологодской губернии): дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецова Елена Владимировна. – Москва, 2010. – 209 с.; Куприянович, Н. В. Мировой суд в системе судебной власти Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Куприянович Наталья Валентиновна. – Саратов, 2006. – 23 с.; Мельничук, М. А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мельничук Марина Александровна. – Краснодар, 2007. – 26 с.; Шатковская, Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Шатковская Татьяна Владимировна. - Ростов-на-Дону, 2009. - 59 с.

⁷⁰ Алборова, А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – 29 с.; Безгин, В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин - М.: Common place, 2017. - 334 с.; Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: Монография / В. Б. Безгин. – Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015 – 192 с.; Безгин, В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В. Б. Безгин. – Тамбов, 2012 – 124 с.; Васев И.Н. Самосуд в крестьянском правовом быту// Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при

г) признание комплексности правовой природы волостных судов, осуществлено в работах О. С. Степановой, М. А. Сосниной, Д. Д. Пашенцевой⁷¹ и др. Так, Д. Д. Пашенцева, оценивает волостные суды как уникальный институт, сочетающий элементы судебной и административной природы, что обусловлено, в основном, национально-территориальной спецификой Российской империи в период их функционирования;

д) регионально-исторические исследования (В. В. Баринов, Т. А. Залюбовская, П. В. Ерин, Е. В. Кучерявенко, Е. В. Крамченко, О. А. Плоцкая, Е. В. Почеревин, И. Н. Скуратова, М. А. Соснина, К. Ю. Хорошун, Т. Н. Шишкарева⁷²)

Президенте Российской Федерации. – 2026. – № 12-13. – С. 261-273.; Игнатъева, Е. Ю. Судебное правотворчество в Российской империи второй половины XIX в. - начала XX в. в процессе применения норм обычного права: дис. ... канд. юрид. наук / Игнатъева Екатерина Юрьевна, 2020. – 226 с.; Менщиков, И. С. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: монография / И. С. Менщиков, С. Г. Федоров - Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. - 151 с.; Сорокин, А. А. Крестьянский волостной суд российской империи в оценках общественности конца XIX в. / А. А. Сорокин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 417. – С. 147-154; Сорокин, А. А. Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX - начале XX вв / А. А. Сорокин // Социогуманитарный вестник. – 2011. – № 2(7). – С. 121-125.

⁷¹ Пашенцева, Д.Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. - 161 с.; Соснина, М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Соснина Мария Александровна. – Казань, 2023. – 218 с.; Соснина, М. А. Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) / М. А. Соснина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 135-154; Степанова О. С. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. -2013. - № 2. - С. 58 – 70; Степанова, С. О. Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX - начале XX в / С. О. Степанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-1(21). – С. 183-185.

⁷² Баринов, В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / Баринов Виктор Владимирович. – Саратов, 2017. – 229 с.; Залюбовская, Т. А. Крестьянское самоуправление в Забайкальской области (вторая половина XIX в. - 1917 г.) автореф. дис. ... канд. истор. наук / Залюбовская Татьяна Алексеевна. – Иркутск, 2014. – 24 с.; Ерин, П. В. Общественное управление и сельское правосудие русских крестьян на рубеже XIX - XX веков: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Ерин Павел Викторович. – Белгород, 2014. – 229 с.; Кучерявенко, Е. В. Деятельность судов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Кучерявенко Евгений Владимирович. – Кемерово, 2011. – 30 с.; Крамченко, Е. В. Судебная система Воронежской губернии во второй половине XIX - начале XX вв: автореферат дис. ... канд. истор. наук / Крамченко Евгений Валерьевич. – Воронеж, 2005. – 26 с.; Плоцкая, О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв. : историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О.А. Плоцкая. - Москва, 2016. - 455 с.; Почеревин, Е. В. Низовая

позволяют выявить специфику функционирования волостных судов в отдельных губерниях или регионах Российской империи и представляют наибольший интерес в плане исследования местной волостной практики.

В целом, современная наука исходит из положения о сочетании в деятельности волостных судов элементов государственного законодательства и крестьянского обычного права. Вместе с тем сохраняется дискуссия о степени их автономии и роли в процессе формирования и последовательного реформирования российской судебной системы. Особый интерес в этом плане представляет изучение практики волостных судов центральных губерний, в частности Московской, где влияние административного центра могло существенно трансформировать баланс между обычно-правовым и государственным контролем.

Обзор представленных работ показал, что исследованием волостного суда в историко-правовой доктрине занимаются представители самых различных направлений. Однако, в теоретико-методологических трудах, как правило, отсутствует анализ проблем применения норм обычного права в волостных судах Московской губернии.

Существуют отдельные публикации об организации деятельности волостных земств и волостных судов Московской губернии. Однако, они не отражают специфику и особенности применения правового обычая в волостном судопроизводстве, исследуемой губернии⁷³.

административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. - 1917 г.): дис. ... канд. истор. наук / Почеревин Евгений Владимирович. – Бийск, 2013. – 232 с.; Соснина, М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Соснина Мария Александровна. – Казань, 2023. – 218 с.; Хорошун, К.Ю. Судебные и правоохранительные органы Российской Империи, 1881-1905 гг.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Хорошун Кирилл Юрьевич- Тамбов, 2008. - 219 с.; Шишкарева, Т. Н. Крестьянское общественное управление в 1861-1900 гг. (на материалах Курской губернии): автореф. дис. ... канд. истор. наук / Шишкарева Татьяна Николаевна. – Белгород, 2013. – 27 с.

⁷³ См. Галкин П. В. Организация практической деятельности волостных земств Московской губернии / П. В. Галкин // Исторические чтения КГПИ / Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования Московской области, ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт». Том Вып. 5. – Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2008. – С. 219-227; Тарабанова Т.А. Деятельность волостных крестьянских судов в Московской губернии - доклад на конференции |

Необходимо отметить, что несмотря на значительное количество работ, исследование роли правового обычая в деятельности волостных судов Московской губернии в период с 1861 г. по 1917 г. находится сегодня в начале пути. Требуемыми исследования остаются вопросы отражающие тенденции в применении норм российского позитивного и крестьянского обычного права в волостных судах Московской губернии в следующих видах правоотношений: брачно-семейные, наследственные, земельные и обязательственные.

Подводя итог, при достаточном исследовании общетеоретических вопросов, касающихся роли правового обычая в деятельности волостных судов, рассматривавшие судебные дела в различных российских губерниях, большом количестве научных исследований о месте и роли волостного суда в судебной системе Российской Империи достаточно длительное время проблемы волостной юстиции Московской губернии оставались неизученными, а правовое значение обычая, как источника права, которым руководствовался волостной суд, вынося решения в Московской губернии не являлось предметом специального исследования. Поэтому, необходимость исследования обозначенной темы становится очевидной.

Таким образом, волостной суд в отечественной историко-правовой доктрине рассматривается как значимый, но исторически переходный государственно-правовой институт, сущность которого не может быть сведена исключительно к осуществлению низового правосудия или реализации полицейско-административного контроля. Проведенный анализ научных подходов (консервативно-критического, либерального, историко-эволюционного, а также современных институциональных и антропологических концепций) свидетельствует об устойчивой трансформации доктринального восприятия данного института: от оценки его как сословного архаичного рудимента к признанию его сложной, комплексной природы.

Синтез существующих научных позиций позволяет утверждать, что фундаментальная ценность волостной юстиции раскрывается через ее роль институционального посредника. Функционируя на стыке имперской бюрократии и обычно-правовой самоорганизации, волостной суд обеспечивал жизненно необходимый компромисс между кодифицированным государственным законодательством и патриархальным народным правосознанием. С помощью волостных судов осуществлялся масштабный процесс интеграции крестьянского обычного права в общую правовую систему страны. Посредством судебного санкционирования неписаных обычаев происходила их постепенная легализация, систематизация и эволюционная адаптация к меняющимся социально-экономическим условиям, что предотвращало социальные взрывы и способствовало плавной модернизации правопорядка.

Вместе с тем, несмотря на наличие фундаментальных теоретических работ и широкого спектра региональных исследований, проблема реализации медиативного и интеграционного потенциала волостных судов в отдельных экономически развитых центрах остается нерешенной. В частности, механизмы применения правового обычая в волостных судах Московской губернии – региона с высокой плотностью населения, доминированием отходничества и интенсивным проникновением капиталистических отношений в деревню до настоящего времени не подвергались специальному комплексному анализу. В связи с этим, дальнейшее исследование требует смещения вектора с общих вопросов судоустройства на детальный анализ практики волостных судов Московской губернии в сфере регулирования брачно-семейных, наследственных, земельных и обязательственных правоотношений в условиях преодоления правового плюрализма.

1.2. Правовой статус волостных судов по итогам осуществления реформ, проведенных в 1861, 1889, 1912 гг.⁷⁴

На момент создания волостных судов в Российской империи в середине XIX века, волостная структура представляла собой одну из базовых административно-территориальных единиц сельского самоуправления, включающую несколько сельских общин или населенных пунктов, объединившихся для совместного решения административных и хозяйственных задач в сельской местности.

Термин «волость» происходит от древнерусских слов «володство», «володеть» - управлять, владеть, повелевать, и обозначало территорию или область, находящуюся под управлением или в подчинении какого-либо лица (князя, воеводы)⁷⁵. В России волости исторически сформировались как территориальные образования, объединяющие несколько сельских поселений, означали подвластную территорию с городским центром, управляемую князем или феодалом («княжеское владение») ⁷⁶. В поздние периоды XIII–XVI веков понятие «волость» несколько трансформировалось и стало обозначать административно-территориальную единицу, объединявшую несколько сельских населенных пунктов с определенным количеством крестьянских душ мужского пола на землях, принадлежавших разным феодальным группам (дворцовые, боярские, монастырские).

После крестьянской реформы 1861 г. волость представляла собой «единицу, соединенную для управления и суда из смежных сельских обществ, состоящих в

⁷⁴ При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861-1917 гг.) / А. В. Мелентьев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2026. – № 1(77). – С. 24-27.;

⁷⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева, под ред. и с предисл. профессора Б.А. Ларина. - Москва : Прогресс, 1964-1973. -Т. 1. – С. 344.

⁷⁶ См., Волость /Большая российская энциклопедия - электронная версия – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1927393 (дата обращения - 02.11.2024). – Режим доступа: свободный.

одном уезде»⁷⁷, то есть была основой крестьянского самоуправления и подчинялась уездной администрации, что позволило властям ввести элементы контроля на местах и поддерживать правопорядок на уровне сельских сообществ. При этом государство фактически делегировало часть своих функций местному населению. Как удачно указано А. А. Дорской, после отмены крепостного права возникла дилемма перед государственным аппаратом «либо крестьянская часть российского населения, составляющая в то время не менее 87%, должна была перейти на новый правовой уровень общения с государственной властью, либо необходимо было сохранить обычное право крестьян»⁷⁸. Компромиссом было предоставление волостным судам возможности опираться на общинное обычное право, столь привычное для крестьянского сословия, хоть и нарушающее принципы равенства перед законом и судом.

Формирование волостей происходило в соответствии с Положением 1861 г., которое устанавливало определенные количественные параметры для их образования: согласно п. 43 волость должна была включать, как правило, от трехсот до двух тысяч крестьян мужского пола. При этом учитывались именно лица мужского пола, что объяснялось существовавшей системой налогового и административного учета населения. Фактически же число дворов в одной волости могло достигать от нескольких сотен до тысячи. Основным принцип создания волости заключался в объединении населенных пунктов губерний и областей Российской империи, которые могли совместно выполнять административные, хозяйственные и социальные задачи.

После 1861 года волости стали официальными административными единицами с четко определенными функциями местного самоуправления, а

⁷⁷ Алфавитное пособие для земских начальников и лиц, близких крестьянскому делу, согласованное с теорией права, законодательством, мотивами его и позднейшими сенатскими и министерскими разъяснениями / сост. А. Н. Замятнин. - СПб.: тип. Штаба Отд. Корпуса Жандармов, 1894. – С. 23.

⁷⁸ Дорская А. А. Судебная реформа 1864 года и проблемы единства судебной системы России // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 114.

крестьянские общины юридически вошли в состав волостей. Территориальная структура волости утверждалась местной уездной администрацией, которая учитывала не только количество населения, но и расстояния между селениями, удобство коммуникаций и общие интересы крестьянских общин. Волости формировались вокруг нескольких деревень или селений, чаще всего смежные и близко расположенных друг к другу, чтобы обеспечить их управляемость и взаимодействие, поэтому предельное расстояние до центра управления как правило составляло около двенадцати верст⁷⁹. Состав волостей мог со временем меняться: укрупняться или дробиться в зависимости от изменений численности населения, экономических условий и других факторов. То есть в российской административно-правовой системе волость стала удобной основой крестьянского самоуправления, где решались вопросы управления, сбора налогов, распределения повинностей и, позже, отправления низового правосудия на основе традиций «из уст в уста»⁸⁰.

Волости были наделены значительными полномочиями в сфере местного самоуправления, включая организацию сбора налогов, распределение повинностей и контроль за исполнением крестьянских обязанностей, а также отдельными судебными функциями. Именно в этом контексте были учреждены и новые структуры - волостные суды, рассматривавшие на уровне крестьянских общин мелкие имущественные споры, долговые обязательства, вопросы землепользования и иные бытовые конфликты. На местном уровне волостной суд рассматривался как «главнейший орган крестьянского самоуправления»⁸¹ того периода времени.

Его создание было обусловлено необходимостью формирования относительно автономного механизма разрешения споров внутри крестьянских

⁷⁹ Волость. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона - С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. – [Электронный ресурс] - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003515586/ (дата обращения: 24.12.2024).

⁸⁰ Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. – С. 97-109.

⁸¹ Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе: (Из наблюдений над крестьян. самоуправлением). - Вильна, 1885. - С. 2.

обществ, не требующего вмешательства государственных органов, и изначально рассматривалось как временная мера для переходного периода⁸². Их компетенция, выражаясь современной терминологией, включала различные юрисдикционные полномочия⁸³, такие как примирение сторон, вынесение решений, основанных на законах и крестьянских обычаях, а также исполнение судебных постановлений в пределах одной волости. В этом смысле компетенция волостного суда была, с одной стороны, формально ограниченной, но фактически, как точно отметил Н. М. Коркунов «им подведомы почти все гражданские дела крестьян, т. е. самой многочисленной части населения России»⁸⁴.

Такое положение дел официально объяснялось тем, что при отмене крепостного права невозможно было оперативно внедрить в традиционный уклад русской деревни большое количество нововведений в виде государственных норм, не всегда понятных неграмотному сельскому обывателю. Так, в этнографических исследованиях присутствуют указания на тот факт, что судьи, как правило, решают дело на основании принятых в крестьянском быту обычаев⁸⁵, поскольку «ни писарь... ни судьи... не в состоянии отрешиться от воззрений, вошедших в их плоть и кровь»⁸⁶. Кроме того, для разрешения в едином порядке всех споров на территории довольно обширной страны элементарно потребовалось бы огромное количество квалифицированных специалистов – судей, прокуроров и иных подготовленных юристов. Что в условиях проведения крестьянской реформы 1861 года было просто недостижимо.

⁸² См., Большакова О. В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России. (обзор англоязычной литературы)// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2000. - № 1. – С. 7.

⁸³ Гражданское процессуальное право: учебник: [в 2 т.] / под ред. П. В. Крашенинникова. Том 1: Общая часть. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут. - , 2022. – С. 152-153.

⁸⁴ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). - С. 307.

⁸⁵ Сорокин А. А. Крестьянский волостной суд российской империи в оценках общественности конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 417. – С. 147.

⁸⁶ Богаевский Н.М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). - М., 1889. Вып. 1. - С. 27–28.

Оценка роли волостного суда в русской крестьянской общине с позиции различных авторов существенно отличается. Например, как справедливо отмечает И. А. Попп, присутствует как историческая идеализация этой структуры в качестве хранителя традиционных норм и правил, так и критические ее оценки, но с акцентом на позитивную роль волостного суда как структуры, отражавшей крестьянские представления о правопорядке и справедливости. И в результате, как совершенно точно полагает данный автор, волостной суд рассматривается не столько как выражение крестьянских интересов, сколько как инструмент управления в условиях ограниченности ресурсов государства⁸⁷.

Как в свое время писал Г. А. Дашкевич, в идеале суд по «инстинктивным требованиям простого народа, должен следовать за фактом совершения преступления практически незамедлительно, а исполнение приговора должно следовать непосредственно за его оглашением»⁸⁸. Именно этим можно объяснить, как полагает Г.А. Дашкевич, снисходительное отношение простого народа к арестантам, обвиняемым в тяжких преступлениях, в отличие от безжалостной расправы над лицом, застигнутым на месте совершения незначительного правонарушения, например, кражи мелких предметов, таких как лук с огорода⁸⁹. Таким образом, необходимо отметить, что волостной суд в народном сознании середины XIX века воплощал эти идеи, а его функционирование рассматривалось как единое действие, включающее взаимосвязанные этапы привлечения виновного к ответственности и его наказание.

Эти суды выступали специфической формой реализации судебной власти, отражая сословную природу российского права и рассматривали крестьянские проступки на основе обычного права, которое тесно связано с традицией русской деревни, столетиями передавалось «из уст в уста», поэтому имело первостепенное

⁸⁷ См., Попп И. А. Местный волостной суд в 1860 – 1890-х гг. [Электронный ресурс]: учебное пособие. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2017. – С. 7.

⁸⁸ Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе: (Из наблюдений над крестьян. самоуправлением). - Вильна, 1885. – С. 8.

⁸⁹ См., Дашкевич Г.А. Указ. соч. – С. 8-9.

значение в крестьянской среде⁹⁰. А их функциональное назначение заключалось в обеспечении доступности судопроизводства для крестьянства, поддержании общественного порядка и разрешении конфликтов с учетом социально-экономических условий того времени.

Поэтому считаем важным обратить внимание на то, что идеализация волостного суда, безусловно, не возможна, но эта система позволяла контролировать крестьянские массы на огромной территории Российской империи. Нужно учитывать исторический контекст, при котором волостная юстиция не была направлена на включение в единую государственную систему, но создание волостных судов с особым правовым статусом было достаточно эффективным управленческим ресурсом для осуществления крестьянского правосудия.

С точки зрения современной теории государства правовой статус лица характеризуется совокупностью его прав и обязанностей или правовым положением⁹¹. Однако «круг субъектов права зависит в конечном счете от воли государства»⁹², поэтому в разные исторические эпохи категории субъектов права могут изменяться. Соответственно, правовое положение волостного суда как органа крестьянского правосудия во второй половине XIX – начале XX вв. определялся совокупностью закрепленных в законодательстве правил относительно его функционирования и полномочий.

Полагаем, что анализ правового положения волостного суда целесообразно осуществлять через исследование основных элементов: особенностей порядка формирования и организационного устройства волостного суда, объема его

⁹⁰ См., Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. - 1999. - № 5. - С. 97–110.

⁹¹ См., Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник/ Л.П. Рассказов. -М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. - С. 381-382; Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – С. 377.

⁹² Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. –Москва: Дело, 2022. – С. 187.

компетенции, специфики судопроизводства и характера принимаемых решений, а также взаимодействия с иными судебными и административными органами.

Наличие законодательного закрепления правового статуса должно служить гарантией законности деятельности любого создаваемого государством органа и обеспечивает его ответственность перед обществом. Правовой статус волостных судов как органов крестьянского правосудия в Российской империи определялся изначально Положением 1861 г.⁹³, Временными правилами о волостном суде в тех же местностях от 12 июля 1889 г.⁹⁴ (далее – Временные правила 1889 г.), Временными правилами о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.⁹⁵ (далее – Временные правила 1912 г.) и некоторыми иными правовыми актами, закрепляющими их компетенцию по рассмотрению гражданских и незначительных уголовных дел среди сельского населения⁹⁶.

На основании данных документов определялась правосубъектность волостного суда как юридически закрепленная способность выступать в качестве самостоятельного субъекта права, наделенного правами и обязанностями для осуществления судебной власти в пределах установленной компетенции. В дальнейшем в ходе последовательной реформы органов власти вводились всесословные земские органы самоуправления, но этот процесс по времени затянулся на многие годы в связи со сложностями организации земств⁹⁷.

⁹³ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

⁹⁴ О волостном суде в тех же местностях: Временные правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

⁹⁵ Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен одобренный Государственным советом и Государственной думой и выс. утв. 15 июня 1912 г.: закон о преобразовании местного суда: С прил. Перечня ст. из Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.... - Неофиц. изд. - Белая Церковь: В.И. Сквинский, 1914. - 59 с.

⁹⁶ См., Ефремова Н. Е. Реформирование волостного суда в Российской империи по Закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.// История государства и права. – 2016. – № 13. – С. 10-17.

⁹⁷ См., Алешин П. Н. Земское и крестьянское самоуправление: опыт и традиции (на примере Курской и Уфимской губерний): Монография / П. Н. Алешин, Г. А. Иванцова, Т. Н. Шишкарева. – Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – 147 с.; Алешин, П. Н.

В связи с потребностью минимизации организационных затрат на устройство волостных судов в Положении 1861 г. был закреплён определённый порядок их формирования, сочетающий оптимальные для сельского населения требования.

Во-первых, состав волостного суда не был статичным и формировался на выборной основе, что означало, что судьи и их помощники избирались крестьянами на волостном сходе под руководством волостного старшины из числа уважаемых и авторитетных членов общины, обладающих безупречной репутацией, исходя из нормативов: «по одному от каждых десяти дворов» (п. 70 Положения 1861 г.⁹⁸), либо по одному делегату от поселений, где насчитывалось менее десяти дворов - выселка, хутора, починка, застенка, односелья (п. 71 Положения 1861 г.). Если волость была представлена одним достаточно крупным сельским обществом, то проводился сельский сход.

Во-вторых, было предусмотрено сохранение существующих по местным обычаям судебных структур при условии участия всей волости в избрании судей (примечание 2 к п. 93 Положения 1861 г.), что отражает стремление к соблюдению традиционных институтов в сочетании с элементами демократических процедур.

В-третьих, точное число судей в пределах от четырёх до двенадцати человек и порядок их работы определялись крестьянским сходом, но так, чтобы был обеспечен кворум не менее чем из трёх судей (п. 93 Положения 1861 г.). Избранные судьи могли исполнять свои обязанности либо в постоянном режиме в течение всего года, либо в порядке заранее установленной ротации, также определённой сходом. Каждый судья мог находиться в должности не более трёх лет, но по своему согласию мог быть переизбран. После избрания кандидат получал полномочия судьи незамедлительно и не мог от них отказаться за исключением четырёх оснований: по возрасту (более шестидесяти лет), по сроку (не согласен на новый

Региональные особенности формирования земских органов власти в пореформенной России // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 69-75.

⁹⁸ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

срок), по состоянию здоровья («одержим сильными телесными недугами»⁹⁹), либо по решению схода по уважительным причинам. В случае применения ротационного принципа из общего числа избранных судей замена членов суда должна осуществляться поэтапно и не может превышать половину состава в заранее оговоренные сроки (например, через два, четыре или шесть месяцев). Выбывшие судьи замещаются следующими по очереди кандидатами из числа избранных.

В-четвертых, волостной суд должен заседать с определенной периодичностью, которая не могла быть реже чем раз в две недели, чтобы обеспечить своевременность разбирательства, не допускать излишней волокиты. Положения 1861 г. даже предписывает предпочтение для проведения суда по воскресеньям (п. 94), учитывая удобство для местного населения, отсутствие, как правило, сельских работ в этот день. В случае необходимости суд может созываться волостным старостой в другие дни или чаще, что обеспечивает оперативность рассмотрения дел. Этот порядок должен был обеспечивать эффективное и гибкое функционирование волостного суда, учитывая интересы населения, но фактически он зависел от количества возникающих споров и возможности судей и писаря проводить заседания. Регулярность заседаний волостного суда, а также возможность их внепланового созыва в случае необходимости подчеркивают ориентированность судебной системы на оперативное реагирование на потребности местного населения.

В-пятых, волостному сходу как созданному в результате крестьянской реформы органу самоуправления в общине отводилась особая роль в организации волостного судопроизводства¹⁰⁰ - предоставлялось право назначать

⁹⁹ П. 119 Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. - Отд. IV. - № 36657

¹⁰⁰ См., Кривченков Г. В. Крестьянское самоуправление в оценках отечественной историографии: к юбилею крестьянской реформы // Наукосфера. – 2022. – № 10-1. – С. 2; Ерин П. В. Общественное управление и сельское правосудие русских крестьян на рубеже XIX - XX веков: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Ерин Павел Викторович. – Белгород, 2014. – С. 5.

вознаграждение очередным судьям за выполнение ими служебных обязанностей в период исполнения их должностных функций. Размер и порядок такого вознаграждения не были нормативно закреплены¹⁰¹ и определялись по усмотрению схода, исходя из местных условий и финансовых возможностей (п. 123 Положения 1861 г.). Полагаем, что предоставление сходу права устанавливать плату за исполнение судейских полномочий свидетельствует о гибкости правил и признании важности материального стимулирования должностных лиц при необходимости (например, при высокой загруженности конкретного волостного суда).

В-шестых, действовали определенные требования и ограничения к кандидатам на должность судьи. Они, в целом, совпадали с общими требованиями к должностным лицам: возраст не менее 25 лет, отсутствие уголовного преследования в виде телесного наказания и образовательного ценза. Заведомо развратное поведение также исключало возможность быть избранным волостным судьей. Волостной очередной судья должен по смыслу п. 114 Положения 1861 г. выбираться «преимущественно из домохозяев», что подчеркивало его статусность и основательность.

На время исполнения своих обязанностей судьи получали особые привилегии, такие как освобождение от обязательных повинностей и исключение применения телесных наказаний (п. 114 Положения 1861 г.). Волостным судьей не мог быть волостной старшина в силу прямого запрета (п. 116 Положения 1861 г.).

В целом, такая организация волостного суда на этапе его формирования демонстрирует компромисс между сохранением традиционных институтов и стремлением к модернизации судебной системы на местном уровне. Отмечается, что создание волостного судопроизводства способствовало «сдерживанию преступлений в крестьянской среде»¹⁰². Что объяснялось очень просто – судили

¹⁰¹ См., Баринов В. В. Волостное судопроизводство в России в конце XIX века // Социально-политические науки. – 2011. – № 1. – С. 82.

¹⁰² Баринов В. В. О проблемах в деятельности волостной юстиции // Социально-политические науки. – 2012. – № 2. – С. 76.

такие же крестьяне, односельчане, уважаемые и авторитетные люди. А применимым правом был всем хорошо понятный обычай, который в этой местности действовал испокон веков.

Выборные судьи должны были пользоваться доверием крестьянского населения и обладать определенным жизненным опытом, позволяющим им разрешать возникающие споры. Волостной судья после утверждения в должности должен был принять присягу, к которой его приводил священник в присутствии земского начальника. Поскольку вопросы оплаты работы судьи не были урегулированы законодательством, для их стимулирования сход может предусмотреть вознаграждение, «хотя на практике это не всегда соблюдалось»¹⁰³.

Возбуждение процесса зависело от следующих оснований.

1. если это спор или тяжба, то требовалась жалоба истца;
2. по проступкам дело могло быть возбуждено:
 - по жалобе потерпевшего или его родителей, если он несовершеннолетний;
 - по требованию волостного старшины, его помощника или сельского старосты (но они не могли участвовать в дальнейшем обсуждении или каким-то образом вмешиваться в процесс);
 - по сообщению свидетеля, если потерпевший не в состоянии подать жалобу самостоятельно.

Волостной суд обладал достаточно широкой компетенцией в разрешении споров, рассмотрении тяжб и наложении наказаний за незначительные правонарушения, совершаемые крестьянами, которая определялась как характером рассматриваемых дел, так и особенностями применяемых норм. При этом в качестве сословного суда они имели ограниченную законом юрисдикцию, в которую входили мелкие гражданские споры (например, имущественные споры, задолженности), семейные дела, а также мелкие уголовные правонарушения (кражи, нанесение побоев и прочие малозначительные преступления) при условии,

¹⁰³ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук - Казань, 2022. - С. 43.

что они не связаны с уголовными преступлениями и не затрагивают интересов лиц других сословий.

Согласно ст. 95 раздела II Четвертого отделения Положения 1861 г. волостной суд вправе рассматривать «споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам»¹⁰⁴, к которым относятся следующие категории дел:

1) споры и тяжбы между крестьянами (в отношении движимого и недвижимого имущества в пределах крестьянского надела);

2) споры по займам, сделкам, покупкам, продажам, обязательствам (о возмещении убытков и ущерба, причиненного крестьянскому имуществу, но при цене иска не свыше 100 рублей, с 1889 г. - до 300 руб.);

3) маловажные проступки (все дела о незначительных правонарушениях, совершенных крестьянами в рамках волости, при условии, что они не связаны с уголовными преступлениями и не затрагивают интересов лиц других сословий);

4) дела, добровольно переданные на рассмотрение волостного суда (переданные в волостной суд по согласию сторон независимо от стоимости иска, если спор возник между крестьянами);

5) по желанию сторон на рассмотрение волостного суда также могут рассматриваться дела, где участвуют лица других сословий (п. 98 Положения 1861 г.).

Все указанные споры между крестьянами, не касающиеся уголовно-правовых вопросов или прав недееспособных лиц, могли по взаимному согласию передаваться на рассмотрение третейского суда, решения которого фиксируются в специальной книге и приобретают законную силу без права обжалования (п. 26 Положения 1861 г.).

Остальные категории дел выходят за пределы компетенции волостного суда и рассматриваются общими судебными учреждениями. Таким образом, волостной

¹⁰⁴ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 Т. 36. Отд. IV. № 36657.

суд занимался довольно широким спектром дел, но непосредственно связанных с крестьянским сообществом, а также предоставлял возможность альтернативного урегулирования споров. Анализ соответствующих норм Положения 1861 г. позволяет выделить несколько основных групп дел исходя из предмета спора. К ним относились:

- имущественные споры между крестьянами, включая конфликты по поводу движимого имущества, а также пользования земельными угодьями;
- споры, вытекающие из долговых и иных обязательственных отношений, включая неисполнение денежных обязательств и договорных соглашений;
- отдельные категории семейных и наследственных споров;
- споры, связанные с условиями труда и расчетами между крестьянами и наемными работниками, а также вопросы исполнения повинностей перед сельским обществом;
- дела о мелких правонарушениях - нарушениях общественного порядка, незначительных телесных повреждениях, мелких кражах или порче имущества;
- споры, затрагивавшие нравственные отношения внутри общины, включая дела об оскорблениях, клевете и иных действиях, способных нарушить общественное согласие¹⁰⁵.

Принцип работы, а также «процессуальные» нормы, по которым действовали волостные суды, отличались от тех, что применялись в судах общей юрисдикции. К рассмотрению принимались дела по жалобам потерпевших, предписаниям мирового посредника, заявлениям сельского начальства, священника или соседей. При рассмотрении тяжб между крестьянами суд исходил из необходимости восстановления нарушенного равновесия внутри общины. В отличие от проступков, где основной акцент делался на наказании виновного, тяжбы предполагали более детальное выяснение обстоятельств дела и поиск компромиссного решения.

¹⁰⁵ Ст. 95-99 Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 Т. 36. Отд. IV. № 36657.

В случаях с проступками сельский староста имел право проводить дознание на месте в присутствии не менее двух свидетелей из числа домохозяев (п. 60 Положения 1861 г.). В тяжёлых делах осмотр места происшествия и проверка доказательств также могли быть проведены, но только по просьбе сторон (п. 60 Положения 1861 г.).

Отсутствие единых правил ведения судопроизводства могло приводить к тому, что даже в пределах одной волости для вызова сторон и свидетелей могли использоваться различные способы. Характеризуя положение свидетелей в делах по проступкам и тяжбам, Н. В. Муравьев констатирует: «До допроса свидетели должны, по возможности находится не в той комнате, где заседает суд. Председатель вызывает их к суду по одному, и после допроса свидетель остается в той же комнате где суд, и председатель наблюдает чтобы допрошенные уже свидетели не переговаривались с теми, которые еще неспрошены. Свидетелей допрашивает прежде всего председатель; с его дозволения им могут также предлагать вопросы судьи и стороны. После каждого свидетеля стороны могут объяснить суду, что находят нужным по поводу данного свидетеля показаний».¹⁰⁶

Судопроизводство было упрощенным и устным по причине тотальной неграмотности крестьянского населения, включая судей, но все решения волостного суда должны были фиксироваться письменно, то есть записываться в специальную книгу с указанием имен участников. В этой связи деятельность волостных судов часто подвергалась критике из-за низкого уровня грамотности судей. Например, было такое мнение, что в судьи необразованные сельские жители часто избирают худших из крестьян¹⁰⁷. Наличие грамотности даже не входило «в список требований к кандидатам в волостные судьи»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники // Сост. Н.В. Муравьев, прокурор Моск. судеб. палаты. - Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. - С. 37.

¹⁰⁷ См., Лунгин С.Ф. Волостные суды // Русский вестник. - 1864. - № 3. - Т. 50. - С. 383.

¹⁰⁸ Егоров, Д.В. Исторический портрет волостного судьи / Д.В. Егоров // Вестник Пермского университета. Серия: История. - 2015. - № 4 (31). - С. 121.

Волостной писарь зачастую был единственным человеком, способным вести записи и вносить решения волостного суда в специальные книги, то есть писарь становился «самостоятельным вершителем судеб»¹⁰⁹. Поэтому от личности писаря волостного суда и степени его грамотности сильно зависело качество итогового вердикта.

Исследователи конца XIX – начала XX века (Н. М. Астырев, А. Вормс, И. П. Купчинов и др.) отмечали отрицательное влияние фигуры писаря на решения суда, поскольку он мог быть единственным грамотным в составе волостного суда и проверить его записи не было возможности¹¹⁰. П. Скоробогатый о роли писарей отмечал, что они часто «являлись противниками обычаев и ревнителями законности»¹¹¹, а также они могли самостоятельно производить записи в книге решений волостного суда и составлять решения, к которым судьи только прикладывают печати.

По мнению Д. Д. Пашенцевой, М. А. Сосниной, опиравшихся в своих исследованиях на труды дореволюционных ученых, роль волостного писаря выходила далеко за пределы технической фиксации решений, поскольку именно через его записи устные нормы обычного права трансформировались в письменный текст, приобретая устойчивую и воспроизводимую в последующем форму¹¹².

Так как работа писаря была крайне низкооплачиваемой, богатые крестьяне могли подкупить его. Кроме того, работой писаря в большинстве своем занимались люди с сомнительной репутацией и нравственностью, реализуя свои корыстные

¹⁰⁹ Купчинов И. П. Из дневника волостного писаря. - Москва: тип. О-ва распространения полез. кн. преемник В.И. Воронов, 1910. – С. 38.

¹¹⁰ Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: Русская мысль. - 1896. - С. указать конкретную страницу/страницы; Вормс А., Паренаго А. Крестьянский суд и судебно-административные учреждения (по изд. 1915 г.) // Суд и права личности: сб. ст. М.: Статут, 2005. - С. 131-132; Купчинов И. П. Из дневника волостного писаря. - Москва: тип. О-ва распространения полез. кн. преемник В.И. Воронов, 1910. – С. 38.

¹¹¹ Скоробогатый П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции // Юридический вестник. - 1881. - № 7. - С. 607–613.

¹¹² См., Пашенцева, Д.Д. Указ. соч. – С. 93; М.А. Соснина Указ. соч. – С. 43.

цели и запутывая суд в выводах по делу, проводя записи небрежно, с пробелами и бессистемно¹¹³.

Вместе с тем влияние писаря на содержание судебных актов нередко оставалось недооцененным, тогда как небрежность ведения книг, пробелы и ошибки существенно осложняют современное исследование практики волостных судов.

Дополнительную сложность представляет то обстоятельство, что не все решения подлежали обязательной фиксации, поскольку приоритет отдавался примирению сторон конфликта, а формальная судебная процедура рассматривалась в крестьянской среде как крайняя мера. Поэтому, вероятно, большая часть споров не отражалась в письменных документах, вследствие чего значительная часть реальной судебной практики осталась вне документального оборота и не содержится в архивных фондах.

При этом весь процесс в суде был достаточно гибким и определялся принципом «глядя по человеку», то есть учитывались поведение сторон, их имущественное положение, отношение к обязанностям и общественному порядку¹¹⁴. Это делало волостную юстицию более доступной для широких слоев крестьянства, которое зачастую не имело достаточных знаний о праве и ограниченных ресурсов для участия в сложных судебных процессах.

Но со временем волостные судьи начали избегать рассмотрения дел, даже если они входили в их юрисдикцию. Такая практика нередко была попыткой уклониться от сложных или конфликтных споров, а также уйти от налагаемых штрафов, выговоров за нарушение процедур в волостных судах. В этой связи исследователями отмечаются ситуации, когда судьи отказывались рассматривать один иск по причине его запутанности, но принимали другой, с большей суммой,

¹¹³ См., Соснина М. А. Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 136.

¹¹⁴ См. Шатковская Т. В. Правовая политика Российского государства в сфере организации крестьянского правосудия: опыт создания системы волостных судов во второй половине XIX века // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 208.

без явных оснований для этого (Т.В. Шатковской описан случай, когда после отказа в иске ценой 112 рублей был принят другой иск в 200 рублей)¹¹⁵. Подобные особенности и спонтанное поведение судей свидетельствуют о недостаточной правовой регламентации, слабом понимании границ их компетенции и отсутствии четкой системы в процессуальной практике.

Суд имел ограничения по применяемым мерам и мог назначать согласно п. 102 Положения 1861 г. следующие меры наказания: общественные работы до шести дней; денежный штраф до трех рублей; арест до семи дней; телесное наказание до двадцати ударов розгами (за исключением определенных категорий лиц, например, престарелых, должностных лиц и лиц с образованием).

При этом волостной суд сам мог определять наказание в зависимости от характера проступка, но обязан был учитывать законодательные ограничения, действующие на момент рассмотрения дела. Так, он не вправе был применять телесные наказания к лицам, достигшим 60-летнего возраста, должностным лицам, выполнявшим свои обязанности безупречно, и крестьянам, получившим образование в определенных учебных заведениях. Однако, А. Вормс и А. Паренаго в 1871 году, писали о том, что розги были основным средством воздействия: «волостные старшины и сельские старосты злоупотребляли своим влиянием на волостные суды для взыскания или, правильнее сказать, для выколачивания податей... В два дня было высечено шестьдесят человек за неплатеж податей, причитающихся за первую половину года, еще в феврале месяце, когда даже не наступил срок платежа!»¹¹⁶. Поэтому можно полностью принять, что в описываемом примере «проявились худшие традиции недавно ликвидированного крепостного права»¹¹⁷.

В приговорах по делам о проступках фиксировалось имя виновного, характер вины и мера наказания, а их исполнение возлагалось на сельских старост или

¹¹⁵ См. Шатковская Т. В. Указ соч. – С. 208.

¹¹⁶ Вормс А., Паренаго А. Крестьянский суд и судебно-административные учреждения (по изд. 1915 г.) // Суд и права личности: сб. ст. М.: Статут, 2005. - С. 131-132.

¹¹⁷ Никулина Н. В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г. // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2(10). – С. 120.

помощника волостного старшины под контролем старшины. Решения волостного суда могли быть основаны не только на тех вариантах наказаний, который предписывались ст. 102 Положения 1861 г. (общественные работы, арест до семи дней, штраф до трех рублей, розги), но и зависели от нравов данной волости. Дополнительно наказания, применяемые судами могли включать, например, выговоры и внушения, оставление на замечании, т. е. в подозрении¹¹⁸. Приговоры по проступкам считались окончательными и не подлежали обжалованию, что свидетельствует о дискриминации крестьянского сословия в процессуальном смысле.

При этом И. А. Попп акцентирует внимание, что «Положение 19 февраля 1861 г. не предусматривало никаких надзорных органов за деятельностью волостных судей со стороны общих судебных инстанций»¹¹⁹, поэтому решения судов очень зависели от нравов данной местности, возникали различные перегибы в виде не оправданно жестоких наказаний, не справедливых наказаний для невиновных, но платежеспособных лиц, ограничения свободы для нарушителей (приковывание цепями) и прочие¹²⁰.

Несмотря на свою значимость для крестьянской жизни, система волостной юстиции подвергалась значительной критике за недостаточную профессиональную подготовку судей, низкую правовую культуру и ограниченную компетенцию. Часто упоминается о хорошо известном пороке на селе – пьянстве судейского состава. Например, князь В. П. Мещерский писал: «Обычай угощать власти и ныне остается во всей силе и вовсе не кажется предосудительным. Лица, которым предстоит иметь дело с волостным судом, угощают судей водкой до заседания, выигравшие дело угощают судей и после заседания»¹²¹. Естественно, что обычай

¹¹⁸ Кандинский В. О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) / Под ред. члена отдела этнографии Н. Харузина. - М.: Типография А. Левинсок и К, 1889.- С. 34-49.

¹¹⁹ Попп И. А. Местный волостной суд в 1860 – 1890-х гг. [Электронный ресурс]: учебное пособие. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2017. – С. 5.

¹²⁰ См., Указ. соч. С. 40.

¹²¹ Мещерский В.П. Еще о волостных судах // Русский вестник. - 1864. - Т. 51. - С. 776.

«угощать» в условиях тяжб и споров переходил границы разумного угощения и становился аргументом в пользу того, кто проявит бóльшую щедрость.

В конце XIX - начале XX века происходили попытки реформирования волостной юстиции, направленные на усиление их правового статуса и упрощение процедуры судопроизводства. Причины дальнейших трансформаций института волостного судопроизводства были обусловлены рядом факторов. Прежде всего, за три десятилетия, прошедшие с момента его учреждения, в деревенском быту и системе крестьянского самоуправления произошли значительные изменения. Существующая структура волостных судов уже не соответствовала новым требованиям времени. Обсуждение проблем происходило и на уровне губерний. Например, владимирский губернатор заявил о желании «переустройства волостных судов на совершенно иных началах»¹²². Остальные указывали на «неудовлетворительное» состояние волостной юстиции, но считали невозможным ее ликвидацию. По мнению санкт-петербургского губернатора, в таком случае «следует ожидать, что население, скорее всего, ознакомится с существующими законами и приобретет уважение к существующим правам и обязанностям»¹²³.

Наиболее остро проблемы несоответствия сословной волостной юстиции стали ощущаться после принятия Судебных уставов 1864 г.¹²⁴, по которым все подданные страны «судились одним судом и были равны перед законом и судом»¹²⁵. Одной из основных причин также стало отсутствие единообразия в деятельности судов, что затрудняло контроль за их работой и подрывало доверие к правосудию. Нередкими были случаи злоупотреблений и произвола со стороны судей, а также медлительность в исполнении решений. Возникла необходимость

¹²² Попп И. А. Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860-1880-х гг // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 121.

¹²³ Попп И. А. Указ. соч. – С. 121.

¹²⁴ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года \ КонсультантПлюс: Классика Российского Права – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1927393 (дата обращения - 30.11.2024).

¹²⁵ Дорская А. А. Судебная реформа 1864 года и проблемы единства судебной системы России // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 116.

повышения уровня правовой защиты крестьян до уровня остального населения, находящегося к тому же в меньшинстве.

Работа комиссии по подготовке реформы волостного суда детально проанализирована в диссертационном исследовании В.В. Баринова «Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.)» 2017 г.¹²⁶ В частности, он отмечает, что работа началась с создания в 1872 г. специальной Комиссии и изучения существующей практики - комиссия собирала статистические данные, анализировала работу судов в разных губерниях и проводила опросы среди крестьян и чиновников. Основной задачей было выявление недостатков в деятельности судов и разработка предложений по их устранению. Комиссия под председательством сенатора М. Н. Любоцинского исследовала юридические обычаи, применявшиеся в крестьянской среде, что позволило учесть особенности народного правосознания при разработке реформы.

В результате основные выводы работы Комиссии были реализованы в виде реорганизации волостных судов и усиления контроля за их деятельностью по реформе 1889 года¹²⁷. Правила по реформированию назывались «временными», поскольку, как писал Н. В. Муравьев, «со временем они могут быть дополнены или изменены, насколько покажет опыт»¹²⁸.

Вводя новые правила, власти стремились к созданию более централизованной системы управления, способной предотвращать злоупотребления и произвол на местах. Причем произвол не столько со стороны судей, сколько со стороны грамотных писарей, которые «самоуверенно, с книгою в руке»¹²⁹ толковали необходимые для применения правила, а также могли на свое

¹²⁶ См., Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017. – 229 с.

¹²⁷ См., Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Тамбовская губерния. – СПб: Типография собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. Т1. - 851 с.

¹²⁸ Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники // Сост. Н.В. Муравьев, прокурор Моск. судеб. палаты. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва : т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. – С. 2.

¹²⁹ Калачов Н. В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Ко, 1881 г. – С. 20.

усмотрение инициировать наказание для виновного. В процессе реформ 1889 г. особую значимость приобрела централизация судебного надзора со стороны Министерства юстиции¹³⁰. Введение института земских начальников, наделенных административными и судебными полномочиями, рассматривалось как средство повышения эффективности управления и обеспечения соблюдения законности.

Поскольку накопились существенные претензии к организации работы волостных судов, требующие корректировки, в рамках проведенных контрреформ был принят новый закон под названием «Временные правила о волостных судах в тех же местностях» 1889 г.¹³¹ (Временные правила 1889 г.), который создал апелляционную инстанцию для волостного суда в виде уездного съезда, и кассационную - в виде губернского присутствия. Земские начальники получили право просматривать все решения волостных судов и представлять к отмене те из них, которые были, по их мнению, ему неправосудны. Кроме того, теперь волостной суд состоял из четырех судей, минимальный возрастной ценз которых был поднят до тридцати пяти лет. Кандидаты в судьи, избранные в волостях, подлежали утверждению в должности судьи решением земского начальника на три года, так как годичный срок был слишком коротким для качественной работы¹³².

Наиболее значимые изменения в правовом положении волостного суда после реформ 1889 года включали следующие аспекты:

- 1) введение института земских участковых начальников, совмещавших административные и судебные функции;
- 2) пересмотрен состав суда, судьи должны были соответствовать установленным требованиям к возрасту, репутации и грамотности;

¹³⁰ См., Министерство юстиции за сто лет. 1802 -1902. Исторический очерк / Сост. П. Н. Гусаковский. -СПб.: Сенатская типография, 1902. - С. 337-338.

¹³¹ Богданов И. М. Правила о волостном суде 12 июля 1889 г.: Правила о волостном суде двенадцатого июля 1889 г. С извлеч. из циркуляров М-ва вн. дел 1890-1894 г.: С разъясн. сост. о правах и обязанностях волост. судей / Сост. И.М. Богданов (част. поверенный). - Севск: скоропеч. заведение В.Н. Лосева, 1895. -38 с.

¹³² См., Мартышкин В. Н. Волостной суд в зеркале Судебной реформы 1860-х гг. в России // Российское правосудие. – 2014. – № 11(103). – С. 7.

- 3) расширение компетенции суда за счет включения дел, ранее находившихся в ведении мировых судей (гражданские споры, мелкие уголовные проступки);
- 4) введение четкой регламентации порядка обжалования решений суда;
- 5) избранные судьи подлежали утверждению со стороны органа власти, что фактически привело к утрате независимости;
- 6) закрепление порядка назначения наказаний, что повысило эффективность правоприменения за счет устранения возможности произвола.

По мнению Д. Д. Пашенцевой, именно судебно-административная реформа 1889 г. придала актам волостных судов качественно иное значение, став фактически завершающей стадией судебной контрреформы¹³³. Автор подчеркивает, что расширение подсудности привело к выходу волостных судов за рамки исключительно крестьянской юрисдикции: с этого времени они рассматривали дела всех лиц бывших податных сословий, постоянно проживавших на территории волости. Тем самым, волостной суд утратил статус сугубо сословного крестьянского органа и «трансформировался в судебно-административный орган для всех низших слоев сельского населения»¹³⁴, что вполне обосновано.

Как отмечают исследователи, «период 70-80-х годов XIX века - время кризиса российской судебной системы»¹³⁵, когда на смену традиционным ценностям, действовавшим в крестьянском сословии постепенно приходят нормативно закрепленные правовые категории. Временные правила 1889 г., в частности, предусматривали должностное лицо, которое было как бы связующим элементом между волостным судом и государственными учреждениями. Показателен в этом отношении пример оспаривания решения волостного суда - прошение крестьянки деревни Марьино Марьи Андриановой, которая обратилась

¹³³ Пашенцева, Д.Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. – С. 95.

¹³⁴ Пашенцева, Д.Д. Указ. соч. – С. 95.

¹³⁵ Ефремова Н. Е. Реформирование волостных судов в России по Закону о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1(25). – С. 201.

в Елманский волостной суд Можайского уезда Московской губернии с жалобой на «неправильное начисление недоимок по повинности в размере 50 рублей», фактически добиваясь пересмотра решения волостного правления и проверки действий как «назывного» старосты Дмитрия Григорьева, так и действительного старосты Иванова¹³⁶. Поэтому полагаем, что такая практика подтверждает функцию своеобразного надзора со стороны волостных судов, способствующего коррекции злоупотреблений на уровне сельского самоуправления, наряду с разрешением частных споров.

Но данные правила практически просуществовали довольно длительное время – до принятия Временных правил 1912 г. - закона от 15 июня 1912 г.¹³⁷ Основным новшеством стало перенесение выборов с волостных на сельские сходы, что повлияло на участие волостных крестьян в самостоятельном формировании судебных органов. В этом проявлялось недоверие властей к избираемым судьям. Кроме того, назначение на должность судьи теперь зависело от субъективной позиции земского начальника на кандидатуры, так как четкие правила для этого не были установлены.

Закон от 15 июня 1912 г. существенно реформировал волостную юстицию, институционально приблизив ее к системе общих судебных органов¹³⁸. Волостные суды согласно Временным правилам 1912 г. были выведены из административной зависимости от земских начальников и включены в судебную систему, при одновременном отказе от принципа назначения судей и переходе к их выборности. Реформа ввела апелляционную инстанцию - Верхний сельский суд, действующий в составе мирового судьи (председательствующего) и председателей волостных

¹³⁶ Гражданское дело № 220 Елманского волостного суда Можайского уезда от 15 февраля 1893 года// ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 2.

¹³⁷ Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен одобренный Государственным советом и Государственной думой и выс. утв. 15 июня 1912 г.: закон о преобразовании местного суда: С прил. Перечня ст. из Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.... - Неофиц. изд. - Белая Церковь: В.И. Сквинский, 1914. - 59 с.

¹³⁸ См., Ефремова Н. Е. Реформирование волостного суда в Российской империи по Закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г.// История государства и права. – 2016. – № 13. – С. 10-17.

судов, что обеспечило двухуровневое судебное рассмотрение (раздел Б Временных правил 1912 г.). При этом была изменена организационная структура суда: вместо волостного писаря введена должность профессионального секретаря суда, а судьи стали получать установленное государством жалование.

Изменился и порядок формирования судебных участков: они перестали жестко совпадать с границами волости, что повлекло усложнение избирательной процедуры. Выборы волостных судей стали двухступенчатыми и осуществлялись через выборщиков, а результаты подлежали утверждению мировым съездом¹³⁹. Это свидетельствовало об усилении государственного контроля за формированием волостных судебных органов при снижении влияния крестьянской общины на их состав.

В качестве позитивного момента следует заметить увеличение срока полномочий судей до трех лет (ст. 12 Временных правил 1912 г.), который должен был способствовать профессиональному развитию и накоплению опыта у избранных судей. Повышению опыта должно было способствовать и повышение возраста избираемых в судьи (с 25 до 35 лет), так как в соответствии с новыми требованиями, судьями могли быть избраны, как правило, грамотные домохозяева, тогда как ранее грамотность не являлась критерием для выбора. Повышение возрастного порога также означало наличие уже устоявшихся взглядов, имущества, собственного домохозяйства. Эти изменения были направлены и на снижение возникающих революционных настроений, на более предсказуемое традиционное судебное разбирательство на местах.

Сохранив устный и гласный характер судопроизводства (п. 105 Положения 1861 г.), законодатель допустил возможность закрытого разбирательства не только по уголовным, но и по отдельным гражданским делам (ст. 68 Временных правил 1912 г.). Решения волостных судов могли быть обжалованы в Верхний сельский

¹³⁹ Ст. 6-8 Временных правил о волостном суде в местностях, в которых введен одобренный Государственным советом и Государственной думой и выс. утв. 15 июня 1912 г. закон о преобразовании местного суда: С прил. Перечня ст. из Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.... - Неофиц. изд. - Белая Церковь: В.И. Сквинский, 1914. - 59 с.

суд, решения которого признавались окончательными по существу (п. 108 Положения 1861 г.). Надзорная модель также была пересмотрена: основной надзор закреплялся за мировым съездом («высшій надзоръ за волостными и верхними сельскими судами и рассмотрение приносимыхъ на означенные суды жалобъ» - ст. 42 Временных правил 1912 г.), тогда как текущий -«непосредственный» надзор осуществлял мировой судья (ст. 41 Временных правил 1912 г.).

Учитывая эти серьезные изменения в ходе реформ 1889 и 1912 гг., волостные суды продолжали существовать вплоть до событий Октябрьской революции. В 1917 году, после прихода к власти большевиков, волостные суды были упразднены как часть старого правового порядка и заменены новой системой народных судов¹⁴⁰, соответствующей советской правовой идеологии.

Особый интерес для понимания проводимых реформ представляет сохранившаяся в архивных материалах исследовательская работа Г. Дроздовской, свидетельствующая, что волостной суд характеризовался особой формой низшего правосудия, основанного преимущественно на местных обычаях, поскольку судьи, избираемые крестьянами, «решали, как наши отцы и деды решали»¹⁴¹. В данном сочинении развитие волостной юстиции рассматривается как один из ключевых элементов правового оформления крестьянского самоуправления после отмены крепостного права. Автор последовательно показывает, что волостной суд изначально задумывался не как упрощенная копия общегосударственного суда, а как особый институт, призванный обеспечить правовую автономию крестьянского мира. По мысли составителей Положение 1861 г. крестьянское самоуправление должно было опираться на традиционные формы коллективной жизни и регулироваться преимущественно местными обычаями. Это объяснялось как огромным территориальным и этнокультурным разнообразием Российской империи, так и отсутствием у крестьянского населения системного знания

¹⁴⁰ О суде: Декрет Совет Народных Комиссаров от 24.10.1917 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 12.10.2024).

¹⁴¹ Дроздовская Г. Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов: соч. // ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп.513. Д. 2624. 71 л.

позитивного права. Как подчеркивает Дроздовская, законодатель сознательно отказался от попытки регламентировать деревенскую жизнь «каким-либо общим кодексом»¹⁴², предоставив крестьянским судам возможность разрешать мелкие гражданские и уголовные дела «по совести» и на основе устоявшихся обычаев крестьянского быта. Волостной суд должен был быть максимально приближен к населению, отличаться простотой процедуры, дешевизной и оперативностью.

Вместе с тем, Г. Дроздовская указывает, что уже в 1870-е гг. на материалах Юридической комиссии стали выявляться системные проблемы функционирования волостной юстиции. К их числу относились низкий уровень грамотности волостных судей, значительное влияние волостных старшин и писарей («судят люди, которые даже не могут объяснить, что им читает волостной писарь»¹⁴³, «закон волостным судьям неизвестен, и прочесть его они не могут»¹⁴⁴), а также постепенное вытеснение обычая формально понимаемым «законом», содержание которого крестьянам разъяснялось через посредничество администрации. Формула «обычая нет, решаем по закону»¹⁴⁵, фиксируемая в практике, по сути означала не отказ от обычного права, а его скрытое применение в индивидуализированной форме - с учетом хозяйственного положения и семейных обстоятельств сторон. Например, наказание зависело от социального положения, характера и репутации сторон: «род наказаний определяется “глядя по человеку”»¹⁴⁶.

Изменения 1889 г. конкретизировали структуру и деятельность волостного суда, уточняя его роль в системе местного управления и правосудия. Одним из спорных аспектов реформы стало усиление влияния земских начальников, которые фактически определяли кадровый состав волостных судов и контролировали их деятельность. Это привело к критике со стороны современников, отмечавших, что суды стали инструментом административного управления, утратив независимость.

¹⁴² Там же, Л. 1.

¹⁴³ Там же, Л. 7.

¹⁴⁴ Там же, Л. 8.

¹⁴⁵ Там же, Л. 8.

¹⁴⁶ Там же, Л. 9.

Так, по оценке Г. Дроздовской произошел отход от первоначальных принципов реформы 1861 г. и фактическое подчинение волостных судов административному надзору («изучив Временные правила 1889 г. о волостном суде, мы видим, что попали в заколдованный круг взаимоотношений, где все или исходит от Земского начальника или доходит до него»¹⁴⁷). Данный автор подчеркивает, что примирение сторон фактически продолжало быть приоритетной целью судопроизводства: в ряде волостей сложился устойчивый обычай склонения тяжущихся к миру как до обращения в суд, так и в ходе разбирательства, причем судьи нередко сознательно затягивали рассмотрение дел, «пока сторонам не наскучит, и они не помирятся»¹⁴⁸, активно вмешиваясь в условия мировой сделки. Причиной в том числе является проблема оплаты работы судей («Что же за это, какая награда? Да никакой»¹⁴⁹, «установление жалования является крайне желательным»¹⁵⁰).

Существенным шагом к восстановлению судебного характера волостной юстиции, отмечает автор цитируемой работы, стал закон 15 июня 1912 г., который предусматривал включение волостных судов в общую систему судебных учреждений, отмену их подчиненности земским начальникам и возвращение выборности судей. Хотя закон вводил новые требования к составу суда (в том числе обязательную грамотность), сокращал подсудность по имущественным спорам и учреждал апелляционную инстанцию в виде Верхнего сельского суда, но в целом практика деятельности волостных судов в 1861–1915 гг. показала необходимость присутствия юриста, хорошо знающего местные обычаи, роль которого наиболее полно мог выполнять мировой судья¹⁵¹. Совокупность фактов, предложенных Г. Дроздовской, позволяет сделать вывод о том, что эволюция волостной юстиции отражает более широкий процесс трансформации крестьянского правосознания и соотношения обычного и позитивного права в России. Волостной суд на протяжении всего периода своего существования оставался пространством

¹⁴⁷ Там же, Л. 21.

¹⁴⁸ Там же, Л. 9.

¹⁴⁹ Там же, Л. 6.

¹⁵⁰ Там же, Л. 7.

¹⁵¹ Там же, Л. 30.

взаимодействия традиции и закона, где обычай не исчезал, а приспособлялся к меняющимся институциональным формам правового регулирования.

В целом, история волостных судов отразила как стремление государства к упорядочиванию местного правосудия, так и влияние общественных потрясений, таких как революционные события 1905 и 1917 года, начало Первой мировой войны, которые вызывали коррективы в правовом регулировании их деятельности. Как отмечает Т. В. Шатковская, развитие судов в российской деревне второй половины XIX - начала XX века действительно можно разделить на четыре ключевых этапа, которые отражают важные изменения в правовой политике государства ¹⁵²:

- первый этап (1861–1889 гг.), который начался с издания Положения 1861 г. и характеризовался становлением волостных судов как органов местного правосудия, обеспечивающих соблюдение традиционных норм и решение бытовых споров;

- второй этап (1889–1912 гг.) связан с принятием Временных Правил 1889 г., которые ввели более строгий контроль со стороны государства, стали основой для функционирования судов до следующих изменений 1912 года;

- третий этап (1912–1917 гг.) выделяется в связи с принятием Временных правил 1912 г., которые создали еще более крепкий фундамент для государственной политики в отношении крестьянской юстиции, но не получили полноценного развития из-за Первой мировой войны и последовавших после этого революционных событий февраля и октября 1917 года;

- четвертый этап (1917 г.) – придание крестьянскому самоуправлению черт государственного правосудия на основе законов нового времени. В период существования земств как сословных единиц, волостной суд утратил сословные признаки и выполнял свои функции вплоть до реформирования уездов и волостей

¹⁵² Шатковская Т. В. Правовая политика Российского государства в сфере организации крестьянского правосудия: опыт создания системы волостных судов во второй половине XIX века // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 203.

в новые административные образования (районы) и создания районных судов в новой стране.

В начале XX века значение волостных судов постепенно снижалось в условиях дальнейшего реформирования судебной системы Российской империи и укрепления судов общей юрисдикции, сформированных в результате судебной реформы 1864 г.¹⁵³ Однако, как отмечается Н. В. Никулиной «судебный процесс в административно-судебных учреждениях был менее демократичным, чем в общих судах, он оставлял больше простора для злоупотреблений со стороны чиновников»¹⁵⁴, что свидетельствовало о сохранении значимости волостной юстиции.

За период с момента создания системы крестьянского суда исследователями был собран обширный материал по применению различными волостными судами юридических обычаев¹⁵⁵, которые дают представление не только о правовой стороне жизни простых крестьян, но и об их быте, нравах. Но применяемое им обычное право практически полностью замещало собой действовавшее в российской империи законодательство, за период действия волостной юстиции не было сделано «ни шага на пути водворения правового устройства в крестьянской среде»¹⁵⁶, что не позволило дать почву для создания единой системы государственного правосудия в полном смысле этого слова.

Волостной суд постепенно утрачивал свою первоначальную роль, что отмечалось в трудах по данной тематике¹⁵⁷. Например, А. Г. Галкин приходит к

¹⁵³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года // КонсультантПлюс: Классика Российского Права–URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1927393 (дата обращения - 30.11.2024).

¹⁵⁴ Никулина Н. В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2(10). – С. 121.

¹⁵⁵ См., Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017. –С. 51.

¹⁵⁶ Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. - СПб, 1914. – С. 108-109.

¹⁵⁷ См., Мещерский В.П. Очерки нынешней общественной жизни в России. Вып. 1-2. - Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1868-1870. - 2 т.; 25. Письма из средних велико-российских губерний за 1867 год. - 1868. - С. 77; Сорокин А. А. Крестьянский волостной суд российской империи в оценках общественности конца XIX в.// Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 417. – С. 147.

выводу, что волостной суд хоть и являлся важным институтом разрешения споров на селе, но «неизбежно отставал от потребностью времени»¹⁵⁸, так как на рубеже XIX-XX веков в социальной жизни крестьянства неизбежно происходили перемены.

Поэтому можно сделать вывод о том, что волостная юстиция даже после реформирования по-прежнему стояла особняком. И в результате такого разрыва все чаще высказывались идеи о необходимости существенно реорганизовать народную юстицию, вплоть до ее полной ликвидации и заменой мировыми судами с четкими процедурами и правилами¹⁵⁹.

Основные проблемы в деятельности волостных судов связаны с их спецификой и касаются множества факторов: недостаточная правовая подготовка судей, зависимость от местной администрации и др. Поэтому существенным моментом является также оценка эффективности волостной юстиции на основе практической деятельности на примере Московской губернии, которая будет отражена в главе второй данной работы.

Волостная юстиция в Российской империи, служившая посредником между крестьянскими общинами и центральной властью, сыграла значительную роль в развитии правосудия на низшем уровне в сельских регионах империи. Она возникла в контексте реформ 1861 года, когда крестьянская реформа дала крестьянам личную свободу, но одновременно появилась необходимость создания эффективных институтов для урегулирования их повседневных споров и конфликтов в привычной для них форме. Положенные в основу деятельности волостных судов демократические принципы, в том числе, формирование их на основе выборности, не исключали их сословного характера, связь с традиционными сельскими общинами, обычно-правовыми нормами и бытовыми представлениями, обеспечивая доступное и понятное крестьянское правосудие.

¹⁵⁸ Галкин А.Г. Волостной суд как проблема общественной жизни пореформенной России // Научный журнал КубГАУ. - 2011. - № 71. - С. 761.

¹⁵⁹ См., Бразоль Г. Е. Об упразднении волостных и сельских судов: Замена их мировыми судеб. учреждениями / [Соч.] Ахтыр. уезд. предводителя дворянства и почет. мирового судьи Ахтыр. и Зеньк. уездов Григория Бразоль. - Харьков: тип. М.Ф. Зильберберга, 1886. - 412 с.

В развитии организации и функций волостных судов прослеживаются последовательные этапы:

- во-первых, период с 1861 по 1889 гг., как этап первоначального становления волостных судов, т.е. органов правосудия на местном уровне, применяющих правовые обычаи, и разрешающих мелкие уголовные и гражданские дела, в том числе, и на основе правовых обычаев, устоявшихся в крестьянском быту. Для волостных судов характерна максимальная приближенность к населению, простота судебной процедуры, дешевизна и оперативность, так как он являлся особым институтом, обеспечивающим правовую автономию крестьянского мира. Их правовой статус характеризовался относительной автономией и преобладанием обычного права при принятии решений, а также минимальным вмешательством государственной администрации;

- во-вторых, период с 1889 по 1912 гг. – этап усиления административного контроля со стороны государства в соответствии с принятыми в 1889 г. «Временными правилами о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках», введение новых требований к составу судей, порядку и особенностям их утверждения, что связано с попыткой встраивания этих органов в общую государственную систему. Введение института земских начальников в 1889 г. означал отход от изначальных принципов проведенной реформы 1861 г. и фактическое подчинение волостных судов административному надзору;

- заключительный этап с 1912 по 1917 гг., в связи с принятием Временных правил 1912 г., которые являлись основой для создания базовых начал государственной политики в отношении крестьянского правосудия, нацеленной на повышение профессионального уровня судопроизводства, а также на последовательное сближение волостных судов с мировыми судами, отмену подчиненности волостных судебных учреждений земским начальникам и восстановление принципа выборности судей. Предпринимались усилия по более значительному реформированию их статуса посредством введения элементов письменного судопроизводства, повышения требований к судьям, что

свидетельствовало о развитии грамотности и постепенной интеграции волостной юстиции в общегосударственную судебную систему.

Таким образом, волостная юстиция в Российской империи, выступая важнейшим связующим звеном между государственным аппаратом и сельской общиной, сыграла фундаментальную роль в обеспечении правопорядка на низовом уровне в пореформенный период. Институциональная эволюция волостных судов носила выраженный поэтапный характер. Учрежденные в контексте реформ 1861 года как относительно автономные органы сословного крестьянского самоуправления, они базировались на принципах выборности, доступности и приоритетном применении обычного права. Последующее реформирование в 1889 году, несмотря на усиление административного воздействия, привело к расширению подсудности, де-факто трансформировав волостной суд из узкосословной инстанции в территориальный судебный орган для всех низших слоев сельского населения. Эти этапы послужили необходимой исторической предпосылкой для качественного институционального скачка, закрепленного законом от 15 июня 1912 года. Данная реформа ознаменовала переход к масштабной модернизации волостной юстиции: суды были выведены из-под административного подчинения земским начальникам, интегрированы в общую судебную систему через учреждение апелляционной инстанции в лице Верхнего сельского суда, а процесс судопроизводства приобрел формализованный характер за счет повышения образовательных цензов для судей и профессионализации аппарата.

Длительная устойчивость и востребованность волостных судов в условиях динамично меняющейся социально-правовой реальности объясняются их уникальной двойственной природой. С одной стороны, они компенсировали острую нехватку государственного судебного аппарата на местах, реализуя функции официального юрисдикционного органа. С другой стороны, благодаря процессуальной гибкости и беспрецедентной способности органично сочетать нормы позитивного законодательства с традиционным обычным правом, волостные суды оставались легитимными в глазах сельского населения. Выступая

пространством взаимодействия государственного закона и народной традиции, где приоритет отдавался примирению и восстановлению социального баланса, волостная юстиция доказала свою эффективность в качестве гибкого социального регулятора в эпоху системных трансформаций Российской империи.

1.3. Роль и значение правового обычая как источника волостного судопроизводства¹⁶⁰

В дореволюционной России правовые обычаи были одним из основных источников права в отношениях, не охваченных позитивным правом. Законодательством, принятым в Российской империи, бытовые крестьянские, торговые и семейные отношения практически не регулировались. Безусловно, правовое положение волостного суда по сравнению с ранее существовавшими отдельными местными судами, было более формализованным и стандартизированным, но применяемое им обычное право практически полностью замещало собой действовавшее в российской империи законодательство. Как, например, замечено А. А. Леонтьевым, за период действия волостной юстиции не было сделано «ни шага на пути водворения правового устройства в крестьянской среде»¹⁶¹, что не позволило дать почву для создания единой системы государственного правосудия в полном смысле этого слова. Как отмечают в своей монографии И. С. Меньшиков и С. Г. Федоров в начале XIX в. был отмечен повышенный интерес российских историков в отношении правил-норм, определявших «повседневную жизнь русской деревни и регулировавших

¹⁶⁰ При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Роль правового обычая в механизме реализации норм обычного права в судебной практике волостных судов Московской губернии (конец XIX – начало XX веков) / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2026. – № 4. – С. 22-27.; Мелентьев А. В. Юридический обычай в практике волостных судов Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 21-25.; Правовой обычай как основа волостного судопроизводства в крестьянской среде: опыт Московской губернии конца XIX века / А. В. Мелентьев // Теория государства и права. – 2026. – № 1(48). – С. 158-163.

¹⁶¹ Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. - СПб, 1914. – С. 108-109.

внутридеревенские и внутрисемейные хозяйственные, имущественные и бытовые отношения»¹⁶², которые не имели письменной формы.

Более того, И. С. Меншиков в публикации по практике волостных судов Курганского уезда очень верно подмечает, что отсутствие письменной фиксации множества дел, рассмотренных волостными судами было обусловлено мировым решением споров. Поскольку основной задачей волостного суда было все же максимально склонить стороны к решению дела по совести и по доброй воле, «репрезентативность дошедшего до нас корпуса источников»¹⁶³ существенно сужена. Тем не менее, архивные материалы позволяют изучать данные по тем спорам и тяжбам, которые потребовали работы волостного писаря. И такие данные показывают фактические обстоятельства внутрисемейных дел, споров внутри крестьянской общины между ее членами, степень применяемых наказаний, а также применимые обычные нормы как правовое основание для выносимого волостными судьями решения. Сохранившиеся архивные материалы по различным территориям демонстрируют разнообразие подходов и вариативность обычных норм по сравнению с законодательными нормами российского государства в период с момента создания волостных судов до их упразднения в результате революционных событий 1917 года.

После крестьянской реформы вопросы применимости обычного права в системе российской судебной системы были поставлены А. Д. Градовским¹⁶⁴, А. Я.

¹⁶² Меншиков И. С., Федоров С. Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – С. 6.

¹⁶³ Меншиков И. С. Материалы волостных судов Курганского уезда как источник по истории крестьянской повседневности второй половины XIX - начала XX в// Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 года / Отв. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2018. – С. 322.

¹⁶⁴ См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве., 1892. - XVI, 440 с.

Ефименко¹⁶⁵, А. А. Леонтьевым¹⁶⁶, И.Г. Оршанским¹⁶⁷, К.Д. Кавелиным¹⁶⁸ и некоторыми другими исследователями русского права конца XIX в. В целом на основе их публикаций можно отметить, что в среде дореволюционных ученых-правоведов выделились три основных подхода к оценке роли обычного права.

Так, одни ученые того времени считали необходимым уравнивание всех лиц в правах, создание универсальной юстиции на основе единого государственного законодательства без сословного деления. То есть они жестко критиковали обычаи как источники права в деятельности волостных судов, выступая за их упразднение (А. Д. Билимович¹⁶⁹, Г. Е. Бразоль¹⁷⁰, Н. П. Дружинин,¹⁷¹ А. А. Риттих¹⁷², Ф. М. Уманец¹⁷³ и некоторые другие). Как писал один из ярких критиков применения обычаев Н. П. Дружинин, «крестьянская жизнь – проста, однообразна, сера, буднична, поэтому общие законодательные нормы легко приживаются в деревне»¹⁷⁴. Эти исследователи полагали, что крестьянство в своей массе

¹⁶⁵ См.: Ефименко А. Я. Исследования народной жизни / [Соч.] Александры Ефименко, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва... Вып. 1-. Обычное право / 24. - Москва : В.И. Касперов, 1884, 1884. - XIV, [2], 380 с.

¹⁶⁶ Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. - СПб, 1914. - 364 с.

¹⁶⁷ См.: Оршанский И. Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. [Электронный ресурс]. – URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁶⁸ См.: Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней Руси/ Собрание сочинений К. Д. Кавелина Текст Монографии по русской истории Т. 1. – М., 1897. – 66 с.; Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://commons.wikimedia.org/.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁶⁹ См.: Билимович, А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : (Докл., прочит. в собр. Киев. юрид. о-ва 6 нояб. 1904 г.) / Ал.Д. Билимович. - Киев : тип. Имп. ун-та св. Владимира акц. о-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1904. - [4], 60 с.

¹⁷⁰ См.: Бразоль Г. Е. Об упразднении волостных и сельских судов: Замена их мировыми судеб. учреждениями / [Соч.] Ахтыр. уезд. предводителя дворянства и почет. мирового судьи Ахтыр. и Зеньк. уездов Григория Бразоль. - Харьков: тип. М.Ф. Зильберберга, 1886. - 412 с.

¹⁷¹ См.: Дружинин Н. П. Русское право государственное, гражданское и уголовное в популярном изложении. - Санкт-Петербург : О.Н. Попова, 1899. - [2], VI, XX, 186 с.

¹⁷² См.: Риттих А. А. Крестьянский правопорядок / Сост. А.А. Риттих. - Санкт-Петербург : тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – С. 25.

¹⁷³ См.: Уманец Ф. М. Из моих наблюдений по крестьянскому делу / [Соч.] Ф.М. Уманца. - СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. – 314 с.

¹⁷⁴ Цит по: Менщиков И. С., Федоров С. Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – С. 11.

подчинится любым правилам, которые будут предписаны властями, что создаст единую государственную систему управления в стране и устранил пережитки сословно-родового строя, приведя Россию на путь цивилизованных держав.

Представителями первого направления, полагавшими необходимым упразднение волостных судов, в основном были «столичные юристы-теоретики»¹⁷⁵. Поэтому позиция их оппонентов, практиков в области крестьянского обычного права выглядела более весомой, поскольку они настаивали на сохранении волостной юстиции как формы народного правосудия, близкого простым людям, основанной на обычаях крестьянской среды. Например, И. Г. Оршанский отмечал, что обычное право больше соответствует мировоззрению крестьянства, по своей сути оно более справедливо и поэтому ближе к европейским нормам, основанным на рецепции римского права, а также оно регулирует ряд отношений, не предусмотренных позитивным правом и, следовательно, является более разработанной системой¹⁷⁶.

Приверженцы третьего подхода отстаивали сохранение норм обычного права, подчеркивая их соответствие народной жизни. Например, А. А. Леонтьев полагал, противники волостной юстиции являются теоретиками права и не знакомы с обычаями народа, отмечая, что «синтез этих двух враждебных направлений не только возможен, но и прямо обязателен, ибо он один может указать на правильное разрешение задачи нормальной организации русской народной юстиции»¹⁷⁷. И. М. Тютрюмов считал, что ликвидация института обычного права обернется разрушением целостности деревенского мира¹⁷⁸. С. П. Никонов выступал за кодификацию обычаев по принципу европейского права.¹⁷⁹ Аналогичные взгляды были присущи и другим представителям отечественной

¹⁷⁵ Меншиков И. С., Федоров С. Г. Указ. Соч. – С. 8.

¹⁷⁶ См.: Оршанский И. Г. Указ. соч. - С. 37.

¹⁷⁷ Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян - Санкт-Петербург: Изд. Юрид. кн. маг. Мартынова, 1895. – С. 7.

¹⁷⁸ Тютрюмов И. М. Крестьянский суд и начала народно-обычного права // Русское богатство. 1883. - № 9. - С. 196.

¹⁷⁹ Никонов С.П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. - Харьков : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1906. – С. 91.

юриспруденции (Д. Левандовский, К. Качоровский, П. Дашкевич)¹⁸⁰, которые исходили из практической значимости обычая как устоявшегося и хорошо проявившего себя источника права в среде крестьянства.

Правовой обычай в теории права представляет собой исторически сложившееся и признанное государством правило поведения, которое применяется в общественных отношениях как юридически обязательная норма, «санкционированная государством»¹⁸¹, то есть «форма права»¹⁸². Такой обычай, как правило, возникает в результате длительного повторения определенных действий, отражающих социальные ценности и устойчивые традиции конкретного общества, получает юридическую силу через закрепление в нормативных актах или признание судебной или административной практикой.

В отношении фундаментальной теоретической категории «правовой обычай» в юридической доктрине также наблюдается разнообразие концептуальных подходов и трактовок. Выдающийся теоретик права М. Н. Марченко в своих фундаментальных исследованиях, посвященных источникам права, отстаивает глубоко проработанную позицию, согласно которой правовой обычай является своеобразным «нормативным актом», органично вбирающим в себя наряду со строгими правовыми предписаниями также и моральные начала¹⁸³. Развивая теорию юридического позитивизма, М. Н. Марченко отмечает, что любой социальный обычай становится правовым исключительно после того, как он официально превращается в составную часть позитивного права¹⁸⁴. Ключевым механизмом такой трансформации выступает санкционирование обычая

¹⁸⁰ Шатковская, Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века : историко-правовой аспект : автореф. дис. ... доктора юрид. наук / Шатковская Татьяна Владимировна. - Ростов-на-Дону, 2009. – С. 6.

¹⁸¹ См.: Рассказов, Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник/ Л.П. Рассказов. -М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.

¹⁸² См.: Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2003. – С. 155; Саломатин А. Ю. Теория государства и права: учеб.-метод. Пособие/ А. Ю. Саломатин, А. Е. Сиушкин, Н. В. Макеева, Д. Е. Петров. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. – С. 85.

¹⁸³ Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие /М. Н. Марченко. – М.: Проспект, ТК Велби, 2005. – С. 597.

¹⁸⁴ Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник /М. Н. Марченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – С. 387.

государственной властью, основной формой которого неизменно является судебное решение. Именно после применения обычая государственным (или санкционированным государством) судом и обеспечения этого решения принудительной силой государственного аппарата, обычай приобретает подлинную юридическую силу¹⁸⁵. В противном случае, как убедительно доказывает М. Н. Марченко, несанкционированный государством обычай представляет собой лишь «норму позитивной морали»¹⁸⁶. Соответственно, волостные суды в Российской империи де-факто выступали тем самым важнейшим государственным приводным «ремнем», который легализовал и санкционировал нормы позитивной крестьянской морали, превращая их в источники позитивного имперского права, обеспеченные силой административного принуждения.

Например, в крестьянской среде существовал обычай передачи движимого имущества и основного хозяйственного инвентаря по наследству как правило старшим сыновьям. А земельные наделы передавались по наследству преимущественно младшему сыну, что обеспечивало уход за престарелыми родителями и сохранение хозяйства в целостности, так как он оставался жить с родителями. Волостные суды признавали и поддерживали такие традиции при разрешении наследственных споров. Волостной суд признавал такие обычаи при отсутствии письменных завещаний.

В теории права отмечается, что «исторически право как система норм произрастало именно из обычаев»¹⁸⁷, которые «санкционировались публичной властью по мере практической необходимости»¹⁸⁸. Обычаи, обуславливая содержание правовых норм, основаны на морали и культурных ценностях конкретной общественной группы, опираются на общепринятые категории и

¹⁸⁵ См., Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – С. 387.

¹⁸⁶ Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – С. 387.

¹⁸⁷ Теория государства и права: учебник / под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – С. 233.

¹⁸⁸ Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Дело, 2022. – С. 111.

понятия о положительном и отрицательном в жизни людей. Правовые обычаи в современных правовых системах используются в тех случаях, когда отсутствует детальное законодательное регулирование или когда их применение соответствует сложившимся общественным потребностям¹⁸⁹, поэтому их роль существенно отличается от той, которую они имели в период функционирования волостной юстиции.

Так, обычаи предусматривали коллективную ответственность общины за ущерб, нанесенный ее членами, если виновник не мог быть установлен. К примеру, в архивных документах Можайского уезда Московской губернии имеется прошение земскому чиновнику, согласно которому крестьяне Михайловского сельского общества оспаривают штраф, наложенный на них по донесению урядника о «пьянстве полным сходом» и приводят последовательную аргументацию, основанную на готовности представить свидетелей, способных подтвердить местонахождение каждого домохозяина в момент, когда, по версии урядника, происходило коллективное пьянство¹⁹⁰. Тем самым крестьяне апеллируют к тому, что коллективная ответственность допускается лишь при наличии доказанного участия всех членов схода, что соответствует крестьянскому пониманию справедливости. Ситуация основана на укоренившемся принципе: право общины реализуется через коллективное письменное заявление и свидетельства очевидцев.

Для понимания сущности обычая как источника обычного права в деятельности волостных судов необходимо обратиться к пониманию обычая в сознании обычного крестьянина российской деревни. Исторические данные по применениям обычаев на территории России можно найти в справочнике-указателе

¹⁸⁹ См.: Теория государства и права: учебник / М. М. Рассолов, Р. Б. Гандалоев, М. М. Дикажев [и др.]; под ред. М. М. Рассолова, А. И. Клименко; Ингушский государственный университет. – Москва: Юнити-Дана, 2021. – С. 180-181.

¹⁹⁰ Прощения крестьян Михайловского сельского общества Борисовской волости земскому чиновнику Можайского уезда и в Борисовский волостной суд Можайского уезда б/д // ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1027.

А. А. Никишенкова¹⁹¹, аналогов которому в более современном варианте не издавалось. Обычай как источник правового регулирования в значительной степени отражает менталитет народа, его национальный характер и специфику социальной среды. Можно сказать, что обычай в правовом значении «берет свое начало из социально – нравственных обычаев первобытного общества»¹⁹², в котором они были способом для урегулирования коммуникаций. Ввиду отсутствия письменности и общественных институтов в древнейших и древних государствах обычаи не были формализованы и существовали как устные правила поведения (например, правила кровной мести, передача недвижимого имущества в качестве наследства сыну, а не дочерям).

Их стабильность обеспечивалась тем, что условия жизни людей практически не претерпевали значительных изменений на протяжении веков, чему способствовала также неразвитость научных представлений о мире и его явлениях, приводящая к верованиям в сверхъестественные силы и порядки мироустройства¹⁹³. Соблюдение обычая в русской деревне обеспечивалось простыми и понятными мерами общинного воздействия на нарушителя. Например, физическое воздействие было обыденным наказанием по решениям волостного суда для лиц обоего пола. В то же время вопросы, связанные с разводом или разделением имущества между супругами, нередко решались в соответствии с достаточно понятными современным правовым институтам принципам: имущество, нажитое до брака, оставалось у каждого из супругов, а общее имущество делилось на основе принятых традиций. В случае расторжения брака бездетной пары известны обычаи, согласно которым имущество, принесенное в брак каждой стороной, возвращалось первоначальному владельцу.

¹⁹¹ См., Обычное право народов России: библиографический указатель (1890 –1998 гг.) / сост. и автор вступ. ст. А. А. Никишенков ; под ред. Ю. И. Семенова. - М. : Старый сад, 1998. - 252 с.

¹⁹² Мастерских Г. А. Правовой обычай как источник права: прошлое и современность // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-8. – С. 48.

¹⁹³ Обычаи. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. – [Электронный ресурс] - URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 24.12.2024).

Помимо глубокого теоретического осмысления, отдельного исследовательского внимания заслуживают труды, в которых дана оценка юридической природы различных правовых феноменов применительно к конкретным этносам и отдаленным территориям Российской империи. Это позволяет лучше понять специфику центральных губерний на контрасте с национальными окраинами. Так, выдающийся исследователь И. Б. Ломакина ввела в научный оборот фундаментальную дефиницию «этническое обычное право». В своих трудах она выявила специфические особенности возникновения, характерные признаки этнических правовых обычаев и определила их системообразующее место в традиционной социальной системе¹⁹⁴. Ломакина обосновала важнейшую теоретическую закономерность: эффективность действия позитивного (государственного) права напрямую зависит от того, насколько органично оно выступает преемником укоренившегося обычного права.

В свою очередь, В. В. Наумкиной были детально, на богатом эмпирическом материале, исследованы теоретические аспекты и уникальные особенности обычного права кочевых народов Восточной Сибири в девятнадцатом и начале двадцатого века¹⁹⁵. Она всесторонне проанализировала сложный процесс интеграции обычного права сибирских этносов в формальную правовую систему Российского государства, уделив особое внимание брачно-семейным, имущественным отношениям и специфике судебного процесса кочевников.

Не менее значимым представляется анализ институтов обычного права народов Северного Кавказа. М. А. Исмаилов в своих научных изысканиях¹⁹⁶ детально исследовал механизмы действия и принципы реализации таких архаичных институтов, как кровная месть (канлыят) и процедуры примирения у народов Дагестана. Его работы наглядно демонстрируют, как местное обычное

¹⁹⁴ Ломакина, И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук / И. Б. Ломакина. – СПб., 2005. – 368 с.

¹⁹⁵ Наумкина, В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Наумкина. – М., 2010. – 347 с.

¹⁹⁶ Исмаилов, М. А. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть - механизм действия и принцип реализации / М. А. Исмаилов, Л. С. Багомедова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 41-50.

право (адат) вступало в сложное взаимодействие с нормами шариата и уголовным законодательством Российской империи, формируя уникальную модель правового плюрализма. Сравнительный анализ показывает, что если на национальных окраинах (в Сибири и на Кавказе) обычное право интегрировалось через призму этнических и религиозных компромиссов, то в Московской губернии правовой обычай адаптировался преимущественно к вызовам урбанизации, отходничества и промышленного капитализма. Тем не менее, механизм санкционирования обычая государством, блестяще описанный М. Н. Марченко, оставался универсальным инструментом правовой политики империи на всей ее территории

Между тем фактическое регулирование трудовых отношений определялось устойчивыми неписаными практиками, основанными на коллективной солидарности рабочих и прагматике местного управления. Хотя формально существовали и правовые предписания – в частности, нормы Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 г. (Далее по тексту – Устав о наказаниях 1864 г.)¹⁹⁷. Материалы дела Игнатьевского волостного суда (1894 г.) по обвинению группы ткачей фабрики Щербакова в нарушении тишины и порядка отражают особенности функционирования локального обычая в условиях фабрично-мануфактурного производства конца XIX века. В фабричном пространстве рабочие, как установлено дознанием пристава от 2 февраля 1894 г., по инициативе «зачинщиков» (пятерых наиболее активных ткачей) выступали сначала группой из 50 человек, затем всей артелью ткачей числом около 110 человек¹⁹⁸.

При отсутствии формализованных механизмов урегулирования споров практика коллективного давления являлась распространенным способом защиты интересов трудящихся. Управление фабрики также опиралось на обычай и следовали принятому порядку «харчевых записок», т.е. традиционной системе

¹⁹⁷ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (извлечено из Судебного Устава от 20 ноября 1864 г.). - Санкт-Петербург : тип. т-ва "Обществ. польза", 1867. - 45 с.

¹⁹⁸ Уголовное дело № 74 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 30 декабря 1894 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-18.

натуральных выплат в счет будущего заработка. Требование рабочих о выдаче записок «вперед» было воспринято фабрикантами как нарушение обычного хода расчетов, что и вызвало первоначальный отказ. По показаниям свидетелей, рабочие, нарушив правило «не оставлять станки без причины»¹⁹⁹, организовано остановили работу и явились в контору, требуя пересмотра порядка авансирования. Это было расценено администрацией как нарушение фабричной тишины и порядка, поэтому квалифицировалось по ст. 38 Устава о наказаниях 1864 г. как проступок, связанный с «беспорядками». Отметим также обычай минимального вмешательства волостного суда в фабричные конфликты: Игнатьевский волостной суд 30 декабря 1894 года прекратил производство, не установив состава правонарушения, а администрация, чтобы избежать усиления волнений, удовлетворила требование и выдала харчевой реестр на 85 руб. 50 коп., после чего рабочие «успокоились» и вернулись к работе. Такой исход полностью соответствует модели локального обычая, где компромисс - важнейший инструмент стабилизации трудового процесса, а протесты рабочих не нарушили мирного порядка настолько, чтобы требовать уголовно-правовой реакции: беспорядки были локальны, кратковременны, без насилия и фактически урегулированы сторонами.

По справедливому мнению И. Н. Скуратовой, обычное право при его изучении может быть представлено как «органичное сочетание общего (изучение родовых признаков...) и единичного (анализ специфических признаков... в рамках конкретного государства)»²⁰⁰. В. Э. Грабарь характеризует обычные нормы как нормы, создаваемые обществом без участия законодательной власти и «применяемые во взаимных отношениях членов данного общественного союза»²⁰¹. Как отмечает А. В. Дашин, «многие дореволюционные ученые... именовали

¹⁹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰⁰ Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861 - 1917 гг.): автореф. дисс. канд. юрид. наук / Скуратова Инна Николаевна. – Владимир, 2007. – С. 13.

²⁰¹ Грабарь В.Э. Энциклопедия права. - Юрьев : Литогр. Э. Бертельсона, 1906: Определение энциклопедии права. [Ч. 1]. - 1906. - С. 151.

нормы, ... составляющие обычное право, юридическими обычаями»²⁰². В частности, данная позиция присутствует в работе русского правоведа Н. М. Коркунова²⁰³.

Обычай в среде российского крестьянства недалеко ушел от обычаев родового общества, поскольку преобладающее сельское население в Российской империи было тотально неграмотным и стремящимся к соблюдению обычаев предков, сохранению ценностей своего сообщества. Данная социальная группа являлась довольно консервативной и ввиду сложных бытовых условий, сочетания не самого простого и благоприятного климата, больших территорий расселения.

Характерным примером публично-правового вмешательства волостной власти в крестьянскую среду является дело о привлечении крестьянина Семена Симанова к ответственности за антиобщественное поведение, рассмотренное Рождественским волостным судом Бронницкого уезда в 1879 г.²⁰⁴. Инициатором разбирательства выступил не частный истец, а волостной старшина Новиков, действовавший как представитель местной администрации. Основанием жалобы послужили систематическое пьянство, нерадение к хозяйству и буйство Симанова, которые рассматривались не только как личные пороки, но и как угроза общественному порядку и экономической устойчивости сельской общины. Суд, не получив оправданий со стороны ответчика, применил телесное наказание в виде двадцати ударов розгами на основании норм Общего положения о крестьянах.

Особенность дела заключается в сочетании элементов обычного права и административного принуждения: волостной суд выступает инструментом поддержания коллективной дисциплины, а наказание носит не компенсаторный, а карательно-воспитательный характер, направленный на восстановление общественного порядка и трудовой ответственности крестьянина.

²⁰² Дашин А. В. Обычай в правовой системе России. – Краснодар : ООО «Эпомен», 2024. – С. 8.

²⁰³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. - СПб., 1890.- С. 266-272.

²⁰⁴ Гражданское дело № 26 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 29 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 15-16.

В результате, крестьянский обычай и до, и после создания волостной юстиции был фактически обособлен от формально-определенных, установленных государством общеобязательных правил поведения. Однако при этом, не всякий обычай становится правовым, так как для этого необходимо его «признание и одобрение государством»²⁰⁵, санкционирование государством²⁰⁶, иначе обычай останется на уровне бытовой традиции, общественной привычки, не признаваемой государством (похищение невесты).

В материалах дела Добрянтинского волостного суда за 1906–1907 гг. отражены примеры устойчивости функционирования обычного права как фактического регулятора крестьянских семейно-бытовых отношений²⁰⁷. Так, динамика развития дела, рассмотренного волостным судом 28 марта 1906 г., по жалобе Олимпиады Жучковой, позволяет выявить последовательное взаимодействие формального и обычного права²⁰⁸. Во-первых, исходным юридическим фактом выступает заключение 14 февраля 1906 г. нотариального договора аренды дома между крестьянином Петром Жучковым и А. Симельшиковым. Однако на сельском сходе 19 февраля 1906 г. Жучков заявляет, что совершил сделку в состоянии опьянения, тем самым фактически апеллируя не к пороку воли и к морально-нормативной оценке типичного поведения, признаваемой общиной. Во-вторых, дальнейшее развитие конфликта переносит акцент с индивидуального волеизъявления на заключение договора на коллективные механизмы контроля. 12 марта 1906 г. жена Жучкова, Олимпиада, обращается к земскому начальнику с жалобой и просит отменить сдачу дома и усадебной земли в аренду, указывая на расточительность мужа и необходимость

²⁰⁵ Здунова Д. И. К вопросу о сущности правового обычая // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – Т. 14. – С. 16.

²⁰⁶ См., Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. - Москва : Госюриздат, 1959. - С. 62; Общая теория советского права / Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко. Москва : Юрид. лит., 1966. - С. 164.

²⁰⁷ Книга записи решений суда Добрянтинского Волостного Суда Московского уезда за 1892 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-16.

²⁰⁸ Гражданское дело № 201 Добрянтинского волостного суда Подольского уезда от 14 февраля – 31 октября 1906 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.

защиты интересов детей («прошу Вас со слезами и малыми детьми не оставить меня несчастной. Я должна ходить по миру от своих домов, и не могу воспитать как бы сирот»²⁰⁹). Данный факт отражает апелляцию к «правильному» порядку жизни, определяемому общинными представлениями о семейной ответственности. В-третьих, еще одним проявлением обычного права становится решение сельского схода от 18 мая 1906 г., которым Симельщикова запрещается торговля водкой и содержание чайной лавки по мотивам «непристойного поведения» и участия в драках. Решение фиксирует характерную черту крестьянской правовой культуры: правомерность поведения контрагента оценивалась через призму общественной нравственности, а не формальных юридических критериев. Первоначальное решение волостного суда от 28 мая 1906 года (предположительно неблагоприятное для Жучковой) опиралось на юридические основания спора, однако уездный съезд отменил его 19 сентября того же года, что указывает на признание недостаточности формально-правового подхода без учета фактических обстоятельств и общинной оценки поведения сторон. Материалы дела показывают, что письменные договоры и иные гражданско-правовые конструкции оказывались подчинены общинному контролю: пьянство, «непристойное поведение», нарушение общественного порядка служили самостоятельными основаниями для пересмотра или фактического прекращения договорных отношений. Это свидетельствует о формировании правовой действительности в крестьянских обществах преимущественно через систему коллективных морально-правовых норм, закрепленных в практике сельского схода как носителя обычая²¹⁰.

Исходя из вышесказанного, к особенностям правового обычая в дореволюционном волостном судопроизводстве России следует отнести следующие аспекты:

²⁰⁹ Там же. Л. 1.

²¹⁰ Гражданское дело № 201 Добрятинского волостного суда Подольского уезда от 14 февраля – 31 октября 1906 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.

1) признание источником крестьянского права, то есть для решения споров и применения наказаний за проступки только в рамках одного сословия, хотя и самого масштабного;

2) локальный характер, так как многие правовые обычаи имели региональную специфику, что отражало разнообразие этнокультурных традиций Российской империи, связь «с религиозными представлениями, суевериями, обрядами»²¹¹. Этот фактор обеспечивал их адаптацию к местным условиям (например, обычай объявления о браке в некоторых мусульманских регионах - «никах»), но создавал сложности в унификации правоприменения при межкультурных этнических конфликтах.

3) применение в судебной практике волостных судов при разрешении споров среди крестьян, если их существование и содержание подтверждались свидетельскими показаниями или иными доказательствами как мера социальной справедливости в крестьянской среде. Применялся тот обычай или его вариант, который был ближе к сознанию крестьян. Обычай был «более гибким регулятором общественных отношений, способным учесть множество разносторонних факторов и приспособиться к ним»²¹²;

4) некоторые правовые обычаи со временем интегрировались в законодательные акты, например, в «Свод законов Российской империи». Хотя нужно отметить, что отдельные традиционные представления, имеющие свое начало в крестьянском менталитете, идут вразрез с позитивным правом. Так, А. В. Кирилин, В. Б. Безгин отмечают, что современное негативное отношение населения в России к некоторым правовым институтам связано именно с этими истоками, например, неприятие института частной собственности²¹³.

²¹¹ Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861 - 1917 гг.) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Скуратова Инна Николаевна. – Владимир, 2007. – С. 15.

²¹² Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – С. 14.

²¹³ См., Безгин В. Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 8; Кирилин А. В. Крестьянское обычное

Таким образом, правовые обычаи в дореволюционном праве России играли важную роль, обеспечивая гибкость и адаптацию правовой системы к потребностям общества. В современной России правовые обычаи рассматриваются как вспомогательные источники права, используемые только при отсутствии прямого законодательного регулирования (например, признается возможность применения обычаев делового оборота согласно ст.ст. 5 и 6 ГК РФ²¹⁴, если они не противоречат закону или договору). Обычаи в коммерческой сфере чаще фиксируются и стандартизируются, например, через сборники обычаев делового оборота или международные кодексы типа ИНКОТЕРМС²¹⁵. И в отличие от дореволюционного периода, современное публичное право почти не опирается на обычаи, поскольку детально регулируется законами и иными нормативными правовыми актами исходя из структуры и целевых установок властных механизмов.

Однако необходимость учета морально-этических и религиозных принципов при толковании норм не может быть оставлена без внимания. Тем более, что в Указе Президента от 09.11.2022 № 809²¹⁶ и в позиции Конституционного суда от 27.11.2024 № 55-П²¹⁷ явно прослеживается ориентир на нравственные ценности и традиции как вспомогательное средство для правоприменителей в тех областях, где законодательство формально не охватывает все стороны общественных отношений. Подобная практика перекликается с дореволюционным опытом волостных судов, где обычай, морально-нравственные и религиозные

право в волостных судах и государственная политика пореформенной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кирилин. М., 2005. – С. 14.

²¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 от 21.10.1994 № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

²¹⁵ Incoterms® rules – URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/> (дата обращения 12.01.2025).

²¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 46. - Ст. 7977.

²¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 50. - Ст. 7841.

представления крестьян напрямую влияли на разрешение споров и регулирование коллективных интересов. Современное правовое регулирование, опирающееся на формальное право, в этом смысле требует учета устоявшихся норм для обеспечения баланса формального закона и социально-культурных ценностей.

Волостное судопроизводство в дореволюционной России опиралось на правовые обычаи как базовый источник права в крестьянской среде, где законодательство не в состоянии было охватить все аспекты общественных отношений после сложной крестьянской реформы. Полагаем, что основная роль правового обычая в этом контексте проявлялась в нескольких значимых моментах.

Прежде всего, он стал главной формой регулирования правовых споров в волостных судах, поскольку крестьянское общество при решении споров и конфликтов основывалось на устоявшихся традициях и правилах, обеспечивавших справедливость и порядок.

Во-вторых, обычные нормы обеспечивали высокую степень адаптации к местным условиям, так как учитывали специфику локального уклада жизни, экономических и социальных условий, что делало их более гибкими и приемлемыми для сельского населения, чем формализованные законы.

В-третьих, применение обычных норм обеспечивало доступность правосудия. Ведь простота и понятность обычаев позволяли крестьянам без сложных юридических процедур отстаивать свои права, что делало волостное судопроизводство более доступным и понятным для широких слоев населения.

В-четвертых, применение правового обычая в волостных судах способствовало укреплению общественного порядка, поддержанию мирного сосуществования в общине, так как решения судов опирались на нормы, признанные всеми участниками данного сообщества.

В-пятых, применение обычая не было безграничным, оно очерчивалось рамками компетенции волостного суда, хотя и не безупречно, что было четко

обозначено И. Г. Оршанским в его исследовании²¹⁸. В случае противоречия с законодательством Российской империи приоритет отдавался последнему, что подчеркивало подчиненность обычаев общегосударственным правовым нормам.

Значение правового обычая, по-нашему убеждению, заключалось в том, что он обеспечивал эффективное и справедливое разрешение споров в условиях, где формальное законодательство было недоступно или неполно. Как справедливо указывает И. В. Ботанцов «на практике крестьянский обычай был поставлен даже выше норм партикулярного права и местных обычаев, а также обычаев церковных и других норм церковного права»²¹⁹. Его применение в волостных судах поддерживало правопорядок и отражало уклад жизни крестьянской общины, гармонично сочетая традиции с требованиями правосудия. Кроме того, в волостных судах существовала практика подтверждения и обоснования правового обычая через свидетельские показания или ссылки на предшествующие решения, что формировало основы прецедентов для будущих дел.

Тем не менее, не все регионы, по мнению ученых, были подвержены широкому воздействию обычного права. Например, С. В. Шевченко отмечал, что особенностью судопроизводства в Ставропольской губернии являлось крайне ограниченное применение норм обычного права, что отличало ее от внутренних губерний Российской империи, где обычай сохранял важную роль в деятельности волостных судов («незначительное применение норм обычного права»²²⁰).

С другой стороны, в отличие от пермских народов, как отмечается в диссертационной работе О. А. Плоцкой, где обычное право «в течение веков складывалось в тесной взаимосвязи с правовым миром не только славянских,

²¹⁸ Оршанский И. Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. – С. 7-8. [Электронный ресурс]. – URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

²¹⁹ Ботанцов, И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832–1917 гг.) : монография / И.В. Ботанцов. - Гатчина : ГИЭФПТ, 2019. – С. 132.

²²⁰ Шевченко С. В. Ставропольский окружной суд в системе судебной власти Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010. – С. 22.

самодийских, но и тюркских народов»²²¹, волостные суды Московской губернии применяли нормы, основанные преимущественно на опыте православных общин Центральной России, ориентированных на достаточно консервативные религиозно-моральные принципы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сформулировать комплексный вывод о роли и значении правового обычая как источника права в деятельности волостных судов Московской губернии в исследуемый период.

В дореволюционной правовой системе Российской империи крестьянский правовой обычай представлял собой не просто субсидиарный, вспомогательный инструмент, механически компенсировавший пробелы позитивного законодательства, а выступал фундаментальной, автономной нормативной базой, определявшей саму институциональную сущность волостного правосудия. Исследование богатейшего массива архивных материалов Московской губернии неопровержимо доказывает, что в условиях объективно существовавшего правового дуализма обычай функционировал как универсальный и приоритетный критерий легитимности любых правоотношений в крестьянской среде. Формально закрепленная подчиненность волостных судов позитивному праву на практике трансформировалась в уникальную правоприменительную модель, при которой официальный закон допускался к реализации лишь в той мере, в какой он не вступал в конфронтацию с глубинными нравственными императивами и социально-экономическими потребностями сельского общества.

Специфика применения правового обычая заключалась в его способности осуществлять жесткий морально-этический и экономический контроль над институтами имперского гражданского права, выполняя ярко выраженную нормативно-корректирующую функцию. Данный механизм наглядно иллюстрируется прецедентами аннулирования нотариально удостоверенных гражданско-правовых сделок по мотивам расточительства домохозяина и угрозы

²²¹ Плоцкая, О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв. : историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук / О.А. Плоцкая. - Москва, 2016. – С. 39.

сиротства (как это было реализовано в деле об отмене договора аренды крестьянина Жучкова Добрятинским волостным судом в 1906–1907 гг.), где защита физического выживания семьи и сохранение хозяйственной целостности крестьянского двора «на старом корню» признавались судом и общиной безусловными приоритетами, превалирующими над формально-догматическим принципом свободы договора. Суд чутко учитывал суровые условия крестьянской жизни, отдавая предпочтение тем обычаям (включая институты зятьев-приемышей и признание принципа вложенного трудового участия), которые гарантировали продолжение аграрного производства.

Более того, в условиях интенсивного индустриально-капиталистического развития Московской губернии конца XIX века обычное право продемонстрировало феноменальную адаптивность. Оно успешно экстраполировало свои традиционные примирительные механизмы на сферу возникающих фабрично-заводских конфликтов (что убедительно доказывает прекращение Игнатьевским волостным судом в 1894 г. дела о забастовке ткачей фабрики Щербакова), блокируя применение карательных норм государственного административно-полицейского аппарата во имя скорейшего восстановления социального мира и производственного процесса.

Выступая органичным продуктом коллективного правосознания, обычай обеспечивал не только справедливое разрешение частных имущественных споров, но и реализацию публично-правовых задач сельского схода по поддержанию жесткой дисциплины, искоренению девиантного (маргинального) поведения и обеспечению фискальной состоятельности двора, о чем свидетельствует практика телесных наказаний за систематическое пьянство и нерадение к хозяйству (например, дело Семена Симанова в Рождественском волостном суде Бронницкого уезда, 1879 г.), а также успешное оспаривание необоснованной круговой поруки (дело крестьян Михайловского общества Можайского уезда). Санкционирование государством, вплоть до уровня кассационных разъяснений Правительствующего Сената, фактического приоритета местного обычая над нормами общеимперского Свода законов позволило сформировать мощный буферный правовой механизм.

Опора на обычай ограждала традиционный уклад от разрушительного воздействия чуждого крестьянам юридического формализма, обеспечивая тем самым плавную, эволюционную и управляемую трансформацию огромного социального массива на рубеже эпох, способствуя поддержанию правопорядка без насильственной ломки ментальных основ общества.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ В ПРАКТИКЕ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

2.1. Применение правового обычая волостными судами при рассмотрении семейных споров²²²

За период с момента создания системы крестьянского суда исследователями был собран обширный материал по применению различными волостными судами юридических обычаев²²³, которые дают представление не только о правовой стороне жизни простых крестьян, но и об их быте, нравах.

Семейные отношения можно рассматривать как систему взаимосвязей и взаимодействий между членами семьи, регламентируемую культурными, социальными и правовыми нормами. Они включают в себя эмоциональные, психологические, экономические и правовые аспекты жизни людей, объединенных общими связями, такими как родственные узы, брак или партнерство и не имеет «качественных материальных критериев»²²⁴, позволяющих отграничить их от отношений, регулируемых иными отраслями права. Правовые рамки семейных отношений включают вопросы брака, развода, алиментов и наследования, обеспечивая правовую определенность и защиту прав всех участников²²⁵.

В конце XIX века в России начала активно развиваться русская цивилистика как наука, изучающая частно-правовые отношения, что обусловлено как социальными реформами, так и изменениями в правовой системе. Цивилистика

²²² При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Роль правового обычая при рассмотрении семейно-брачных споров в волостных судах Московской губернии II пол. XIX – нач. XX в. / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, М. Ш. Шамилов, Ю. Е. Курилюк // Былые годы. – 2026. – № 21(1). – С. 298-306.

²²³ См., Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2017. – С. 51.

²²⁴ Антокольская М.В. Семейное право: Учебник - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.-Юристь, 2002 – С. 11.

²²⁵ См., Семейное право: учебник и практикум для вузов/ под редакцией Л. М. Пчелинцевой; под общей редакцией Л. В. Цитович.- 2-е изд., перераб. и доп.- Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С. 40-41.

охватывает широкий спектр вопросов, включая обязательственное право, право собственности, наследственное право, семейное право и другие аспекты гражданских отношений, основанных на принципах равенства сторон, свободы договора и защиты частных интересов.

Семейное право является одной из ключевых составляющих цивилистики, регулируя с помощью правовых предписаний отношения, возникающие в процессе заключения и прекращения брака и в семье, а также права и обязанности супругов, родителей и детей²²⁶.

Конец XIX века стал временем активного формирования гражданского права в России, когда сочетались традиционные и новые подходы к пониманию и регулированию правоотношений в условиях сословного общества, что отразило многообразие существующих источников права, включая местные обычаи и научные разработки. Но идеи справедливости стоят во главе любых правил, так как в ином случае такие нормы не будут иметь «обоснования своей общеобязательности в сознании общества, а значит, и прочной опоры своей реализации»²²⁷.

Дореволюционное семейное право можно рассматривать как часть цивилистики, фокусируясь на специфических аспектах отношений в семье, как писала Н.Н. Тарусина «внутри цивилистики того периода была подготовлена почва для суверенизации семейного права»²²⁸. Однако, как справедливо обозначила в своем диссертационном исследовании М. А. Соснина, «традиционно в России решение этих вопросов не отличалось реформаторством, характеризовалось

²²⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 г. – № 1. – Ст. 16.

²²⁷ Тараканова Н. Г. Вердикты присяжных как отражение представлений о справедливом правосудии в народном правосознании второй половины XIX века (на материалах провинциальной судебной практики) // История государства и права. - М., 2013. - № 10. - С. 30.

²²⁸ Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2009. – С. 11.

преемственностью и патриархальностью, заложенными в их основу обычаям, а затем церковным правом»²²⁹.

После крестьянской реформы 1861 года, в ходе которой, как отмечали исследователи, местные обычаи были официально признаны источником права²³⁰, возникла необходимость в систематическом изучении гражданских правоотношений; особого внимания требовал анализ и обобщение обычных норм, существовавших на обширных территориях Российской империи, преимущественно, сельских. В это время осознание важности охраны гражданских прав в широком смысле стало ключевым фактором для разработки теоретических основ цивилистического законодательства. В частности, в работах таких ученых, как П. С. Ефименко, В. Ф. Мухин, И. Г. Оршанский и С. В. Пахман²³¹, были исследованы обычаи и их роли в регулировании гражданских правоотношений, что открыло новые горизонты для понимания русского права.

Одновременно с развитием цивилистики углубился анализ вопросов, касающихся семейного права, так как семейные отношения играют ключевую роль в социальном развитии личности, формировании ее ценностей и установок, а также обеспечивают эмоциональную поддержку и стабильность. Правовые аспекты

²²⁹ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... кандидата юридических наук. – Казань, 2023. – С. 116.

²³⁰ См., Записки Русского географического общества по Отделению этнографии: [сборники] / Государственное русское географическое общество, Отделение этнографии. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1 / издан под ред. С. В. Пахмана. - Петроград: Типография Российской академии наук, 1867-1925 - Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1900. - 429 с.

²³¹ См., Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Сост. П.С. Ефименко. Кн. 1-й. Кн. 1 / 20. - Архангельск: Губ. тип., 1869, 1869. -336 с.; Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян (к вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению). С.-Пб, 1888. - 331 с.; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. – С.-Пб: Тип. А. Е. Ландау, 1879. – 453 с.; Матвеев П. А. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки С.В. Пахмана, заслуженного профессора С.-Петербургского университета. Т. I. Собственность, обязательства и средства судеб. охранения. С.-Петербург, 1877 г. - 447 с.; Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В 2-х томах. Т. 1 / Пахман С. В. – С.-Пб., 1876. - 482 с.; Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. - Санкт-Петербург, 1877-1879. - Т. 2: Семейные права, наследство и опека. Т. 2. - 1879. - 400 с.

семейных отношений также постоянно находились в центре внимания русских цивилистов.

Специальные научные исследования таких авторов, как К. Кавелин Д. И. Мейер, В. Ф. Мухин, К. П. Победоносцев²³² стали важным вкладом в понимание светского регулирования семейных отношений во второй половине XIX века. Выдающиеся представители русской цивилистики конца XIX века, такие как Ю. С. Гамбаров, В. И. Голевинский, С. А. Муромцев, а также Н. А. Полетаев, И. А. Покровский, П. П. Цитович, Г. Ф. Шершеневич²³³ пытались осмыслить, каким образом современное законодательство может соотноситься с традиционными обычаями и нормами, чтобы обеспечить справедливость и защиту прав каждого индивидуума. В работах С. П. Григоровского, М. Е. Красножена, В. Я Максимова²³⁴ описываются практические аспекты дореволюционных бракоразводных производств.

²³² Кавелин К. Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. - Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1884. - 170, II с.; 22 с.; Мейер Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина- Санкт-Петербург: Н. Тиблен, 1864. - 790 с.; Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению. - Санкт-Петербург: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. - 333 с.; Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1-3. Права семейственные, наследственные и завещательные / 3 т.; 22. - Санкт-Петербург: Синод. тип. - 676 с.

²³³ Гамбаров Ю.С. Гражданское право / Соч. проф. Ю.С. Гамбарова. 1894-95 г. - Москва: лит. Рихтера, 1895. - 487 с.; Голевинский В. И. О происхождении и делении обязательств - Варшава: тип. О. Бергера, 1872. - 302 с.; Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву - Санкт-Петербург: Воен. тип., 1899. - 17 с.; Полетаев Н. А. Юридические сделки и психология - Санкт-Петербург: Амер. скоропеч., 1902. - 42 с.; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права - Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. - 328 с.; Цитович П. П. Курс вексельного права - Киев: тип. И.Н. Кушнерова и К^о, 1887. - 336 с.; Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права: Введ. Общ. часть. Особ. часть- Тула: Автограф, 2001. - 719 с.; Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть - Москва: Издательство Юрайт, 2025.- 148 с.; Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть - Москва: Издательство Юрайт, 2025.- 450 с.

²³⁴ Григоровский, С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное производство. Историко-юридические очерки. - Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911. - 342 с.; Красножен М. И. Старые и новые законы о разводе. По поводу издания проекта нового Гражданского уложения. - Юрьев: тип. В. Маттисена, 1904. - 40 с.; Максимов В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел / сост. В. Максимов. - Москва: Юрист, 1909. - 428 с.

Для характеристики влияния обычая на семейные отношения необходимо понимание данного института в правовом значении. Но понятие семьи «не имеет и не может иметь четкого и незыблемого содержания»²³⁵, это понятие сочетает в себе социологические и юридические черты и на протяжении российской истории не было законодательно очерчено. Как писал В. И. Синайский «в нашем праве понятие семьи лишено всякой определенности и ясности»²³⁶.

Поэтому, как правило, семейные отношения по своей сути подразделяют на несколько основных категорий, в отношении которых и осуществляется правовое регулирование²³⁷. Так, юридическое значение безусловно придается родственным отношениям, т.е. связям между членами семьи, основанные на родстве (родители, дети, братья, сестры и т.д.). Также особое место занимают признаваемые существующей правовой системой брачные отношения - партнерские связи, основанные на юридическом факте брачного союза. Партнерские отношения как неформальный союз партнеров без заключения брака, не характерны для российской истории и культуры.

Современное право особое значение придает взаимоотношениям между родителями и детьми, касающиеся воспитания, обучения и заботы о детях и родителях. В дореволюционном праве власть отца была беспрекословной. П.С. Ефименко так писал: «отец семейства – не только глава его, но и господин, повелитель в особенности к женскому полу»²³⁸.

Семейные отношения в России после крестьянской реформы 1861 года и до революции 1917 года претерпевали определенные изменения, обусловленные динамикой развития социально-экономических отношений и культурными

²³⁵ Семейное право: учебник /Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. / под редакцией П. В. Крашенинникова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. – С. 8.

²³⁶ Синайский, В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, Кафедра гражданского права юридического факультета. М.: Статут, 2002. - С. 483.

²³⁷ См., Константинова Ю. В. Понятие, особенности и виды семейных правоотношений// Вестник Московского университета МВД России - 2009. - № 9. – С. 133-136.

²³⁸ Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. – М.: ОГИ, 2009. - С. 66.

факторами, но в целом, были основаны на вековых традициях о семейных ценностях и о роли каждого члена семьи в общем хозяйстве.

Хотя традиционные патриархальные семьи продолжали существовать, однако в городах и среди новых социальных слоев (например, интеллигенции) начали формироваться более индивидуализированные модели семейной жизни. С ростом образовательного уровня и влияния женского движения, роль женщины в семье и обществе начала изменяться. Женщины стали более активно участвовать в общественной жизни, что способствовало изменению их положения и отношения к ним в семье, происходил постепенный переход от традиционного воспитания, основанного на трудовых навыках, к более современным формам образования. Эти перемены в переходный период между крепостным правом и российской революцией 1917 года приводили к пересмотру родственно-бытовых вопросов в целом в России, и крестьяне также получили возможность строить свою жизнь более свободно.

Так, в 1914 году в Елмановский волостной суд было подано ходатайство от крестьянок Анны Ермиловой и несовершеннолетней Анисьи (8 лет), обвинявших в покушении на изнасилование последней со стороны ее отца. Из-за угроз мать обратилась с просьбой выдать им годовые паспорта для выезда на заработки, мотивируя это угрозой жизни. Также в материалах дела упоминается сложное положение семьи, конфликты и попытки добиться справедливого разрешения спора, в том числе предоставления документов для выезда из деревни²³⁹.

Это дело показывает, насколько социально уязвимыми могли быть крестьянские женщины в семейной жизни. Оно также отражает практику волостного суда как органа, способного принимать не только правовые, но и превентивные меры (выдача паспортов), исходя из гуманитарных соображений и с целью обеспечения физической безопасности заявителей.

²³⁹ Приговор Елмановского волостного суда от 01 марта 1894// ЦГИА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-4.

Научно-технический прогресс и социальные перемены значительно влияли на семейные отношения. В первую очередь, урбанизация как следствие снятия крепостных связей приводила к увеличению городского населения и изменению семейных отношений. Семьи стали чаще разъединяться из-за миграции на работу, что влияло на традиционные семейные связи и отношения²⁴⁰. Постепенно ломались патриархальные устои, семейные ценности пересматривались, при «постепенной эмансипации женщин менялись взгляды на семью, супружество и развод»²⁴¹, что неизбежно отражалось и на жизни русской деревни. Например, Д. Д. Пашенцева отмечает, что «крестьянские обычаи не требовали от супругов совместной жизни так же строго, как законодатель»²⁴². Она также подчеркивает, что волостной суд допускал раздельное проживание супругов, санкционируя это на основе обычной нормы в интересах пострадавшей стороны.

В постреформенной России после отмены крепостного права в большинстве деревень продолжала доминировать большая, неразделенная семья, включающая не только супругов и детей, но и пожилых родителей, невесток, зятьев и младших братьев. Главой семьи обычно был старший мужчина - дед, отец или старший брат, наделенный как экономической, так и моральной властью.

В случае конфликта между главой семьи и любым его членом крестьянская мораль и традиции, как правило, вставали на сторону старшего мужчины, а вторая сторона рисковала быть обвиненной в непослушании, «разрушении мира» в доме. Но признание справедливости и соответствие правовых решений внутренним убеждениям общины становилось решающим фактором их легитимности, подтверждая, что право, не укорененное в народном правосознании, утрачивает силу и эффективность.

²⁴⁰ См., Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. - М.: 2006. – С. 36.

²⁴¹ Белослудцева В. В. «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в Пермской губернии в конце XIX - начале XX века // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 4(51). – С. 123.

²⁴² Пашенцева, Д.Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. – С. 93.

Так, например, жена сына всегда находилась в подчиненном положении. Она фактически входила в «чужую» семью и подчинялась свекру, свекрови и даже деверям. При этом ожидалось от нее безусловное повиновение, трудолюбие и молчаливая покорность. Дело, рассмотренное 8 января 1892 года Добрятинским волостным судом по жалобе крестьянина деревни Шабережки Ивана Ермолаева Обозова на его сноху - крестьянку Марью Васильеву, показывает начало трансформации внутрисемейных отношений, в которых у женщин появляются ограниченные, но реальные способы защиты²⁴³. Суть конфликта заключалась в семейной ссоре, произошедшей вечером 31 декабря 1891 года. По словам Обозова, между ним и Марьей Васильевой произошла ссора с руганью и укоризнами, после чего, как утверждал истец, Марья схватила нож и угрожала ему убийством. Испугавшись, он выбежал на улицу и звал на помощь, что якобы видели свидетели. На следующий день нож, предположительно использованный при угрозе, был найден.

Ответчица Марья Васильева объяснила волостному суду произошедшее иначе: она подверглась давлению со стороны свекра Ивана Обозова и деверя Павла Иванова. По ее словам, свекор угрожал ей побоями, и она, защищаясь словесно, сказала, что будет обороняться ножом или молотком, но в руки ничего не брала. Испугавшись, она выбежала из дома почти раздетой - в одной рубашке и без обуви - и ночевала в сторожке у старосты.

Свидетели, крестьяне Сергей Егоров и Иван Иванович, показали, что видели, как сначала Иван Обозов, а затем и Марья Васильева выбежали из дома и направились к дому старосты. Марья кричала «караул». Падчерица ответчицы, Прасковья Гаврилова, подтвердила, что ругань с дедом имела место, но ножа в руках у мачехи она не видела. Таким образом, свидетели подтвердили волостному суду наличие конфликта, но не угрозу убийством, а сам предмет (нож) не был найден у Марьи, а обнаружен позже отдельно.

²⁴³ Книга записи решений суда Добрятинского волостного суда за 1892 Московского уезда // ЦГА г. Москвы. Ф. 603, Оп. 1. Д. 1. Л. 1-16.

На основании собранных свидетельств и пояснений сторон, волостной суд постановил, что обвинение в угрозе убийством ножом не доказано. В связи с этим жалоба Обозова оставлена без удовлетворения, а дело закрыто ввиду отсутствия доказанного злого умысла со стороны ответчицы. Факт отсутствия примирения подчеркивает глубину семейного конфликта и потенциальный надлом в устоявшейся структуре большой крестьянской семьи. Рассмотренное решение можно назвать редким примером нейтрального и объективного подхода суда по отношению к снохе. Суд не признал вину женщины без надлежащих доказательств, хотя традиционное доверие к старшему мужчине как к главе семьи могло бы склонить чашу весов в иную сторону.

Подобное решение волостного суда свидетельствует о медленной, но последовательной трансформации традиционного крестьянского правосознания. Дело Обозова против Васильевой выступает примером рассмотрения семейного насилия и власти, одновременно отражая способ, которым крестьянское правосудие определяло границы допустимого поведения внутри семьи, сохраняя при этом основы традиционного уклада.

Волостная судебная практика убедительно показывает, что крестьянский обычай сохранял силу действенного регулятора общественных отношений и успешно противостоял формализму позитивного права. Материалы Ивановского волостного суда Богородского уезда отражают ситуацию, типичную для волостного судопроизводства конца XIX века: нормы писаного права здесь взаимодействовали с устойчивыми моделями крестьянского обычая, которые определяли содержание претензий сторон и формировали ожидания заявителя относительно действий местной власти. Так, дело крестьянина Ивана Алексеева Ковалкина 1871-1872 г. содержит комплекс жалоб на волостной суд и мирового посредника, которые, по его мнению, не обеспечили надлежащего разбирательства конфликта с его сыновьями - Порфирием и Петром. Последние, как утверждается, не только отказывались подчиняться отцовской власти, но и изгнали его из дома, а также совершили кражу имущества во время его отсутствия. Сам заявитель

подробно перечисляет похищенные вещи и указывает свидетелей, подтвердивших факт обнаружения имущества у односельчанина²⁴⁴.

Содержание жалобы свидетельствует о том, что Ковалкин апеллирует не только к нормам писаного уголовного или административного права, но и к традиционным представлениям о допустимом поведении детей по отношению к главе крестьянского хозяйства. В крестьянской среде сохранялось убеждение, что неповиновение детей, присвоение имущества отца и нарушение устоев должны разрешаться преимущественно на основе признания авторитета и хозяйственной власти домохозяина как первичный источник внутрисемейных прав и обязанностей. Позиция Ковалкина основана именно на этом представлении: кража детьми имущества рассматривается им как нарушение семейного порядка, восстановление которого, по мнению просителя, является обязанностью волостного суда. Его неудовлетворенность результатом обращения в волостной суд объясняется именно тем, что тот, руководствуясь предписаниями ст. 102 Положения 1861 г. наказал самого Ковалкина за словесное оскорбление односельчанина, не дав оценки действиям его сыновей. С точки зрения позитивного права суд действовал формально правильно, однако для просителя отказ в разбирательстве дела по сути противоречил закреплённому в обычном правосознании представлению о приоритетности защиты домохозяина как главы хозяйства.

Царицынский волостной суд также рассматривал жалобы родителей в двух разных случаях - отца Василия Федорова из дер. Хохловки²⁴⁵ и матери Матрены из дер. Шадровой на собственных сыновей, Максима Васильева и Дмитрия Филиппова соответственно²⁴⁶. Оба родителя обвиняли сыновей в отсутствии должного почтения и уважения. В результате судебного разбирательства по

²⁴⁴ Гражданское дело № 8086 Ивановского волостного суда Богородского уезда от 5 июня 1914 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 66. Оп. 1. Д. 7656. Л. 1-5.

²⁴⁵ Решение Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 31 августа 1864 г. в Книге для записей решений суда на 1864 год // ЦГА г. Москвы. Ф. 74, Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

²⁴⁶ Решение Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 11 сентября 1864 г. в Книге для записей решений суда на 1864 год // ЦГА г. Москвы. Ф. 74, Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

первому делу Максим Васильев был наказан десятью ударами розог, а по второму - Дмитрий Филиппов, по настоянию матери, восемнадцатью ударами розог. Таким образом, родительская жалоба на непочтение воспринималась как весомое основание для телесного наказания взрослого сына.

Весь этот комплекс документов, по нашему мнению, демонстрирует коллизию между формализованным порядком волостного судопроизводства и обычными представлениями крестьян о справедливости, в основе которых лежит патриархальная модель семейных отношений и приоритет авторитета домохозяина над формальными нормами.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в практике Рождественского волостного суда. В 1879 году крестьянин Матвей Федоров Шилкин из дер. Башкиной подал жалобу на невестку Алену Прокофьеву, которая, оставив четырех детей, ушла к отцу, Прокофию Григорьеву, и не возвращалась в дом мужа. Суд постановил выдворить Алену Прокофьеву обратно к мужу Ивану Матвееву, обеспечив тем самым выполнение семейных обязанностей²⁴⁷. В том же году крестьянка Федосья Иванова из дер. Мальковой обратилась в суд на мужа Ярманфа Панферова за невыдачу отпуска на получение документа, однако, учитывая обоюдное согласие сторон, жалоба была оставлена без удовлетворения²⁴⁸. Таким образом, суд активно вмешивался в регулирование семейных отношений и применял меры принуждения к нарушителям семейных устоев повседневной жизни крестьян.

В делах, связанных с невыполнением повинностей детьми волостной суд последовательно применял обычай отцовской власти и ответственности домохозяина за поведение членов семьи. Так, в одном случае суд (27 ноября 1878 г.) утвердил соглашение между отцом и сыном о поэтапной уплате податей²⁴⁹, а в

²⁴⁷ Гражданское дело № 18 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 19 августа 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 13.

²⁴⁸ Гражданское дело № 20 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 22 августа 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 49.

²⁴⁹ Гражданское дело № 47 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 27 ноября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 26.

другом (15 сентября 1879 г.) - подверг сына телесному наказанию за ослушание, нерадение к хозяйству и уклонение от исполнения публичных обязанностей («не радует о своем домашнем хозяйстве, скрывается из дома, и не слушается его приказаний и ничего не заботится об уплате следуемых с семейства его денежных повинностей»)²⁵⁰. Подобные решения отражают традиционное восприятие неповиновения отцу как правонарушения, затрагивающего интересы всей общины. В совокупности рассмотренные дела позволяют сделать вывод, что семейные обычаи в практике Рождественского волостного суда выполняли регулятивную функцию, направленную на сохранение хозяйственного единства семьи, подчинение младших старшим и обеспечение социально приемлемого баланса между личными интересами и коллективной стабильностью крестьянского быта.

Эти примеры достаточно ярко и наглядно отражают укорененную в традиционной крестьянской среде модель патриархальной семьи, в которой уважение к родителям рассматривалось как неотъемлемый моральный и правовой долг детей, независимо от их возраста и семейного положения. Нарушение принципа покорности сыновней расценивалось как общественно опасное поведение, подлежащее пресечению. Суды удовлетворяли жалобы на непослушание детей и выносили телесные наказания, что само по себе свидетельствует о глубокой укорененности обычая повиновения родителям в крестьянской среде. Родительская власть распространялась на детей даже после достижения ими зрелого возраста. Эта практика подтверждает устойчивость семейной иерархии и коллективной ответственности, остававшихся важнейшими крестьянскими ценностями на рубеже XIX и XX столетий.

При анализе крестьянской семьи принято выделять два ее типа: простую семью, включающую супругов с неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми, и сложную, объединяющую несколько поколений родственников, которые ведут общее хозяйство.

²⁵⁰ Гражданское дело № 25 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 15 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 53.

Опись имущества после смерти крестьянина Ивана Иванова Корягина из деревни Дурнихи (Бронницкий уезд, Чулковская волость), составленная в июне 1911 года, позволяет реконструировать состав и структуру крестьянской семьи простого типа начала XX века²⁵¹. Хозяйство включало как минимум семерых малолетних детей, чей возраст варьировался от четырнадцати лет до трех месяцев, а рождение происходило с регулярным интервалом приблизительно раз в два года. Такая картина свидетельствует о длительном браке, не прерванном ни мобилизациями, ни эпидемиями, ни отхожими промыслами.

Многодетность для русской крестьянской среды была нормой. Дети воспринимались и как будущие трудовые ресурсы хозяйства, и как своеобразное страхование на случай бедствий. Раздела семьи, по всей видимости, не происходило: имущество зафиксировано как принадлежащее наследникам совместно, что обычно для ситуаций, когда среди них нет совершеннолетних.

Опись имущества составили спустя месяц после смерти Ивана Иванова, что указывает на значимость документального закрепления имущественных отношений даже среди крестьян. Крестьянство постепенно входило в правовое поле Российской империи: фиксировались права малолетних, учитывалась принадлежащая им собственность. Однако вдова в описи не упомянута. Возможно, это отражает ограниченную правовую субъектность женщины в крестьянской семье, особенно если речь идет о вдове с малолетними детьми, которая без мужчины нередко оказывалась в материальной зависимости от родственников или общины.

Семья Ивана Иванова Корягина представляла собой типичную для начала XX века крестьянскую патриархальную многодетную семью, где смерть главы могла поставить под угрозу существование всех ее членов, прежде всего детей. Такая структура семьи была опорной единицей русской деревни в условиях социальной трансформации, которая нарастала накануне революции 1905 и 1917 годов.

²⁵¹ Гражданское дело № 58 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 21 июля 1917 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 74, Оп. 1. Д. 81. Л. 2-3.

Семья считалась сложной, если в ее состав включались лица, не принадлежащие к прямому кровному родству - такие как невестка, зять или приемыш, под которым обычно понимался жених дочери, принятой в дом для ведения хозяйства; подобная практика, особенно характерная для вдовьих или ослабленных хозяйств, влекла за собой не только бытовые, но и юридические последствия, меняя структуру семьи и порождая новые правовые отношения, регулируемые нормами обычного права²⁵².

Все изменения, связанные с превращением простой семьи в сложную и наоборот, сопровождались выделом взрослых детей в самостоятельную семью или появлением нового члена семьи, когда возникали новые юридические отношения, определяемые законом или местным обычаем. Увеличение количества разделившихся семей заставило правительство принять соответствующий закон 1886 г.²⁵³. Но в отношении крестьянства Закон 1886 г. установил, что для семейного раздела (выделения взрослых детей) требовалось согласие главы семьи и решение сельского схода, принятое квалифицированным большинством в 2/3 голосов²⁵⁴.

Правоприменительная практика это подтверждает, 19 августа 1896 года на сельском сходе деревни Ближней Хохловки братья Петр и Федор Макаровы Мазжорины, совместно проживавшие и ведущие одно хозяйство, выразили желание разделить между собой общее наследственное имущество и основать два отдельных домохозяйства²⁵⁵.

Раздел был детально оформлен с согласия более двух третей сельского общества, что придавало ему юридическую силу. В соответствии с условиями раздела, Петр остался на прежнем дворовом месте и получил каменный нижний

²⁵² См., Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. №№ 17 – 24. - № 17. - С. 781.

²⁵³ Мнение Государственного Совета от 18 марта 1886 г. «О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирской полевой землей» // ПСЗРИ. - Собр. 3. - Т. 6. - Ст. 3578.

²⁵⁴ Беспалов В. В. Основы истории государственного и военного управления России (с древнейших времен до 2-й Русской революции 1917 года). – Москва: Издательство Современного гуманитарного университета, 2012. – С. 148.

²⁵⁵ Гражданское дело № 17 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 22 августа 1896 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.63. Л. 1-6.

этаж дома, сени, нижнюю пристройку, лестницу, двор с конюшней. Федор получил верхний деревянный этаж с холодной пристройкой, крышу, сарай с погребом и обязался перенести эти постройки на новый участок, специально выделенный ему из общественной усадебной земли. Также были подробно распределены садовые участки, инвентарь (телеги, сохи, бороны, утварь и т.д.), плодовые деревья и кустарники, долги за прошлые годы и текущие повинности. Ввиду отсутствия домашнего скота, он не делился, но за лошадь из конюшни Петр выплатил брату 30 рублей. Сельское общество признало разумность и законность раздела и утвердило выдел нового домохозяйства Федора на новом участке земли.

Распределение имущества между братьями Мазжориными показывает, как в крестьянской среде конца XIX века переход от большой патриархальной семьи (с несколькими взрослыми поколениями в одном хозяйстве) к отдельным домохозяйствам сопровождался тщательным согласованием с сельским обществом. Уважение к праву старшего брата, Петра, на согласование условий, а также формальное и мирное урегулирование имущественных вопросов указывает на то, что в крестьянской культуре семейная автономия воспринималась как естественный этап взросления и становления личности.

Этот случай иллюстрирует также устойчивость коллективистской модели, в которой любые перемены происходили публично, с учетом мнения всей общины. Сам факт детальной регламентации распределения даже деревьев и кустов подчеркивает значимость собственности в повседневной жизни крестьян, а участие сельского схода в передаче земли под новое домохозяйство - глубоко укорененную традицию общинного контроля над семейными структурами.

В начале XX века в правительственных кругах усилилось мнение о том, что крестьянская община препятствует экономической модернизации страны. Одним из сторонников такого мнения был министр финансов С. Ю. Витте²⁵⁶. В связи с этим в 1906 году были изданы указы, упразднившие прежние ограничения на

²⁵⁶ См., Карпачев М. Д. Крестьянский консерватизм и аграрные реформы в России в начале XX века // Вестник ВГУ. Серия: история. Политология. Социология. - 2023 - № 2. – С. 5.

семейные разделы и допустившие выход из общины с возможностью раздела имущества по соглашению сторон либо через суд, без участия сельского схода в обществах с подворным землевладением²⁵⁷. Эти указы сыграли ключевую роль в ослаблении контроля крестьянской общины над внутренними семейными отношениями, предоставив крестьянам возможность самостоятельно регулировать семейные разделы, тем самым способствуя индивидуализации землевладения.

Несмотря на разрушение общинных форм хозяйства, в большинстве деревень эти акты воспринимались настороженно или с открытым сопротивлением, так как крестьяне опасались потери социальной поддержки, перераспределения земли и усиления имущественного неравенства, а также разрушения устоявшихся семейно-родственных порядков, закрепленных обычаями.

Тем не менее семейные разделы существовали повсеместно, причинами которых становились стесненные жилищные условия, большое количество домочадцев и, как следствие, конфликты. П.С. Ефименко также обозначал как основную причину разделов имущества «стародавний наследственный обычай: жить независимо, в силу которого, отделяясь особняком, всякий больше и охотнее радеет о своем хозяйстве»²⁵⁸.

Раздельное проживание супругов из крестьянского сословия в России XIX века было достаточно сложным и неоднозначным вопросом, который требовал принципиальных решений со стороны властей. На государственном уровне данный вопрос обсуждался неоднократно, но раздельное проживание требовало официального разрешения в силу традиции нерушимости брачных уз, освещенных церковью. Разводы в принципе в тот период времени «как средство решения внутрисемейных конфликтов не приветствовались»²⁵⁹. Как отмечают

²⁵⁷ Указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний»// ПСЗРИ. - Собр. 3. - Т. 26. - № 28392; Указ 11 ноября 1906 г. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования: // ПСЗРИ. - Собр. 3. - Т. 26. - № 28528.

²⁵⁸ Ефименко П. С. Народные юридические обычаи ... 2009. - С. 65.

²⁵⁹ Ванюшина О.В. Раздельная жизнь супругов не дает им права возбуждать иск о расторжении брака...»: разводы в России в конце XIX – начале XX веков (по материалам Тверской губернии)//

исследователи, процентное соотношение расторгнутых браков в расчете на 1000 чел. населения было крайне незначительным: в 1867–1886 гг. - 0,0014, в 1905–1913 гг. – 0,029²⁶⁰.

Кроме того, сельская семья воспринималась и как способ выживания рода путем соединения хозяйств и рабочих рук при заключении брака как имущественная сделка, двусторонний договор, где невеста выступала предметом²⁶¹. Обращает на себя внимание и факт того, что до заключения брака существовал обычай сватовства, при котором заключалось «предбрачное соглашение»²⁶² как чисто имущественная сделка, при которой обсуждались имущественные вклады как со стороны невесты, так и жениха. Поэтому, при невыполнении условий таких соглашений могли также возникать имущественные споры, связанные с вызванными впоследствии убытками, например, при отказе невесты в последующем заключении брака при понесенных женихом затратах на сватовство.

Обычно-правовые нормы не предусматривали каких-либо штрафов или неустоек в таких случаях, волостной суд мог также распределить ответственность между сторонами в случае отсутствия четких доказательств со стороны истца. Такой подход основывался на принципах крестьянской справедливости, чтобы никто не чувствовал себя обиженным, а стороны, по сути, были равны перед судом. Таким образом, в крестьянской среде возмещение расходов, связанных с отказом одной из сторон от брака, рассматривалось как компенсация ущерба, причиненного чужому имуществу. В таких случаях выражаясь современной терминологией возникало внедоговорное обязательство, связанное с причинением вреда, которое

Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». -2024. - Том 34. - № 1. – С. 88.

²⁶⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. - СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2000. - Т. 1. – С. 176.

²⁶¹ См., Ефименко П. С. Народные юридические обычаи ... С. 40; Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному – С.-Пб: Тип. А. Е. Ландау, 1879. – С. 285.

²⁶² Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... кандидата юридических наук – Казань, 2023. – С. 120.

разрешалось не на основе законов, а по принципам справедливости. Законом в принципе не была предусмотрена подобная неустойка и «убытки, ставшие следствием невыполнения условий последних, не вознаграждались»²⁶³.

В 1884 году Министру юстиции было предписано разработать проект условий и порядка, при которых можно было бы разрешить одному из супругов проживание отдельно от другого без прекращения брака. Такой проект появился только в 1897 г., когда и был внесен на утверждение Государственного Совета²⁶⁴. Это говорит о том, что законодательная база в данной области оставалась неопределенной, и многие вопросы решались на уровне формирования неформальных правил. В данном проекте фактически фиксировался уже сложившийся обычай раздельного проживания, требующий лишь формального одобрения. Но Государственный Совет отклонил этот проект²⁶⁵ из-за отрицательного отзыва К. П. Победоносцева (обер-прокурора Синода)²⁶⁶.

В июне 1910 г. в Государственную Думу 73 депутата внесли еще раз предложение о раздельном проживании, и Дума даже признала проект желательным, но дальнейшего движения он не получил. И по-прежнему различные административные учреждения, которые на протяжении времени занимались вопросами раздельного проживания, продолжали выносить свои решения, основываясь на сложившейся обычной практике.

Споры, вытекающие из раздельного проживания, также рассматривались судами разного уровня - мировыми, окружными, волостными. Примечательно, что и после крестьянской реформы 1861 года в практике волостных судов нередко применялись ссылки на правила, составленные для государственных крестьян в

²⁶³ См.: Оршанский И. Г. О значении и пределах свободы воли в праве // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1873. Книга 5 (сентябрь). С. 1 – 51; Книга 6 (ноябрь). С. 1 – 24.

²⁶⁴ Правила о разрешении раздельного жительства супругов: проект / председатель ред. комиссии: Н. Стояновский. - С.-Петербург: Государственная типография, 1898. - 8 с.

²⁶⁵ Материалы по проекту правил о разрешении раздельного жительства супругов [Дело]: 26 ноября 1898 г. - 3 сентября 1903 г. - 1898-1903. -203 л. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел Государственного секретаря. 1898 г. Д. 15. Л. 1-4.

²⁶⁶ О раздельном жительстве супругов. 10 мая 1910 г. // Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 3-я. Приложения к стенографическим отчетам. - СПб., 1910. - Т. 2. - № 416. – С. 141.

1839 г. - Сельский судебный устав²⁶⁷. Сельские сходы (заменившие мирские сходы) имели исключительное право разрешать раздельное проживание, в нарушение данного правила семья должна была быть принудительно воссоединена, а нарушитель мог получить от волостного суда штраф за самоволие²⁶⁸.

Государственные судебные учреждения были связаны нормой о запрете раздельного проживания супругов, но что касается волостных судов, то они имели большую степень свободы в принятии решений по вопросам раздельного проживания (ст. 103 тома X Свода законов Российской Империи²⁶⁹). Они могли как распоряжаться о принудительном приводе жены в дом к мужу, так и разводить супругов, осуществляя раздел имущества. Эта вариативность решений зависела от конкретных обстоятельств и усмотрения судьи²⁷⁰. Например, М. А. Соснина описывает такой случай, когда по жалобе Шехурина на свою жену волостной суд, сославшись на данную ст. 103 постановил принудительно вернуть жену из дома отца в дом мужа «обязав при этом быть ему покорной»²⁷¹.

Таким образом, правила раздельного проживания супругов из крестьянского сословия были более гибкими и зависели от множества факторов: от сложившейся практики административных учреждений до усмотрения судей, а отсутствие четких законодательных норм создавало пространство для различных

²⁶⁷ Сельский судебный устав для государственных крестьян: Устав от 23 марта 1839 г. // Устав Сельский Судебный: Руководство для крестьян: Сб. действующих узаконений, касающихся обществ. их упр. и обязанностей сел. и волост. должност. лиц и ниж. чинов уезд. Полиции. - Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. – С. 156-176.

²⁶⁸ Соснина М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в брачно-семейных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX - начала XX) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. - № 1. - С 199.

²⁶⁹ Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. - [Электронный ресурс]. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (дата обращения 12.10.2024).

²⁷⁰ См., Гессен И. В. Раздельное жительство супругов: Закон 12 марта 1914 г. о некоторых изм. и доп. действующих узаконений о личн. и имуществ. правах замуж. женщин и об отношениях супругов между собою и к детям и др. законоположения с законодат. мотивами и разъяснениями, извлеч. из Проекта Ред. комис. ... со вступ. очерком и алф. предм. указ. С.-Пб, 1914. С. 3 – 6.

²⁷¹ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук – Казань, 2023. – С. 130.

интерпретаций, что приводило к весьма индивидуализированным практическим решениям волостных судов.

Судьи-крестьяне весьма неохотно признавали раздельное проживание, которое подрывало вековые устои крестьянского быта, когда в доме должны были быть и хозяин, и хозяйка. В результате разделение супругов в практике крестьянского судопроизводства не было общепринятым, за исключением случаев явного рукоприкладства или иных очень весомых обстоятельств.

Крестьянские жены при выдвижении требований о раздельном проживании предъявляли к своим мужьям претензии и имущественного характера, которые могли быть удовлетворены, если волостные судьи имели доказательства пьянства либо непорядочного образа жизни супруга. Суды даже могли устанавливать опеку над расточителем или передавать управление хозяйством женщинам²⁷². Значительную роль в этих судебных разбирательствах играла община, включая показания соседей и свидетельства должностных лиц, таких как сельские старосты и волостные старшины.

О выделении могли ходатайствовать и другие члены семьи. Так, 13 июня 1913 года крестьянин села Борисово Андрей Федорович Головешин подал в Царицынский волостной суд жалобу с требованием отделения от семьи своего отца - Федора Гаврилова Головешина. Суд принял жалобу к рассмотрению и назначил заседание. До судебного разбирательства, 16 июня, на сельском сходе в присутствии 103 домохозяев (из 174 имеющих право голоса), отец и сын совместно заявили о желании произвести раздел движимого и недвижимого имущества. Крестьяне селения Борисово, посоветовавшись, разрешили такой раздел, не усмотрев препятствий для ведения отдельного хозяйства²⁷³.

Дело Головешиных отражает устоявшийся обычный порядок семейного раздела, где воля членов семьи, особенно при согласии обеих сторон,

²⁷² Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. – URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/33/page_34.html (дата обращения: 01.02.2025).

²⁷³ Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда 16 июня 1913 № 252 // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.89. Л. 1-3.

подтверждалась решением сельского схода. Раздел рассматривался не как конфликт, а как естественный и законный шаг в процессе взросления и хозяйственного обособления младшего поколения.

Материалы дела Ягунинского волостного суда 1914 г. о разделе имущества между крестьянкой Натальей Ивановой Шершаковой и Федором Федоровым Шершаковым (приемным зятем) представляют собой показательную иллюстрацию того, как в начале XX века крестьянские общины продолжали руководствоваться устойчивыми принципами общности домовладения. Формальное производство, инициированное постановлением волостного суда о составлении описи имущества, сопровождалось активным участием старосты и понятых, что отражало не характерный для крестьянского процесса синтез законодательно предписанных действий и традиционных форм легитимации доказательств. Произведенная 12 августа опись имущества включала хозяйственные постройки и принадлежавшие сторонам строения, но ее значение выходило за рамки простой технической фиксации: такая опись служила основанием для последующего общинного решения о правах сторон, то есть для традиционного определения степени участия каждого домохозяина в общем хозяйстве. Оба решения – «приговоры» от 30 и 31 августа 1914 г. отражают прием в семью, порядок наследования в крестьянской среде, а также право на земельный надел, не совпадающее с формальными категориями русского гражданского законодательства²⁷⁴.

В первом приговоре суд признает за Натальей право произвести семейный и имущественный раздел с Федором. Основанием служит обычай, закрепленный в практике многих волостей: если после смерти мужа в хозяйстве фактически проживает лицо, «принятое» покойным в семью, то все внутрисемейные имущественные отношения разрешаются не только по закону, но и «по прежнему заведенному порядку»²⁷⁵, т.е. с учетом норм обычного права и общинного признания членства такого лица. Второй приговор свидетельствует, что Федор

²⁷⁴ Гражданское дело Ягунинского волостного суда Звенигородского уезда от 30, 31 августа 1914 г.// ЦГИА г. Москвы. Ф. 749. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-15.

²⁷⁵ Там же. Л.14.

Шершаков двадцать девять лет назад получил земельный надел на свое имя и все время использовался им лично, уплачивая повинности. Из этого следует, что его право на земельный участок основывается не только на формальной записи, но и на длительном, непрерывном пользовании, подтвержденном сходом. Соответственно, Наталья Шершакова, хотя и является вдовой прежнего владельца хозяйства, не может претендовать на надел, поскольку она «не пользовалась землей, повинностей не платила»²⁷⁶, а значит, с точки зрения обычного права, не участвовала в поддержании хозяйства и общинных обязанностях. Здесь проявляется устойчивость нормы: земельное право крестьян определяется не только принадлежностью к семье, но, прежде всего, фактическим участием в труде и несением повинностей, что и отличает крестьянский обычай от кодифицированного наследственного права.

Спор, рассмотренный Велинским волостным судом в 1908 г. по заявлению крестьянина села Маркова Ивана Алексеева Кузнецова представляет собой другой характерный пример применения крестьянского обычного права при разрешении внутрисемейных имущественных конфликтов. Проситель в июне 1908 г. обратился в волостной суд с устным заявлением о необходимости произвести семейный раздел с сыном Никитой, мотивируя требование тем, что последний «в семье озорничает, отца пугает, не слушает и ничего в семью не подает». В соответствии с крестьянским обычно-правовым порядком, подобные конфликты первоначально выносились на сельский сход: 9 июля 1908 г. общество селения Маркова, руководствуясь ст. 62 Положения 1861 г., вынесло приговор, разрешив И. Кузнецову осуществить семейный раздел²⁷⁷.

Такой порядок отражает устойчивый обычай: выдел совершеннолетнего сына из семьи возможен лишь с согласия общества, поскольку вопрос затрагивает надельную землю, распределяемую общиной. Сход выступал гарантом того, что

²⁷⁶ Гражданское дело Ягунинского волостного суда Звенигородского уезда от 30, 31 августа 1914 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 749. Оп. 1. Д. 31. Л. 14.

²⁷⁷ Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 3 августа 1908 года // ЦГАМО. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-5.

раздел будет соответствовать нормам землепользования и не нарушит баланса наделов. Согласно той же практике, при выделе сын получал «душевую» долю земли и посевной материал, что соответствовало минимуму, обеспечивавшему самостоятельное хозяйственное существование. При рассмотрении дела волостным судом стороны изложили свои позиции: истец настаивал на выделе и готов был предоставить сыну землю «на одну душу» и посевной запас (4 меры ржи, 3 мешка картофеля), но отказывал в предоставлении части усадебного двора. Ответчик Никита Кузнецов согласился на выдел, однако требовал не только наделную землю и посев, но и усадебное место «на том месте, где живет отец». 3 августа 1908 г. волостной суду удовлетворил требование отца, определив «сына его Никиту Кузнецова от него выделить. 4 меры ржи и три мешка картофеля должен сыну выдать, а от усадьбы Никите Кузнецову отказать и наделить одной душой земляного надела»²⁷⁸. Дело показывает действие обычаев семейно-имущественного устройства крестьянского общества, когда выдел сына возможен только с разрешением сельского схода. Усадебное место делению не подлежит без особого решения общества, поскольку связано с правовым статусом двора.

Одним из распространенных явлений в крестьянской среде, в том числе в Московской губернии, было принятие зятя в дом тестя на правах сына вместо общего правила перехода дочери в дом мужа. Такая практика возникала при отсутствии мужчин в семье и необходимости присмотра за пожилыми родителями. Зять по данному обычаю вступал в хозяйство и жил с семьей жены, трудился и за это обретал права на имущество²⁷⁹.

Пример из практики волостного суда от 1909 года позволяет проследить значимость института усыновления в контексте наследственных прав в крестьянской среде. Крестьянка Аграфена Воронова, заявляя об отсутствии других наследников помимо своей дочери Александры, претендовала на имущество умершего мужа от имени дочери. Вдова также указывала на то, что первоначально

²⁷⁸ Там же. Л.4.

²⁷⁹ См., Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Записки Императорского русского географического общества / Под ред. С. В. Пахмана. С.-Пб, 1900. Т. 18. – С. 205-209.

имела намерение усыновить своего зятя - Ивана Продувалова, вдовца умершей дочери, и даже обращалась по этому делу к сельскому сходу. Однако, зять так и не был юридически признан усыновленным и остался проживать в доме своего отца²⁸⁰.

Данное дело подчеркивает, что в традиционном крестьянском сообществе усыновление взрослого зятя рассматривалось как возможный способ закрепления его прав на имущество тестя при отсутствии прямых наследников. Однако отсутствие завершенной процедуры усыновления лишало родителей жены каких-либо наследственных прав в отношении его имущества, что указывает на устойчивость юридических формальностей даже в условиях действия обычного права.

В сходном деле Чулковского волостного правления 1915–1917 гг. инициатива усыновления исходила от крестьянина села Еганова Чулковской волости Федора Павловича Степанова, который, не имея собственных сыновей, заявил о намерении усыновить своего зятя - мещанина Александра Николаевича Купцова - вместе с его женой и детьми²⁸¹.

С точки зрения обычного права, усыновление рассматривалось, прежде всего, как средство сохранения хозяйства и двора; обеспечения ухода за престарелыми усыновителями; включения нового члена в сельское общество с правом пользования землей и участия в повинностях²⁸². Характерно, что решающим элементом признания усыновления являлось согласие всех заинтересованных сторон, что полностью соответствует крестьянскому правосознанию. В материалах дела, например, зафиксированы как согласие самого усыновляемого - Александра Купцова (5 июня 1915 г.), согласие его родителей – Елизаветы (5 июля 1915 г.) и Николая Купцовых (3 ноября 1914 г.) и, включая отказ

²⁸⁰ Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 26 ноября 1909 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.63. Л. 1-4.

²⁸¹ Материалы дела № 860 Чулковского волостного правления Бронницкого уезда (16 июня 1915 г. – 31 января 1917 г.) // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.183. Л. 1-16.

²⁸² Канторович, Я. А. Законы об узаконении и усыновлении детей с объяснениями, извлеченными из мотивов закона 12 марта 1891 г., и с разъяснениями по определениям Правительствующего сената / Сост. Я.А. Канторович. - Санкт-Петербург: Я.А. Канторович, 1899. – С. 37.

от притязаний на имущество: «Чтобы сын Александр по усыновлению к моему имуществу не касался»²⁸³, так и согласие супруги усыновляемого и включение детей в будущую семью, а также уведомление и отсутствие возражений со стороны крестьянского общества села Еганова, о чем составлен специальный протокол волостного старшины в январе 1917 г.

Соответственно, обычай усыновления зятя реализовывался как коллективно одобряемый акт сложившегося семейно-хозяйственного решения. Одновременно с этим обычай был приведен в соответствие с требованиями законодательства: представлены метрические выписи, семейные списки, увольнительное свидетельство из мещанского общества (28 августа 1916 г.), а также соблюдено установленное законом условие о возрасте согласия – с 14 лет (ст. 145 тома X Свода законов Российской Империи²⁸⁴). Итогом стало вынесение акта Чулковского волостного правления от 29 января 1917 г., утвержденного Московской казенной палатой 7 февраля 1917 г., с последующим причислением Купцова с семьей к крестьянскому обществу села Еганова и исключением его из мещанского сословия.

В другом деле, Федор Садов, зять крестьянки Аграфены Вороновой, обратился в 1911 году в Царицынский волостной суд с иском о признании за ним права на половину имущества тещи. Он ссылаясь на «любовную расписку» от 6 января 1900 года, в которой Воронова и ее муж при жизни передали Садову и их дочери Пелагее (его жене) половину дома, усадьбы, сада и общего имущества при условии содержания пожилых родителей. Однако за пять лет до подачи иска Садов покинул дом и не заявлял о своих правах. Тем временем Воронова усыновила другого зятя - Ивана Продувалова, который продолжал вести хозяйство и ухаживать за ней. Суд, выслушав стороны и проверив документы, отказал Садову

²⁸³ Материалы дела № 860 Чулковского волостного правления Бронницкого уезда (16 июня 1915 г. – 31 января 1917 г.) // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.183. Л. 5-7.

²⁸⁴ Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. - [Электронный ресурс]. – URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (дата обращения 12.10.2024).

в иске, указав на истечение срока по «земской давности» и отсутствие притязаний со стороны истца ранее²⁸⁵.

Этот случай иллюстрирует, как крестьянская правовая практика опиралась на сочетание моральных обязательств, обычая и формальных правовых норм. Передача имущества по «любовной расписке»²⁸⁶ предполагала не только владение, но и исполнение семейных обязанностей по уходу за родителями. Садов покинул дом, не исполнив семейных обязанностей, и долгие годы не давал о себе знать – это стало основанием для утраты им имущественных прав. Суд применил норму о давности, которая отражала крестьянское понимание справедливости: тот, кто не заботится о близких и годами не заявляет притязаний, лишается оснований для них. Дело наглядно демонстрирует, что в системе крестьянского обычного права имущественные права закреплялись за теми, кто поддерживал фактические семейные связи и выполнял связанные с ними обязательства.

Обычай сохранял имущественные притязания за отсутствующим членом семьи, но домочадцы могли обратиться в суд, если привычный порядок пользования имуществом нарушался или кто-либо уклонялся от семейных обязанностей. Дело, рассмотренное Чулковским волостным судом Бронницкого уезда 22 июня 1915 года, иллюстрирует эту практику: крестьянка Мавра Лучинина вместе с сыном Михаилом, жившие в Московской слободе, подали жалобу на родственника Ивана Егорова Лучинина, который проживал отдельно в Москве. Содержание жалобы указывает на внутрисемейный конфликт, предположительно связанный с отделением от семьи²⁸⁷. Итоговое решение в архиве не представлено. Но можно отметить тот факт, что разбирательство инициировано в форме словесной жалобы, что соответствует устойчивому обычаю крестьянского судопроизводства, допускавшему обращение в волостной суд без письменного искового заявления, особенно со стороны женщин и неграмотных лиц.

²⁸⁵ Гражданское дело № 10 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 27 января 1911 // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 64. Л. 1-5.

²⁸⁶ Там же. Л.4.

²⁸⁷ Гражданское дело Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 22 июня 1915 г. // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.194. Л. 1-3.

Существенный пласт материалов Книги регистрации решений Рождественского волостного суда за 1878–1879 гг. составляют семейные дела, в которых волостная юстиция последовательно применяла нормы крестьянского обычного права, регулирующие внутрисемейные имущественные, обязательственные и властно-иерархические отношения²⁸⁸. Характерным является дело по жалобе крестьянина д. Мальковой Тимофея Григорьева на отца Григория Тарасова, связанное с самовольным залогом посеянной ржи²⁸⁹. Суд не стал формально признавать неправомерность действий отца, а 13 августа 1878 г. утвердил достигнутое сторонами соглашение, возложив на сына обязанность выкупить заложенное имущество, исполнять все мирские повинности и обеспечивать отца хлебом и проживанием. Тем самым был реализован обычай семейной солидарной ответственности и приоритет сохранения целостности хозяйства над индивидуальными имущественными притязаниями.

Аналогичный обычай семейного содержания престарелых родственников проявился в деле по жалобе крестьянина д. Слизневой Деметрия Ларионова на внука Семена Антонова 1878 г.²⁹⁰. Суд, исходя из добровольного согласия сторон, обязал внука выдать деду две четверти ржи, тем самым подтвердив обычай, согласно которому обязанность прокорма старших членов семьи сохраняется независимо от формального раздела имущества и оправдывается самим фактом родства и совместного хозяйственного прошлого.

В деле по жалобе крестьянки д. Башкиной Аксиньи Дмитриевой на пасынка Василия Михайлова (10 сентября 1878 г.) волостной суд применил обычай содержания вдовы после раздела имущества²⁹¹. Несмотря на произведенный ранее имущественный передел, пасынок был обязан обеспечить мачеху хлебом,

²⁸⁸ Книга регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда (14 марта 1878 года - 22 декабря 1879 года) // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп.1. Д.1. Л. 1-164.

²⁸⁹ Гражданское дело № 27 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 13 августа 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. С. 13.

²⁹⁰ Гражданское дело № 32 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 13 августа 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 15.

²⁹¹ Гражданское дело № 36 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 10 сентября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 18.

картофелем и одеждой, поскольку она продолжала трудиться в его хозяйстве. Это решение подчеркивает, что трудовое участие женщины в семье порождало для домохозяина устойчивое обязательство содержания, выходящее за рамки формального наследственного распределения.

Особый интерес представляет дело по жалобе крестьянки Авдотьи Антоновой на невестку Наталью Леонтьеву, в котором суд защитил обычай уважения имущественной автономии старшего поколения (решение от 23 сентября 1878 г.)²⁹². Самовольное разрушение ткацкого стана было квалифицировано как недопустимое самоуправство, а невестка не только обязана была восстановить причиненный ущерб, но и подвергнута денежному штрафу в пользу свекрови. Тем самым суд подтвердил обычай неприкосновенности личного хозяйственного инвентаря внутри расширенной семьи.

В другом примере по делу крестьянки Акулины Макаровой Трухачевой, рассмотренном Игнатьевским волостным судом 1902 года, также проиллюстрировано функционирование семейно-имущественных отношений в рамках договора («условие» от 6 сентября 1878 года). Согласно представленному документу, Акулина при выдаче дочери Домны Анисимовой замуж за Никиту Кузьмина уступила молодоженам «половинную часть» имущества, включая дом, двор, хозяйственные постройки, скот и крестьянское обзаведение. При этом договор содержал ключевое условие, отражающее характерный крестьянский обычай: дочь и зять обязаны родителей «покоить и кормить как сыну родному во всем оказывать им почтение и уважение и проживая вместе», то есть обеспечивая совместное проживание и пожизненное содержание, а после смерти – христианское погребение. В обмен на это супругам передавалась будущая наследственная масса, причем прямо оговаривалось, что ни один из родственников Трухачевых не вправе вмешиваться в распоряжение переданным имуществом²⁹³.

²⁹² Гражданское дело № 38 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 23 сентября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 20.

²⁹³ Гражданское дело № 309 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 26 ноября 1902 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.74. Л. 1-7.

Обращение Акулины Трухачевой от 9 ноября 1902 г. к земскому начальнику свидетельствует о нарушении этих обычных норм: зять и дочь стали препятствовать ей в пользовании домом и имуществом, не предоставляли надлежащей части жилой площади и претендовали на распоряжение земельным наделом на две души, который по общинной раскладке числился за ней и напрямую не входил в условия договора 1878 года. Истицей было заявлено требование выделить ей «исключительное пользование» одной комнаты, сохранить право совместного пользования печью и запретить ответчикам распоряжаться надельной землей и доходами с нее.

Полагаем, что этот случай показывает действие фундаментального института крестьянского обычая – «кормления» и пожизненного содержания родителей в рамках традиционной семьи при передаче части имущества молодому хозяину. Передача половины дворового имущества в 1878 году выступала не отчуждением в юридическом смысле, а обменом: родители уступали часть имущества, а молодые брали на себя обязательство содержания престарелых родителей. Нарушение этой взаимной модели порождало спор, подлежащий рассмотрению волостным судом, который обязан был защитить право престарелой хозяйки на проживание, участие в пользовании общим имуществом и сохранение надельного участка, закрепленного за ней общиной.

Анализ решений волостных судов Московской губернии показывает, что правовой обычай сохранял высокую жизнеспособность как самостоятельный и авторитетный источник регулирования семейных отношений в крестьянской среде конца XIX – начала XX века. Общегосударственные нормы права существовали, однако поведение сторон в семье, структуру домохозяйства, порядок наследования и раздел имущества, внутрисемейные отношения и вопросы брака в крестьянской общине определял именно обычай.

В дореволюционный период обычай поддерживал равновесие между формальной правовой процедурой и крестьянскими представлениями о справедливости, нравственности и порядке. Патриархальная и коллективистская модель семьи сохранялась благодаря этому балансу, позволяя выживать в суровых

условиях. Волостные суды, действовавшие в рамках привычных для деревни норм, рассматривали обычаи как легитимную основу для вынесения решений. Суды Московской губернии принимали во внимание трудовую роль зятя-приемыша, обязанность уважать родителей, стремились предотвратить распад семьи, однако параллельно фиксировали появление новых реалий: запросы на защиту прав женщин, раздел имущества, признание самостоятельных домохозяйств при семейных разделах.

Таким образом, практика волостных судов Московской губернии демонстрирует гибкость правоприменения и дифференцированный подход к разрешению споров, выходящий далеко за рамки простой ретрансляции архаичных традиций. Суды опирались на традиционные консервативные ценности крестьянской общины, но адаптировали методику рассмотрения семейных конфликтов сообразно меняющейся социально-экономической обстановке в стране. Экономические перемены, развитие отходничества, рост грамотности населения и неизбежное влияние столичных правовых институтов постепенно трансформировали привычные модели взаимодействия внутри деревни. Изученные архивные материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что обычное право в условиях пореформенной правовой трансформации не просто функционировало параллельно с позитивным правом, а вступало с ним в активный конвергентный синтез.

Первым значимым аспектом выявленной специфики является проникновение в волостную юстицию принципов объективного процессуального доказывания, не свойственных патриархальному укладу. Отказываясь от безусловной презумпции правоты главы семьи «большака», волостные суды начали требовать материального подтверждения вины, вынося оправдательные решения в отношении младших членов семьи при недостатке улик, что напрямую способствовало защите личности внутри двора (например, в деле Добрятинского волостного суда 1892 года об оправдании снохи Марьи Васильевой по жалобе ее свекра).

Вторым фундаментальным отличием практики Московской губернии стало использование судами норм позитивного права для квалификации внутрисемейных

конфликтов. В ситуациях, когда обычай требовал жесткого восстановления отцовской власти, суды отдавали приоритет формальным требованиям позитивного права, применяя санкции за административные проступки в соответствии со статьей 102 Общего положения о крестьянах 1861 года, фактически игнорируя нормы патриархального повиновения в угоду букве закона (как в деле Ивановского волостного суда 1871-1872 гг., где вместо защиты И. Ковалкина от произвола сыновей суд наказал его самого за словесное оскорбление). Аналогичным образом для регулирования брачно-семейных отношений и принудительного исполнения супружеских обязанностей суды напрямую ссылались на статью 103 тома X Свода законов Российской Империи (показательно дело по жалобе Шехурина, где суд опирался именно на эту норму), демонстрируя готовность оперировать имперским кодифицированным правом.

Третьей характеристикой региональной специфики выступает интеграция традиционных обычно-правовых крестьянских институтов в систему цивилистики. Оформление семейного статуса «приемышей» (усыновление зятьев) эволюционировало от неформального общинного признания к строгой юридической процедуре, регламентированной статьей 145 тома X Свода законов, с обязательным истребованием метрических документов и утверждением казенной палатой (это подтверждается материалами дела Чулковского волостного правления 1915-1917 гг. об усыновлении зятя А. Купцова). Более того, при разрешении споров по внутрисемейным имущественным договорам (институт «кормления») суды начали применять сугубо государственные правовые институты, такие как, институт сроков исковой «земской» давности, прекращая притязания родственников на основании истечения установленного законом срока (яркий пример – дело Царицынского суда 1911 года по иску Ф. Садова).

Наконец, в условиях отсутствия четкого законодательного регулирования вопросов раздельного проживания супругов, волостные суды Московской губернии активно применяли административно-правовой инструментарий (выдачу паспортов) для защиты женщин и несовершеннолетних детей от внутрисемейного насилия (наиболее показательным здесь является дело Елмановского волостного

суда 1914 года по ходатайству крестьянки А. Ермиловой). Выдача паспортных документов вопреки воле главы хозяйства являлась превентивной мерой государственного принуждения, которая ставила физическую безопасность личности выше традиционных требований о сохранении целостности крестьянского двора.

Следовательно, волостной суд Московской губернии выступал уникальным правовым институтом, который использовал нормы позитивного права как эффективный инструмент для модернизации и гуманизации крестьянского быта, преодолевая архаичные формы правового обычая там, где они противоречили новым экономическим и социальным реалиям.

2.2. Практика применения волостными судами правовых обычаев в вопросах наследования²⁹⁴

Раздел второй книги III тома X Свода законов Российской империи²⁹⁵ содержал кодифицированные положения о наследовании (ст. 1104–1373), однако его нормы не распространялись на крестьян, составлявших наиболее многочисленный и социально значимый слой населения. Крестьянская реформа 1861 года стала поворотным моментом в истории империи и инициировала глубокие изменения в аграрной сфере, но вопросы наследственного права для крестьян остались без должной регламентации: их разрешение передали на усмотрение волостных судебных учреждений.

Необходимо заметить, что демографическая ситуация в исследуемый период имела значительные изменения. Как отмечает В. Г. Тюкавин, после реформ 1861 года происходил рост численности сельского населения и уменьшение смертности.

²⁹⁴ При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Правовой обычай и трансформация наследственных отношений в практике волостных судов Московской губернии конца XIX – начала XX века / А. В. Мелентьев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 88-90.

²⁹⁵ Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (дата обращения 12.10.2024).

Это было связано с повышением уровня жизни, усилением торговых связей между регионами и успехами земской медицины, сокращением сроков военной службы. В начале 20 века к этим факторам добавилось повышение цен на сельхозпродукцию и отмена в 1906 г. выкупных платежей²⁹⁶.

Главной особенностью регулирования наследственных отношений в крестьянской среде было признание обычаев в качестве полноправного источника права. Положение 1861 г. прямо допускало применение местных традиций в вопросах наследования (п. 38 «В порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями»²⁹⁷), что было подтверждено и последующими административно-судебными реформами. Общим принципом вплоть до 1917 года было правило ст. 107 Положения 1861 г., по которому судьи должны были решать дела «либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту»²⁹⁸.

Судебная реформа 1864 года²⁹⁹, не имевшая всеобщего характера была ориентированная на формальные процедуры, вступила в противоречие с традиционной правовой культурой крестьянства³⁰⁰. В крестьянской среде преобладали представления о коллективной семейной собственности и первичности трудового участия в формировании имущества, что противоречило

²⁹⁶ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - М.: Памятники исторической мысли, 2001 - С. 33-34.

²⁹⁷ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

²⁹⁸ О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Общее Положение, утвержденное 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

²⁹⁹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет / В 2-х тт. и дополн. том: Т. 1. Т. 2 / 30. - Петроград: Сенат. тип., 1914, 1914. - 831 с. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004182271/ (дата обращения - 02.04.2025). – Режим доступа: свободный.

³⁰⁰ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках. - СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. - URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (дата обращения - 02.04.2025). – Режим доступа: свободный

установленным законом принципам равного наследственного распределения. Между тем, например, И. А. Блинов подчеркивал, что в России, как и во многих других монархиях издавна стремились к «насаждению правосудия», хотя справедливость может сочетаться с формальным правом только при полной общественной поддержке судебных реформ³⁰¹.

Контрреформы 1889³⁰², и «стольпинская» аграрная реформа, начатая в начале XX века, была направлена на разрушение общинной системы землевладения и стимулирование индивидуального хозяйствования. Однако, как отмечает В. Г. Тюкавкин, реформы не смогли полностью изменить устоявшиеся в крестьянской среде принципы коллективного решения вопросов³⁰³. Даже при переходе к индивидуальному землевладению, крестьяне часто сохраняли коллективные формы хозяйствования в рамках семейных объединений. Законодательные изменения поэтому не вытеснили традиционных форм наследования, и семейные обычаи продолжали определять распределение имущества в крестьянской среде. Практика раздела имущества между наследниками сохраняла устойчивость вплоть до коренных преобразований 1917 года.

Двойственность правового уклада, при которой писаное законодательство сосуществовало с крестьянским обычаем, порождала многочисленные споры в научной среде и в практике местных судов. Наследственные правоотношения в крестьянской среде второй половины XIX – начала XX века занимали значимое место и в правовом регулировании, и в повседневном быту. Наследование с юридической точки зрения обеспечивало правопреемство имущества, хотя

³⁰¹ Блинов И. А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк / [соч.] Ив. Блинова. - Пг.: Сенат. тип., 1914. – С. 4.

³⁰² О земских участковых начальниках: Положение от 12 июля 1889 г. Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение: Правила от 12 июля 1889 г. О волостном суде в тех же местностях: Временные правила от 12 июля 1889 г. О порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках: Правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

³⁰³ Тюкавкин В.Г. Указ. соч. - С. 185.

регулировалось оно преимущественно устойчивыми локальными обычаями, получившими законодательное признание, а не нормами писаного закона³⁰⁴.

Для крестьянского бытового сознания передача имущества означала нечто большее: продолжение хозяйственного уклада, закрепление семейной ответственности, поддержание социальной стабильности в общинной жизни³⁰⁵. После смерти главы семьи наследство официально не открывалось - имущество продолжало использоваться всей семьей до момента принятия решения о передаче по наследству другому владельцу или о разделе³⁰⁶. Таким образом, крестьянское наследственное право сочетало в себе функции формального правового института и практического патриархального механизма сохранения традиционного образа жизни, что обуславливало его устойчивость и живучесть даже в условиях правовых реформ и модернизации.

Волостной суд в таких случаях исходил из приоритета жизненных обстоятельств, показаний свидетелей и факта исполнения обязательств по содержанию, что подтверждается исследованиями дореволюционной юридической мысли, в работах А. С. Алексеева³⁰⁷, Н. К. Бржеского³⁰⁸, М. Ф. Владимирского-

³⁰⁴ См., Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX века: специальность 12.00.01: дис. ... канд. юрид. наук – Нижний Новгород, 2007. – С. 96-97.

³⁰⁵ См., Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. – Тамбов, 2012. - С. 43.

³⁰⁶ Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. – М.: ОГИ, 2009. – С. 69.

³⁰⁷ См., Алексеев А. С. Русское государственное право / Конспект лекций орд. проф. Имп. Моск. ун-та А.С. Алексеева. - 4-е изд. - Москва: тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. - 583 с.

³⁰⁸ См., Бржеский Н.К. Очерки юридического быта крестьян / Исслед. Николая Бржеского. - СПб.: тип. В. Киришбаума, 1902. - [185 с.

Буданова³⁰⁹, В. Ф. Мухина³¹⁰, К. Победоносцева³¹¹, Г. Ф. Шершеневича³¹² и других).

Н. К. Бржеский отмечал, что в «в области наследственных правоотношений действие обычая было всеобъемлющим»³¹³, в крестьянском обычном праве наследственные права родителей, супругов и незаконнорожденных детей «представляются более обеспеченными, нежели в писаном законе ...»³¹⁴. Он подчеркивал, что, например, разделение имущества после смерти владельца было возможно по разрешению схода с учетом того, что кто получает дом «остается на старом корню»³¹⁵, то есть крестьянские обычаи предоставляют более рациональное распределение наследства среди членов семьи, так как признают раздел наследства как исключение из общего правила неделимости имущества как единого хозяйства.

Дело Игнатъевского волостного суда 1911–1912 гг. по иску Якова, Дмитрия, Петра, Василия и вдовы Елены Николаевых об утверждении в правах наследства после смерти Николая Гаврилова Николаева представляет собой характерный пример действия крестьянского обычая наследования и распределения имущества. Первоначально, в 1911 г., волостной суд отказал старшим сыновьям - Якову, Дмитрию и Петру в утверждении их наследственных прав на усадьбу и постройки (решение от 5 марта 1912 г.), сославшись на то, что при жизни наследодатель продал большую часть домового имущества и строений в их же доме (купчая от 6 октября 1909 г.)³¹⁶. Суд признал доказанным лишь право наследования по

³⁰⁹ См., Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - С. 582-586.

³¹⁰ См., Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению. - Санкт-Петербург: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. - 333 с.

³¹¹ См., Победоносцев К. П. Курс гражданского права / Соч. К. Победоносцева, почет. чл. ун-тов Моск. С.-Петербур., Казан. и св. Владимира в Киеве. Ч. 1-3. Права семейственные, наследственные и завещательные / 3 т.; 22. - Санкт-Петербург: Синод. тип. - 676 с.

³¹² См., Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права: Введ. Общ. часть. Особ. часть. - Тула: Автограф, 2001. - 719 с.

³¹³ Бржеский Н.К. Указ. соч. - С. 59.

³¹⁴ Там же. С. 102.

³¹⁵ Там же. С. 62.

³¹⁶ Гражданское дело № 768 Игнатъевского волостного суда Богородского уезда от 18 декабря 1912 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.49. Л. 1-50.

отношению к надельной полевой земле, поскольку она являлась общинной, не подлежащей свободной купле-продаже и не выводимой из оборота без решения сельского общества. Жалобы наследников раскрывают суть понимания наследственного права: старшие сыновья утверждали, что их наследственные права универсальны и распространяются на все имущество умершего («недоказанность наших их прав по отношению к наследственной усадьбе и по срокам страдает внутренним противоречием: странно, почему наши их права неоспоримы к полевому наделу и бездоказательны к усадьбе»³¹⁷), тогда как вдова Елена Архиповна и младший сын Василий подчеркивали свое участие в сделках с наследодателем, апеллируя к крестьянскому обычаю устной передачи имущественных прав и внутрисемейного перераспределения имущества при жизни, который суд должен был учитывать.

Значимой является позиция Богородского уездного съезда (решение 12 октября 1912 г.), который отменил решение волостного суда, указав на нарушение обычной процедуры: суд не учел ходатайства всех наследников Николаевых, обязан был рассматривать дело совместно, поскольку общинный обычай предполагал коллективный характер наследования, при котором все члены семьи (включая вдову) участвовали в разделе имущества и установлении прав на усадьбу как единый имущественный комплекс³¹⁸. Один из наследников в своей жалобе отметил, что волостной суд неправомерно разделил право наследования на две части (надельная земля и усадебные постройки), и это противоречило крестьянскому представлению о целостности имущества двора, которое в обычном праве наследовалось совместно. Тем самым, решение по спору Николаевых вполне наглядно отражает тенденцию, что даже в 1912 году волостное судопроизводство продолжало опираться на традиционный принцип совместного семейного наследования двора, в котором приоритет имели фактическое участие в хозяйстве и идея нераздельности усадебного комплекса.

³¹⁷ Там же. Л. 6.

³¹⁸ Там же. Л. 7.

Для понимания особенностей перехода долговых обязательств по наследственному обычаю можно привести приговор Нагатинского волостного суда от 17 января 1900 г.³¹⁹ Суд, рассматривая спор о взыскании долга за товары, приобретенные при жизни наследодателя, установил, что после его смерти хозяйство, имущество и товар были переданы Николаю Воронину как члену семьи. Несмотря на то что последний первоначально отрицал свою обязанность по уплате долга, суд учел как свидетельские показания, так и предъявленный суду сельский приговор от 26 июля 1899 года, подтверждающий согласие Николая принять на себя долговые обязательства. В данном акте зафиксировано, что ответчик «обязался заплатить, какие окажутся за Екатериной Ворониной долги», а также, что ему было передано «хозяйство и имущество, а равно и огородный товар»³²⁰. Исходя из этого, был сделан вывод о неразрывной связи имущественного комплекса и долгов, поэтому переход хозяйства по обычному праву влечет за собой и переход связанных с ним обязательств. В итоге волостной суд постановил взыскать долг с Николая Воронцова.

Гражданское дело Велинского волостного суда (1908–1909 гг.) по иску крестьян Александра Ивановича Андриянова и Евдокии Ивановны Ростовцевой об утверждении их в правах наследства к имуществу умершего отца Ивана Ивановича Андриянова является примером столкновения крестьянского наследственного обычая с формально-правовыми требованиями волостного суда. Иск от 24 июня 1908 г. был направлен на признание за детьми умершего права на земельный надел их отца, сумму в 300 рублей, хранившуюся, по их утверждению, в сберегательной кассе, денежное жалованье, оставшееся невыплаченным крестьянином Хромовым. Волостной суд на основании ст. 125, 133 и 135 Положения 1861 г.³²¹, отказал в рассмотрении всех трех требований, мотивируя это отсутствием точных сведений

³¹⁹ Гражданское дело № 160 Нагатинского волостного суда Московского уезда от 17 января 1900 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 13-15.

³²⁰ Там же. Л. 14.

³²¹ О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Общее Положение, утвержденное 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

о составе и фактическом владении наследственного имущества, а также невозможностью утвердить наследников в правах без документального подтверждения существования денежных средств³²².

По существу, суд применил формально-юридический подход, который находился в противоречии с обычной крестьянской практикой, согласно которой признаваемыми наследниками считались дети умершего, а их право на наделенную землю подтверждалось самим фактом принадлежности к семье и наличием закрепленного за умершим двора. Неоднократные жалобы наследников в уездный суд (20 сентября 1908 г., 24 октября 1908 г., 18 августа 1909 г.) прямо указывают на это противоречие: пока их не признают наследниками, они лишены возможности требовать изъятия имущества из чужого владения. Таким образом, постановление волостного суда фактически блокировало их доступ к реализации наследственных прав. Повестки, протоколы заседаний, требования о выдаче копий решений уездного суда показывают, что наследники настойчиво добивались признания их статуса и возвращения дела к сути спора. Данный конфликт выявляет коллизию между обычным порядком наследования в сельской среде и формальными требованиями юстиции начала XX века, что является характерным элементом трансформации крестьянского гражданского оборота.

Между тем, по решению Шараповского волостного суда Звенигородского уезда от 13 августа 1907 г. отчетливо зафиксирован осознанный выбор суда между применением норм обычного права и действующего законодательства. Предметом разбирательства стало требование крестьянки Н. И. Колмогоровой об утверждении ее в правах наследства на денежный капитал (72 руб. 55 коп. с процентами), оставшийся после смерти мужа и размещенный в сберегательной кассе. Установив по семейному списку наличие нескольких наследников (жена, дети, включая малолетних), суд отметил отсутствие в селе Брехово сложившегося наследственного обычая в данной ситуации, что исключало возможность опоры на

³²² Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 24 июня 1908 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1443. Оп.1. Д.5. Л. 1-40.

традиционные регуляторы. В этой связи было принято решение руководствоваться нормами тома X Свода законов гражданских и разъяснениями Правительствующего Сената 1899 г.³²³, в результате чего наследственная масса была распределена между супругой и детьми в долях, определенных законом (1/4 жене, 1/8 дочери, остальная часть – двум сыновьям поровну)³²⁴. В данном примере имеется характерная для периода начала XX века тенденция к применению формальных правовых норм, отражающая постепенную формализацию наследственных отношений.

Именно в этом противостоянии между традиционными представлениями крестьян о наследовании и усиливающейся формализацией правового регулирования следует рассматривать последующее развитие завещательного права в дореволюционной России. Как справедливо отмечал Г. Ф. Шершеневич, завещательное право, ранее слабо урегулированное из-за отсутствия четких норм, получило в Своде Законов Российской империи более определенное оформление «в духе французского права»³²⁵. Таким образом, были систематизированы правила о наследовании, сформировавшиеся на протяжении длительного времени в основном в виде существовавших в России обычаев.

Исследователи обычного права подчеркивали значимость в крестьянском наследственном праве труда как основного вида деятельности. Согласно этому принципу, право на долю в наследстве возникало у тех членов семьи, кто трудом способствовал накоплению и сохранению семейного имущества. Такое понимание права наследования не допускало механического распределения долей по формальным признакам, как это предписывал закон, а базировалось на живой хозяйственной практике, позволявшей роду выживать, и, соответственно, принципу справедливости.

³²³ Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. – 631 с.

³²⁴ Гражданское дело №66 Шараповского волостного Суда Звенигородского уезда от 13 августа 1907 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 846. Оп. 1. Д. 2. Л. 108.

³²⁵ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права/ Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – С. 703.

В.Ф. Мухин подробно изучал особенности наследственных обычаев и отмечал, что крестьянские обычаи наследования фактически имеют в основе два принципиальных начала: кровное родство и фактическая принадлежность к семье. Он также подчеркивает, что личный труд наследников в крестьянской среде играет важную роль в определении их доли в наследстве, связывая это с экономическими условиями жизни. В. Ф. Мухин подметил, что реальное участие в жизни семьи, равно как и трудовое участие, образуют единый комплекс условий, на которых зиждется крестьянское наследственное право. В. Ф. Мухин считал необходимым учет этих обычаев при разработке нового гражданского уложения, чтобы сохранить правовую культуру крестьянства и обеспечить гармонизацию традиционных норм с официальным законодательством, хотя и подчеркивал, что «органическое слияние обычая с писанным правом требует долговременной исторической подготовки, выражающейся в составлении сборников обычаев, в юридической обработке отдельных институтов обычного права...»³²⁶.

Как отмечается Т. В. Шатковской, в среде крестьян юридическим центром имущественных прав оставалась обладающая имуществом семья, а «наследование принципиально не изменило своего характера со времен Русской Правды и представляло собой имущественную сторону разделения одной семьи на несколько самостоятельных»³²⁷. Поэтому наследование могло открываться только в рамках семьи, когда умирал ее глава, но не иные ее члены³²⁸.

Наследование у крестьян могло происходить либо по завещанию (на основе законодательных норм), либо по обычаям, характерным для конкретной деревни или волости, причем завещание рассматривалось как частный односторонний акт,

³²⁶ Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению. - Санкт-Петербург: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. – С. 10.

³²⁷ Шатковская, Т.В. Понимание и значение наследования в обычно-правовой системе российских крестьян второй половины XIX - начала XX вв. / Т.В. Шатковская // Юристы-правоведь. - 2010. - № 4. - С. 71.

³²⁸ Цитович, П.П. Исходные моменты в истории русского права наследования: дис. / П.П. Цитович. - Харьков: Университетская типография, 1870. – С. 123.

имевший довольно слабое распространение³²⁹. Если завещание отсутствовало, право наследования принадлежало как правило мужчинам. Обычай равного деления наследственной массы между сыновьями был общепринятым и «не встречал возражений в крестьянской среде и волостными судами, которым были подсудны дела о наследстве, не оспаривался»³³⁰.

В системе наследования в конце XIX века мужчины находились в преимущественном положении относительно женщины, которые (тем более в крестьянской среде) занимали второстепенное положение³³¹. Они наследовали, как правило, при отсутствии прямых мужских наследников, а их доля в наследстве могла быть уменьшена или заменена приданым, выкупом или временным содержанием. При этом женщины редко становились полноправными участниками раздела земли или усадьбы как единого имущества, особенно если речь шла о продолжении хозяйства – это имущество почти всегда закреплялось за мужчинами. То есть в условиях аграрной страны, где массово сохранялись архаичные патриархальные устои, широко действовал обычай, отдающий приоритет мужской линии наследования, что отмечено рядом исследователей.

Например, А. Я. Ефименко, ссылаясь на высказывания крестьян, доказывала случайность и временность связи женщины с любой семьей, где она находится (в семье отца - до выхода замуж; будучи замужем, она только привязана к семье мужем и детьми), а также непроизводительность ее труда, который не содействовал якобы накоплению семейного имущества. Поэтому в неразделенной семье снохи при разделе по воле ее главы могли быть только «вознаграждены» за свой труд, а в малой семье вдовы, оставшиеся без детей, обладали правом претендовать на

³²⁹ Шатковская, Т.В. Специфика института завещания как основания наследственных прав российских крестьян второй половины XIX - начала XX века / Т.В. Шатковская // Юристы-правоведь. - 2010. - № 3. - С. 81-82.

³³⁰ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2023. – С. 138.

³³¹ Вахромеева, О.Б. Практика наследования для женщин в дореволюционной России / О.Б. Вахромеева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2016. № 1 (1). - С. 72.

хозяйство лишь в случае длительного сожительства с мужем, на протяжении которого они опять-таки не имели возможности вложить в него свой труд³³².

О.Б. Вахромеева отмечает, что так как женщина у крестьян женщина не считалась производственным членом семьи, но «являлась самостоятельной имущественной единицей, поэтому при разделе общего семейного имущества она теряла право на равную долю, сохранив за собой собственное имущество»³³³.

В. Б. Безгин, проведя подробное исследование роли женщины в дореволюционной России отмечал крайне сложное положение в крестьянской среде, их тяжелый труд и условия жизни, бесправие в имущественном плане. Например, он отмечает, что «незамужние дочери по общему правилу получали часть наследства по усмотрению братьев, жили с ними до замужества и получали от них приданое»³³⁴.

П. С. Ефименко при этом подчеркивал мысль о приниженном положении в среде русского крестьянства женщины, о «варварском обращении» с ней главы семейства - домовладыки, господина и повелителя³³⁵.

А. Х. Гольмстен также отмечал неравное положение лиц мужского и женского пола при наследовании, так, «дочери наследуют лишь движимое имущество и делят его поровну»³³⁶, то есть недвижимого имущества в наследство от отца не получали.

Таким образом, исследователями отмечается, что крестьянское наследственное право в период после отмены крепостного права отличалось устойчивостью к унификации и кодификации. Оно сохраняло самобытные черты, выработанные в рамках аграрной общины, и оставалось достаточно стабильным по

³³² См., Ефименко А. Я. Женщина в крестьянской семье // Исследования народной жизни: Обычное право. Вып. 1. М.: В. И. Касперов, 1884. С.

³³³ Вахромеева, О.Б. указ. соч. – С. 73.

³³⁴ Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: Монография. – Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. – С. 60.

³³⁵ См., См., Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. – М.: ОГИ, 2009. – С. 98-99.

³³⁶ Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи: Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс / [соч.] А.Х. Гольмстена. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. – С. 90.

отношению к влиянию государственного законодательства, отражая реальный уклад жизни и принципы крестьянской справедливости. Как отмечал А. Градовский «сила обычая фактически не могла быть отменена законом в среде громадного большинства русского народонаселения, которое даже не в состоянии было усвоить себе многих законодательных определений»³³⁷. В этом и заключалась его двойственная природа - с одной стороны, оно противоречило официальным правовым нормам, с другой - обеспечивало стабильность и преемственность в условиях традиционного уклада.

В практике волостных судов центральной Московской губернии наглядно проявляются некоторые особенности применения обычаев. Так, в материалах Елмановского волостного суда Можайского уезда содержится дело о наследственном споре между крестьянкой деревни Юрьево Василисой Федоровной Колесовой и ее дядей, Андреем Андреевичем Семеновым. Спор, начавшийся в ноябре 1902 года, демонстрирует типичный для конца XIX - начала XX вв. пример действия наследственного правового обычая в крестьянской среде. Суть конфликта заключалась в притязаниях последнего на плановую и усадебную землю площадью 27 десятин, ранее принадлежавшую отцу истицы - Федору Семенову³³⁸.

Колесова, на момент тяжбы проживавшая в Москве, обращается в волостной суд с просьбой признать за ней право на земельный участок, аргументируя свои требования статусом законной наследницы. Согласно ее заявлению, дядя, воспользовавшись ее отсутствием, фактически присвоил землю и усадьбу, построил на ней жилой дом и предпринял попытку включить участок в свое домохозяйство с целью последующей передачи его своему сыну. При этом она указывает на наличие судебного решения и запись в книге волостного управления, подтверждающие ее наследственные права.

³³⁷ См.: Градовский А. Начала русского государственного права. Том III. Начала местного управления. - М. М. Стасюлевич, 1883.

³³⁸ Гражданское дело № 47 Елмановского волостного суда Можайского уезда 31 января 1902 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-41.

В данном случае, несмотря на продолжительное владение землей со стороны ответчика, определяющее значение имело признание за Колесовой статуса наследницы, что соответствует обычному порядку перехода имущества после смерти владельца: первоочередное право признавалось за детьми умершего, а не за боковыми родственниками, если иное не было обусловлено письменным завещанием.

При этом особое внимание следует обратить на характер фактического владения спорным участком. Как свидетельствовала Колесова, использование земли и построек со стороны дяди носило самовольный характер, осуществлялось без ее ведома и согласия. С точки зрения правового обычая, такое владение не может быть признано легитимным, поскольку противоречит принципу справедливости, в соответствии с которым наследство должно сохраняться в линии прямых потомков. Значимым правовым документом, подтверждающим права истицы, выступает решение сельского схода от 2 мая 1898 года, о чем была сделана запись³³⁹. Таким образом, в деле Колесовой В.Ф. в условиях отсутствия формализованных завещательных актов, применен устойчивый принцип, при котором публичное признание наследственных прав имеет приоритет в рамках сельской общины и органами волостного управления. Несмотря на попытки ответчика закрепить за собой имущество через фактическое владение, окончательное решение должно было учитывать норму правового обычая, согласно которому земельный надел и усадьба переходят к ближайшим кровным наследникам умершего собственника - прежде всего к детям, а не к родственникам боковой линии. Примечательно, что оспаривающим наследником в 1902 году является женщина, проживающая в Москве, по всей вероятности, грамотная и достаточно образованная для ведения спора против своего дяди.

Еще одним ярким примером можно назвать приговор Нагатинского волостного суда от 24 января 1900 г., связанный со спором о сносе ранее

³³⁹ Гражданское дело № 47 Елмановского волостного суда Можайского уезда 31 января 1902 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-41.

арендуемых строений с территории усадьбы³⁴⁰. Истец как владелец усадьбы требовал обязать ответчицу П. Д. Рошину освободить его участок от строений за отсутствием прав на них. Однако последняя ссылаясь на завещание умершего прежнего владельца строений и условия ранее заключенного договора аренды участка под строениями, предусматривавшего его продление с наследниками. Несмотря на отсутствие формально оформленной опеки Рошиной над несовершеннолетним наследником строений (ее сыном), суд признал правомерность позиции ответчицы, фактически допустив ее в качестве законного представителя сына. В удовлетворении иска было отказано, исходя из принципа преемственности прав наследников по договору. В данной ситуации гибкость применимого обычая допускает признание представительства в отношении наследника для защиты его наследственных прав даже при отсутствии строгого соблюдения формальных процедур (учреждения опеки), если это способствует принципам правопреемства.

Еще в одном деле, также рассмотренном Царицынским волостным судом Московского уезда в июле 1917 года по заявлению Пелагеи Максимовны Корягиной, вдовы крестьянина деревни Дурнихи Ивана Ивановича Корягина, умершего 21 мая 1911 года, предметом рассмотрения было утверждение вдовы и ее детей (Николая, Дмитрия, Максима, Анны, Пелагеи и Егора) в правах на наследство, оставшееся после умершего главы семьи. Вдова представила удостоверение о смерти мужа, опись имущества, составленную еще в 1911 году, в которую входили жилые дома, хозяйственные постройки, кузница, лавка, предметы быта, икона и другое имущество общей стоимостью 759 рублей. Все имущество, согласно акту, было передано на хранение и в управление Пелагее Корягиной, как опекунке малолетних детей³⁴¹.

³⁴⁰ Гражданское дело № 42 Нагатинского волостного суда от 24 января 1900 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 31-32.

³⁴¹ Гражданское дело Царицынского волостного Суда Московского уезда от 27 июля 1917 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.81. Л. 1-9.

Судебное разбирательство 13 июля 1917 года было отложено до явки уполномоченных от общины и возобновилось 27 июля, в результате чего суд постановил утвердить Пелагею Корягину и ее детей в правах наследства на имущество умершего. Согласно принятому в крестьянской среде обычае суд подтвердил передачу имущества вдове и детям, признавая за ними право продолжать вести хозяйство, организованное умершим, тем самым обеспечивая преемственность рода и хозяйства. Дело было разрешено без завещания, исключительно на основании удостоверения сельского старосты, описи имущества и показаний заявительницы³⁴². Решение Царицынского волостного суда по делу Корягиной отражает сохранение ключевых черт крестьянского обычного права в наследственных отношениях и минимальный формализм в доказывании прав. Это свидетельствует о высокой степени устойчивости правового обычая даже в условиях смены государственной власти.

В определенной степени нетипичным для волостных судов является решение Шараповского волостного суда от 5 мая 1907 г., в котором предметом наследования выступает имущество, оставшееся после смерти матери, а не отца³⁴³. Суд рассматривал утверждение прав малолетних дочерей крестьянки Анастасии Золутаевой (Татьяны, Дарьи и Александры) на денежный капитал в размере 182 руб. 34 коп., хранившийся в сберегательной кассе. Несмотря на наличие опекуна в лице отца, суд, исследовав представленные документы (приговор об опеке, метрическую выпись о смерти, семейный список), пришел к выводу, что наследниками как по закону, так и по семейному обычаю являются именно дети умершей. В результате денежный капитал был закреплен за дочерьми в равных долях с сохранением его в кредитном учреждении до достижения ими совершеннолетия или вступления в брак. Данный случай отражает отход от преимущественно патрилинейной модели наследования в пределах Московской

³⁴² Л. 8.

³⁴³ Гражданское дело №22 Шараповского волостного Суда Звенигородского уезда от 5 мая 1907 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 846. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

губернии, подтверждает возможность признания за детьми самостоятельных имущественных прав на материнское имущество.

17 февраля 1911 г. в Петровском волостном суде были рассмотрены два сходных дела (№ 10 и № 11), которые позволяют указать на наличие потребности в регулировании имущественных отношений применительно к правам женщин³⁴⁴. Так, в деле № 10 предметом спора стала корова, внесенная истицей Ариной Фоминой при вступлении в брак как приданное. После смерти мужа и фактического изгнания из семьи со стороны свекра и свекрови она потребовала возврата принадлежащего ей имущества. Суд, оценив показания сторон и свидетелей, а также учитывая признание ответчицы, постановил возвратить корову как бездетной вдове, а также предоставил право требовать возврата иных вещей, если это будет доказано (сельскохозяйственный инвентарь и предметы быта)³⁴⁵. То есть признание за женщиной на приданое, сохраняющееся независимо от ее положения в семье и наличия детей, подтверждает защиту имущественных прав вдовы.

В ином деле - № 11 рассматривался спор о правах вдовы Федосьи Попекуши на имущество умершего мужа в условиях установленной опеки над наследственной массой³⁴⁶. Истица, имея малолетнего сына, указывала на риск утраты доступа к имуществу в случае повторного замужества и просила признать за ней права на часть хозяйства (включая скот и движимое имущество), оставив право на земельный надел за ребенком. Опекун не возражал против заявленных требований, что было учтено волостным судьей. В результате часть имущества из ведения опекуна передана вдове, одновременно сохранено имущественное право малолетнего наследника. Данный пример указывает на достаточную гибкость

³⁴⁴ Гражданские дела. Книга для записи решений Петровского волостного суда за 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-76.

³⁴⁵ Гражданское дело № 10 Петровского волостного суда от 17 февраля 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-8.

³⁴⁶ Гражданское дело № 11 Петровского волостного суда от 17 февраля 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 8-10.

применимых обычаев, допускавших перераспределение наследственной массы с учетом жизненной ситуации и социальной справедливости.

О повышении роли вдовы в системе наследственных отношений начала XX в. Московской губернии свидетельствуют и иные случаи Петровского волостного суда. Например, 17 июля 1911 г. первоначально было заявлено ходатайство об утверждении детей (Варвары и Александра) умершего крестьянина Василия Аврамова в правах наследства на имущество и земельный надел «на две души»³⁴⁷. Однако в ходе рассмотрения суд, опираясь на местный обычай, пришел к выводу о приоритетном праве вдовы Наталии Аврамовой на наследственное имущество и землю, признав ее прямой наследницей после смерти мужа. При этом были учтены представленные письменные доказательства в виде решения волостного схода о выделе земли в личную собственность умершего. По сути имела место важная особенность регулирования на основе обычая: при наличии малолетних детей суд мог отдавать предпочтение вдове как фактическому носителю хозяйства и субъекту, обеспечивающему сохранность имущества.

В деле от 21 июня 1911 г. аналогичный подход получил еще более выраженное закрепление. Вдова Розалия Селиверстова обратилась с просьбой об утверждении ее в правах наследства на имущество и денежный капитал, оставшиеся после смерти мужа, при отсутствии иных заявленных наследников³⁴⁸. Суд, не выявив препятствий, признал ее единственной прямой наследницей как движимого имущества, так и денежных средств. В отличие от предыдущего дела, здесь отсутствовал конфликт интересов с другими наследниками, поэтому суд без лишних формальностей применил упрощенную процедуру признания наследственных прав.

В Петровском волостном суде пример разрешения имущественного спора с участием бездетной вдовы рассмотрен 18 января 1911 г. Истицей выступила

³⁴⁷ Гражданское дело № 51 Петровского волостного суда от 17 июля 1911 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-43.

³⁴⁸ Гражданское дело № 61 Петровского волостного суда от 21 июня 1911 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 56-57.

крестьянка Ольга Иванова Павлова, требовавшая взыскания с своего свекра денежной суммы в размере 20 руб., ранее определенной, по ее утверждению, приговором 1910 г. после смерти мужа. Ответчик Дмитрий Павлов против иска возражал, ссылаясь на отсутствие у невестки прав на содержание и имущество ввиду ее бездетности, а также на сомнительность существования акта о выделении ей денежной суммы³⁴⁹.

При рассмотрении дела суд не ограничился формальной оценкой представленных доказательств, но принял во внимание социальное положение сторон: с одной стороны, оценил способность истицы к самостоятельному обеспечению, с другой - преклонный возраст ответчика и его нахождение на иждивении дочери. Установив отсутствие достаточных оснований для удовлетворения требований, суд отказал в иске, прямо указав на недоказанность заявленных притязаний (письменный акт в суд не предъявлен) и отсутствие применимого обычая о выделении содержания согласно правилам Положения о крестьянах 1861 г.³⁵⁰

Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда Московской губернии (1908–1909 гг.) по иску крестьян А.И. Андриянова и Е.И. Ростовцевой об утверждении их в правах наследства после смерти их отца. Предмет требований включал три элемента: признание прав на наследственную землю, подтверждение права на денежные средства (300 руб.) в банке, а также получение причитавшегося умершему жалованья с крестьянина Хромова³⁵¹. В ходе рассмотрения дела волостной суд занял формально-процессуальную позицию, отказав в удовлетворении требований по всем заявленным пунктам:

1) требование о признании права на землю не может быть рассмотрено ввиду его неопределенности (не указаны характеристики участка, а также лицо,

³⁴⁹ Гражданское дело № 8 Петровского волостного суда от 18 января 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5.

³⁵⁰ О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Общее Положение, утвержденное 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. - Отд. IV. - № 36657.

³⁵¹ Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 24 июня 1908 г. – 18 августа 1909 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–31.

фактически владеющее имуществом), вследствие чего истцам предложено предъявлять самостоятельный иск к фактическому владельцу;

2) требование о наследовании денежных средств не подтверждено доказательствами существования вклада в конкретном банке;

3) требование о взыскании жалования не относится к процедуре утверждения в правах наследства, а подлежит рассмотрению в виде иска непосредственно к должнику.

Таким образом, суд фактически отказал в признании наследственных прав, разграничив наследственное производство и исковые требования, что указывает на значительную формализацию процесса и тенденцию к усилению правовых начал в деятельности волостных судов в начале XX в.

Интересным представляется дело, возбужденное в Чулковском волостном суде в феврале 1915 г. после смерти крестьянина Петра Ивановича Богачева, последовавшей 18 октября 1914 г. Спор был связан с утверждением наследственных прав его сыновей на земельный надел, усадьбу и иное имущество. Инициатором разбирательства выступил сын покойного Федор Петрович Богачев, находившийся на службе на Забайкальской железной дороге, который, действуя через представителя и ссылаясь на ст. 133 Положения 1861 г., просил закрепить за ним законную долю наследства.

С точки зрения крестьянского наследственного обычая, первоначально наследование рассматривалось как равное участие сыновей в имуществе отца, что прямо отражено в заявлении другого сына - Фомы Петровича Богачева от 9 марта 1915 г., где он признает всех братьев наследниками и просит утвердить их в равных долях. Такой подход соответствует традиционному обычаю родового сонаследования, при котором имущество подлежало разделу между всеми сыновьями. Однако в ходе разбирательства был заявлен и конкурирующий правовой режим, связанный не с обычаем, а с формальным правом: третий сын - Иван Петрович представил удостоверенное московским нотариусом Я. Калашниковым духовное завещание от 25 сентября 1902 г., согласно которому все движимое и недвижимое имущество завещалось ему в личную собственность, а

остальным родственникам предусматривались лишь денежные выплаты («произвести следующие выдачи...»)³⁵². Тем самым в деле столкнулись обычно-правовое представление о равенстве наследников и индивидуализированная воля наследодателя, закрепленная в нотариальной форме.

Примечательно, что Иван Богачев отдельно указывал, что отец еще при жизни укрепил за собой личную собственность на землю и усадьбу (акт 1911 г.), что в крестьянской среде воспринималось как легитимация права свободного распоряжения имуществом, в том числе путем завещания. В то же время Фома Богачев, будучи призванным на военную службу по мобилизации 1914 г., просил приостановить производство до его возвращения после окончания военных действий. Данное дело демонстрирует переходный характер наследственных отношений в крестьянской среде начала XX в.: при сохранении обычая коллективного наследования и равенства сыновей волостной суд был вынужден учитывать приоритет нотариального завещания и формально закрепленного права собственности. Обычай в данном случае не исчезает, но отступает перед письменно оформленной волей наследодателя, при этом продолжая влиять на аргументацию сторон и процессуальное поведение участников спора.

Наглядным для характеристики особенностей наследования по завещанию среди крестьян является дело по жалобе крестьянки д. Елагиной Акулины Никитиной (5–8 апреля 1878 г.), в котором предметом спора стало взыскание долгов по вексям, завещанным ей теткой - Евдокией Гавриловой Голубевой³⁵³. Истец ссылаясь на завещательное распоряжение, однако представленное ею завещание ранее не было «явлено»³⁵⁴, то есть официально объявлено и признано в установленном порядке в среде крестьян. Рождественский волостной суд отказал в удовлетворении иска, исходя из обычая, согласно которому наследственные права на долговые требования признавались лишь при условии публичного

³⁵² Гражданское дело № 14 Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 8 февраля 1915 г. // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д. 193. Л. 1-22.

³⁵³ Гражданское дело № 16 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 8 апреля 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2365. Оп.1. Д.1. Л. 18-21.

³⁵⁴ Там же. Л.19.

подтверждения завещания перед общиной или волостной властью. Тем самым суд фактически применил обычай формального подтверждения наследственного правопреемства, при котором даже наличие векселя не порождало обязательственных последствий без надлежащего признания статуса наследника по завещанию. В данном случае присутствует приоритет удостоверенного права над личным заявлением наследника и подчеркивается связь с требованиями публичности и определенности имущественного оборота согласно законам даже в крестьянской среде.

Завещание могло быть оспорено, как, например, произошло в случае крестьянина Алексей Акимов, который ходатайствовал об утверждении его в правах наследства после смерти отца, тогда как его сестра Анна Чесалкина ссылаясь на составленное последним духовное завещание, по которому имущество распределялось в пользу иных лиц, включая постороннюю воспитанницу. Петровский волостной суд, исследовав представленные доказательства, 2 октября 1911 г. установил, что завещание не было утверждено в установленном порядке окружным судом, вследствие чего не могло иметь юридической силы. Руководствуясь нормами действующего законодательства, волостной суд признал за сыном статус прямого наследника в отношении основного имущества (земельного надела, усадьбы и построек), отказав в удовлетворении возражений ответчицы³⁵⁵. Данный случай отражает ограниченность признания волостными судами завещаний, не прошедших установленную процедуру утверждения, в силу чего устанавливается приоритет наследования по обычным правилам в пользу наследника мужского пола, продолжающего ведение наследуемого хозяйства.

Показательным случаем в отношении перехода прав на землю и связанное с ней хозяйство также является дело Елмановского волостного суда Можайского уезда 14 марта 1896 года, в рамках которого рассматривался спор о правах на

³⁵⁵ Гражданское дело № 83 Петровского волостного суда от 2 октября 1911 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-43. Л. 56-57.

наследственную усадебную землю, оставшуюся после смерти крестьянина Андрея (Исхова)³⁵⁶. Истцом в деле выступал крестьянин деревни Шохово Иванов С., предъявивший иск к крестьянам Г. Кузьмину и М. Максимовой. Как следует из материалов дела, умерший оставил дом и земельные участки, которые включали как полевые наделы, так и усадебную землю, используемую под хозяйственные постройки и жилые постройки.

Согласно позиции волостного суда и сельского схода, выраженной в решении, «земельный надел, относящийся к крестьянскому двору, остается в постоянном пользовании семьи, проживающей в данном дворе, и не передается соперникам в соответствии с установленными местными порядками»³⁵⁷. Данное положение представляет собой вариант действия правового обычая, характерного для сельской общины и основанного на коллективной форме пользования землей, зависимости от нее ее членов³⁵⁸, а также концепции «двора» как неделимой хозяйственной ячейки, в рамках которой земля передается по принципу преемственности фактического проживания и ведения хозяйства.

Таким образом, крестьянская семья воспринималась как органическая часть дворового хозяйства, а земля - как неотчуждаемое достояние данного «двора». Примечательно, что в рассматриваемом деле суд отказался удовлетворить требования истца, несмотря на его родственную связь с умершим³⁵⁹. Это может свидетельствовать о том, что ответчики, Г. Кузьмин и М. Максимова, проживали на спорной территории и были признаны общиной как законные продолжатели хозяйства покойного. Подобная позиция суда подтверждает, что в практике конца XIX века фактическое пользование и признание со стороны крестьянского коллектива имели приоритетное значение по сравнению с формальными правами наследования.

³⁵⁶ Гражданское дело № 21 Елмановского волостного суда Можайского уезда 14 марта 1896 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 16. Л. 1-4

³⁵⁷ Там же. Л.3.

³⁵⁸ См., Риттих, А. А. Зависимость крестьян от общины и мира / [Соч.] А.А. Риттиха. - Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. – С. 11-12.

³⁵⁹ Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда от 14 марта 1896 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 16. Л. 1-4.

Определенное значение в деле имело и письмо учителя Лукановского министерского училища, выступавшего свидетелем. Это подтверждает распространенную практику: крестьяне нередко обращались за поддержкой к уважаемым лицам, которые не обладали официальной юридической компетенцией, однако пользовались доверием в общине. Рассматриваемый казус показывает, как действовало обычное право в условиях слабой формализации имущественных отношений в крестьянской среде. Община выступала гарантом сохранения целостности хозяйственных единиц, а волостной суд выполнял функцию посредника между устоявшимися обычаями и нормами государственной юрисдикции. Наследственный правовой обычай в данном деле работал как адаптивный механизм, который обеспечивал стабильность, социальную справедливость и непрерывность хозяйственного уклада при коллективном землепользовании.

Спорный случай, зафиксированный в протоколе сельского схода деревни Ближняя Хохловка Царицынской волости Московской губернии от 19 августа 1896 года, представляет собой достаточно яркий пример функционирования наследственного правового обычая в рамках одной семьи. В центре внимания брачные и имущественные отношения двух родных братьев, Петра и Федора Макаровых Мазжориных, пожелавших произвести раздел совместного наследственного имущества и основать два отдельных домохозяйства³⁶⁰. Первоначально Петр и Федор вели общее хозяйство, владея как движимым, так и недвижимым имуществом, унаследованным, судя по всему, от предков. Такая практика коллективного семейного владения имуществом представляла собой устоявшийся обычай, глубоко укорененный в крестьянской культуре (признак устойчивости). Однако по мере взросления младшего брата и развития самостоятельности происходил процесс «вытеснения» этого обычая в сторону

³⁶⁰ Протокол сельского схода деревни Ближняя Хохловка Царицынской волости Московской губернии от 19 августа 1896 // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-2.

индивидуализации права владения, особенно при согласии старшего брата и наличии возможности ведения отдельного хозяйства.

В описанном примере решение о разделе имущества принималось не индивидуально, а в присутствии сельского схода, представляющего собой традиционную форму местного самоуправления (признание юридической силы устного и обычным образом зафиксированного соглашения). Раздел проводился с соблюдением ключевых принципов обычного наследственного права, требовавших согласия всех сторон и одобрения схода, формального закрепления имущественных позиций каждого участника, распределения долгов и повинностей между ними, а также поддержания имущественного баланса. Последнее условие выразилось, в частности, в обязанности Федора перенести верхний этаж дома на новую усадьбу без права изъятия несущих конструкций. Сельский сход санкционировал выдел Федору части общественной усадебной земли, продемонстрировав тем самым гибкость традиционного правового механизма, который допускал трансформацию совместного владения в индивидуальное.

Регламентация раздела охватывала дом, сады, полосы земли и даже кусты сирени с диким виноградом. Столь детальный подход свидетельствует о высокой ценности усадебной собственности для крестьян и об их привычке строго соблюдать эквивалентность при любом имущественном разделе. Кроме того, братья самостоятельно урегулировали вопросы оброков и недоимок, включая будущие повинности, что указывает на высокую степень правосознания в рамках традиционной общинной крестьянской культуры, проявление коллективной ответственности перед государством.

Решение сельского схода, зафиксированное в «приговоре» и подписанное большинством домохозяев, придавало юридическую силу, то есть это была договоренность, своеобразная легитимация. Более того, сход выступал как гарантия соблюдения справедливости и мирного разрешения спора. Именно сход отводил землю, регулировал порядок и сроки переноса построек, фиксировал имущественные доли, обеспечивал согласие всех сторон. Такие случаи являются

по сути иллюстрацией традиционного народного правосудия³⁶¹, в котором право и обычай неразделимы.

Среди крестьянского сословия даже в период действия крепостного права признавались письменные договоры (в том числе купчие, меновые записи) о передаче имущества, в том числе земельных участков³⁶². соглашение о пожизненном уходе если такие соглашения были заключены при жизни владельца имущества. Волостные и сельские суды, как правило, признавали юридическую силу подобных договоров.

Примером тому может служить дело, рассмотренное Игнатьевским волостным судом Богородского уезда в 1914 г³⁶³. В ноябре 1914 г. Петр Егоров Конов подал иск против своего зятя Сидора Лазарева Микулина с требованием признать за собой право наследования имущества своего умершего отца, Егора Денисова Конова, скончавшегося в 1908 году. Петр утверждал, что имущество незаконно удерживается Микулиным и должно перейти к нему как к единственному законному наследнику, кроме избы («что касается до избы, оставшейся после отца, то таковая передана при жизни отца в собственность дочери, Марьи Егоровой урожденной Коновой, по муже Микулиной с правом простоять на усадьбе со смерти отца двенадцать лет»³⁶⁴).

Микулин, в свою очередь, предъявил волостному суду «условие» (договор), составленное за несколько дней до смерти Конова-старшего, в котором последний передавал Микулину «дом и сени и со всеми пристройками и земельный надел на одну душу»³⁶⁵. Взамен зять обязывался содержать наследодателя до конца жизни и похоронить его по христианскому обряду. Документ был подписан несколькими

³⁶¹ См., Митрофанов Т. С. Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 160. - № 3. – 2018. – С. 643-655.

³⁶² См., Покровский Н.Н. Купчие, данные и меновые грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV - первой четверти XVI в. - Б.м., 1967. – С. 83-86.

³⁶³ Гражданское дело Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 23 декабря 1914 г// ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.40. Л. 1-7.

³⁶⁴ Там же. Л.3.

³⁶⁵ Там же.

свидетелями и удостоверен волостным правлением. Конов оспаривал действительность этого соглашения, утверждая, что отец на момент его подписания находился в бессознательном состоянии и не мог выражать свою волю, а подпись за него поставил другой крестьянин. Однако имелась запись о том, что спустя семь лет после смерти отца (в 1915 году) он подписал добровольный отказ от претензий на имущество в обмен на 25 рублей, ссылаясь на «милость», обещанную ему в случае болезни.

Волостной суд, действуя в рамках правового обычая, с высокой вероятностью встал бы на сторону Микулина как лица, обеспечившего содержание покойного и фактически вступившего в наследование, хотя в материалах дела судебное решение отсутствует. В деятельности волостных судов правовой обычай играл роль не вспомогательного элемента, а фактического регулятора наследственных и имущественных отношений в крестьянской среде исходя из принципа общинной справедливости.

Кроме того, материалы дел, рассмотренных Синьковским волостным судом Дмитровского уезда в 1915 г. отражают тенденцию, при которой при наследовании по обычаю переход имущества не считался автоматически состоявшимся: даже при отсутствии спора наследники обращались в волостной суд с прошением об утверждении их в правах наследования³⁶⁶. Получается, что лишь вынесенное волостным судом решение придавало их правам юридически признанный и оформленный характер; так, к наследованию по обычаю относятся дела №№ 19, 23, 24, 25, 27, 35, 37, 40, 46, 64, 65, 100, 107, где Синьковский волостой суд утверждал наследников на основании посемейных списков и отсутствия иных претендентов. Кроме того, имеется пример обращения в этот суд при наследовании по завещанию - дело № 20, в котором основанием для утверждения в правах наследства послужило ранее оформленное и духовное завещание, утвержденное Московским Окружным Судом 11 Декабря 1914 г.³⁶⁷.

³⁶⁶ Гражданские дела. Книга для записи решений Синьковского волостного суда за 1915 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 1891. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-70.

³⁶⁷ Там же. Л. 37.

Рассматривая данное дело с точки зрения правового обычая можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, обычное право признавало соглашения о передаче имущества в обмен на содержание, своего рода выкуп имущества другим лицом, не принадлежащим к роду³⁶⁸. Такие сделки носили характер взаимных обязательств: имущество передавалось не просто как наследство, а как плата за уход и похороны (аналог договора пожизненного содержания с иждивением, который появился в российском праве только с принятием нового гражданского законодательства³⁶⁹). Во-вторых, волостной суд, как правило, ориентировался на «действительность по существу», а не на формальные аспекты. При наличии свидетелей, подтверждающих заключение договора, а также при отсутствии немедленных возражений со стороны других родственников, такие документы считались действительными. В этом деле условия сделки были удостоверены волостным правлением, имелись свидетели. В-третьих, с точки зрения обычного права, важным критерием наследования выступала фактическая принадлежность к хозяйству и участие в его ведении, а не только формальное родство. Сидор Микулин, проживая с тестем, ухаживая за ним и выполняя обязанности, связанные с хозяйством, приобретал моральное и правовое основание для получения имущества, согласно традициям крестьянского права, сам же Петр в иске пишет, что после смерти отца все время находился «по делам службы в городе Астрахани»³⁷⁰.

В другом случае на основе архивных документов можно реконструировать еще один из примеров договора, по своей юридической природе близкого к современному договору пожизненного содержания с иждивением. Ситуация сформировалась в переходный период 1917–1918 гг., на стыке дореволюционного и формирующегося советского правопорядка. Хронологически исходной точкой

³⁶⁸ См., Мейер Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. - 3-е изд., испр. согласно определениям новейшего законодательства - Санкт-Петербург: Н. Тиблен, 1864. – § 55.

³⁶⁹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. –М.: Статут, 2011. – С. 312.

³⁷⁰ Гражданское дело Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 23 декабря 1914 г// ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.40. Л. 1-7.

выступает соглашение от 1 января 1917 г., заключенное крестьянкой Марией Матвеевой Суздальной с племянником В. А. Пономаревым³⁷¹. По его условиям недвижимое имущество (жилой дом с пристройками и усадебный участок с садом) передавалось приобретателю, однако с существенной оговоркой: до смерти отчуждательницы имущество сохраняло статус ее собственности. Взамен Пономарев принимал на себя комплекс обязанностей личного характера - «покоить и кормить»³⁷² Суздальеву до конца ее жизни, а также обеспечить погребение за свой счет. Указанная конструкция свидетельствует о сочетании элементов отчуждения имущества с условием обременения в виде содержания, что типологически соответствует модели пожизненного содержания с иждивением.

Смерть Суздальной, последовавшая в тот же день (1 января 1917 г.), актуализировала вопрос о реализации договорных условий и трансформации фактического владения в юридически оформленное право. Уже в 1918 г., в условиях институциональной перестройки судебной системы, Пономарев обращается в волостной суд с просьбой об утверждении его в правах наследства (протокол № 12 от 25 марта 1918 г.). Данное обращение характерную для переходного периода: несмотря на наличие договора, заявитель вынужден использовать наследственно-правовой механизм для легитимации приобретения и устранения правовой неопределенности.

Повестка Чулковского волостного суда от 15 мая 1918 года назначала разбирательство на 21 мая, что свидетельствует о формализации процедуры судебного признания прав и фиксирует дальнейшее развитие ситуации. Расписка начала мая того же года представляет особый интерес: Пономарев добровольно расширил объем своих обязательств, приняв на себя содержание сестры (дочери Суздальной)³⁷³. Первоначальный договор трансформировался в более широкую систему семейно-имущественных обязательств, которая опиралась на обычно-

³⁷¹ Гражданское дело б/н Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 21 мая 1918 г // ЦИА Г.. Москвы. Ф.2365. Оп.1. Д. 195. Л. 1-5.

³⁷² Там же. Л. 4.

³⁷³ Там же. Л. 3.

правовые представления о семейной поддержке. Документы показывают, что в переломный исторический момент договоры рассматриваемого типа продолжали функционировать, а их правоприменение обеспечивалось через адаптацию к новым судебным процедурам.

В крестьянской практике объектом наследования и судебной защиты выступали не только земельные наделы и усадебная недвижимость, но и движимые вещи, обладавшие хозяйственной или семейно-имущественной ценностью. Например, в 1868 году Царицынским волостным судом было рассмотрено обращение крестьянина деревни Марьиной Ивана Семенова о возврате имущества - холодника (женская одежда, надеваемая поверх сарафана, имеющая ценность как приданное³⁷⁴), которым ранее пользовалась его покойная племянница - жена крестьянина села Борисова Ивана Данилова. Семенов утверждал, что, согласно решению Коломенского волостного суда от 2 мая того же года, Данилов признал, что заложил холодник у частных лиц, обязался выкупить и вернуть просителю. Однако Царицынский суд, перепроверив обстоятельства и выслушав объяснения ответчика, установил, что письменного подтверждения этого обязательства не существует, а сам Данилов отрицает факт такой договоренности. Более того, суд учел, что имущество оставалось во владении и пользовании покойной жены ответчика в течение шестнадцати лет их брака и фактически перешло в его хозяйство. В связи с этим волостной суд постановил отказать в иске Ивана Семенова³⁷⁵.

Решением Царицынского волостного суда закреплено применение норм обычного права, когда длительное совместное владение и пользование имуществом воспринималось как основание для признания имущества частью домохозяйства мужа. Поскольку письменная расписка отсутствовала, а свидетельские показания, подтверждающие факт обещания передачи имущества,

³⁷⁴ Шангина, И. И. Русский традиционный быт. Русский костюм XVIII - начало XX в.в. [Электронный ресурс]. – URL: <https://abramichi.ru/odezhda/odezhda.php#101> (дата обращения - 30.01.2025).

³⁷⁵ Гражданское дело № 25. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 30 декабря 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.7. Л. 22-24.

не были представлены, суд отказался признать обязательство ответчика. Выводы волостного суда согласуются с устоявшейся практикой, в основе которой лежит принцип фактического владения, давности и сохранения хозяйственной целостности семьи.

Волостные суды, формируя практику применения обычаев в наследственных делах, поддерживали устойчивость крестьянского правопорядка. Опора на местные традиции позволяла разрешать наследственные споры с учетом трудового вклада, фактической принадлежности к семье и внутренней справедливости, понятной крестьянской среде, – и все это без лишнего формализма. В решениях волостных судов Московской губернии отчетливо прослеживается отстаивание прав наследниц, что контрастировало с более распространенным по стране принципом наследования исключительно лицами мужского пола. Такая локальная практика способствовала легитимации обычаев, основанных на принципах фактического владения, давности и сохранения хозяйственной целостности семьи в качестве действующего права, восполняя пробелы, присутствовавшие в официальном законодательстве.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы:

- основополагающим элементом крестьянского правосознания выступала концепция «двора» как неделимой социально-хозяйственной единицы. В судебной практике это отражалось в признании приоритета коллективного пользования землей над индивидуальным наследованием. Волостные суды и сельские сходы в своих решениях прямо указывали, что земельный надел должен оставаться в постоянном пользовании семьи, фактически проживающей в данном дворе. Таким образом, преемственность ведения хозяйства и сохранение целостности «двора» в глазах судей и общины имели большее значение, чем формальные права претендентов, не участвующих в жизни конкретного домохозяйства;

- в распределении имущественных прав решающее значение имел трудовой принцип, который зачастую вступал в противоречие с государственными нормами о равном наследственном распределении. Судебные дела демонстрируют, что крестьянский обычай признавал наиболее рациональным такой раздел, при

котором основная часть имущества оставалась за тем, кто «остается на старом корню». Это позволяло сохранять жизнеспособность хозяйства как единого комплекса. При разрешении споров волостной суд учитывал степень реального трудового участия членов семьи в формировании общесемейной собственности и рассматривал раздел имущества как вынужденное исключение из общего правила неделимости;

- обычное право жестко закрепляло приоритет прямой кровной связи в вопросах наследования, и эта установка отчетливо проявлялась в спорах между детьми умершего и его боковыми родственниками. Ответчики нередко пытались обосновать свои притязания фактом длительного владения землей, однако волостные суды последовательно выносили решения в пользу детей, признавая также права вдов. Суды исходили из нормы, согласно которой надел и усадьба переходят к ближайшим наследникам. Статус наследника при этом подтверждался не документами, а самой принадлежностью к семье и признанием со стороны общинного коллектива;

- крестьянский правопорядок отличался устойчивой практикой устной передачи прав и перераспределения имущества внутри семьи. Гражданский оборот в деревне оставался слабо формализованным, поэтому волостной суд брал на себя посредническую функцию: при разрешении споров он опирался на свидетельские показания и мнение авторитетных членов общины, будь то сельский учитель или староста. Формально-юридические требования отступали на второй план перед фактическим пользованием имуществом и его признанием со стороны «мира», которые суд считал более весомым доказательством законности притязаний. Такой подход превращал обычай в гибкий инструмент, способный обеспечивать социальную справедливость применительно к конкретным условиям деревенской жизни;

- трансформация крестьянского права в начале XX века (вплоть до 1917 года) обнажила глубокую коллизию между традиционным укладом и наступающим формально-юридическим подходом. Судебная практика этого периода отличалась переходным характером. Суды все чаще признавали приоритет нотариальных

завещаний и письменно оформленной воли, однако обычай продолжал активно влиять на аргументацию сторон, определять процессуальное поведение участников споров и сохранять свое присутствие в судебных приговорах. Идеи коллективного наследования и приоритета фактического труда оставались значимыми даже в условиях усиления государственного контроля.

Крестьянское наследственное право в конце XIX века обнаруживало исключительную устойчивость к унификации, поскольку отражало реальный уклад жизни и общинные представления о справедливости. Волостная судебная практика Московской губернии показывает, что обычай служил защитным барьером, препятствовавшим проникновению в крестьянскую среду отдельных модернизированных начал писаного права. Архивные дела более позднего периода фиксируют иную тенденцию, характерную для начала XX века: имущественная самостоятельность женщин постепенно укреплялась, и крестьянки все активнее обращались в суд для защиты своих интересов. После столыпинской реформы обычно-правовое регулирование уступало место приоритету законодательных норм, а местные правовые традиции размывались.

2.3. Роль правового обычая при разрешении споров по земельно-правовым вопросам, рассматривавшихся в волостных судах³⁷⁶

Земельный вопрос неизменно занимал центральное место в российской истории: он определял социально-экономическое развитие страны, влиял на формирование правовых институтов, обеспечивал политическую и экономическую

³⁷⁶ При написании данного параграфа использовались следующие работы автора: Мелентьев А. В. Правовой обычай в деятельности волостных судов Московской губернии при рассмотрении земельных споров во II пол. XIX – нач. XX в. / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, Д. А. Оспанова, Р. М. Жиров // Былые годы. – 2025. – № 20(3). – С. 1428-1437.; Мелентьев А. В. Обычное право в системе правового плюрализма: регулирование земельных отношений волостными судами Московской губернии / А. В. Мелентьев // Развитие правовых систем России и зарубежных стран проблемы теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 04 марта 2026 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2026. – С. 37-42.;

устойчивость. Кроме того, в экономике земля считается основным экономическим ресурсом и фактором производства³⁷⁷. В дореволюционной России земля была главным ресурсом и основным средством производства, поэтому в различные исторические периоды до 1917 года владение и использование земельных ресурсов было ключевым фактором, влияющими на отношения между государством и населением³⁷⁸. Земля являлась основой социального устройства страны, определяя пределы власти царя, помещиков и степень закрепощения крестьянства. «Для русского человека земля - это особый объект, бесценное достояние. Народ России отстаивал в кровавых войнах право не только на свободу и независимость, но и на свою землю»³⁷⁹. Нерешенные земельные вопросы вызывали протесты и акты неповиновения крестьянства Московской губернии накануне и во время крестьянской реформы³⁸⁰.

После реформирования в 1775 году Московская губерния территориально делилась на пятнадцать уездов, после реформ Павла I 1796 года было упразднено 5 уездов, три из которых восстановлены в 1802 (Богородский, Бронницкий, Подольский). На момент принятия Положения 1861 г.³⁸¹ Московская губерния состояла из следующих административно-территориальных единиц. Тринадцать уездов (Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Московский, Можайский, Подольский, Рузский, Серпуховский, Коломенский) представляли собой основные административные единицы. Московский уезд имел особый статус, так как включал в себя сам город

³⁷⁷ Хлопцов Д.М. Земельный вопрос в экономической теории: рента и ее понимание в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - №323. - С. 307-311; Хлопцов Д.М. Земельные отношения в России: трансформация и механизм регулирования: автореф. дис. ... доктора экон. наук. - Томск, 2010. - С. 5.

³⁷⁸ Кухтин П. В. Роль земельных ресурсов в государственной экономической системе// Вестник евразийской науки. – 2014. - № 2 (21). - С. 50.

³⁷⁹ Аверьянова Н. Н. Понятие и цели формирования конституционно-правовых основ регулирования земельных отношений в Российской Федерации// Юристь – Правоведь. – 2018. - № 3 (86). – С. 7.

³⁸⁰ См., Гудошников М. Я. Крестьянское движение в Московской губернии в 1856-1863 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Москва, 1991. – 17 с.

³⁸¹ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года// Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. - Отд. IV. - № 36657.

Москву, являвшийся центром губернии. Также к Московской губернии относился один безуездный город (Воскресенск) и два посада (Сергиевский и Павловский)³⁸². Благодаря современным технологиям в настоящее время имеется возможность увидеть картографическое изображение отдельных административных единиц губернии³⁸³.

Каждый уезд включал в себя несколько волостей и населенных пунктов. Волость являлась низшей административной единицей и выполняла функции местного самоуправления. Сельские общины (миры) внутри волостей состояли из нескольких деревень или селений.

Московская губерния отличалась от остальных губерний Российской империи по нескольким ключевым параметрам. До переноса столицы в Санкт-Петербург в 1703 год Москва была главным политическим и административным центром государства, сохранив особый статус как историческая столица, крупнейший культурный и экономический центр, имевший высокий уровень образованности населения³⁸⁴.

Так, исследователи отмечают, что Московская губерния была одной из самых развитых в промышленном отношении. Она характеризовалась быстрыми темпами «агротехнического прогресса и интенсификации крестьянского сельхозпроизводства, сравнительно высоким уровнем, его товарности и рыночной специализации, чрезвычайной стратифицированностью сельского населения, отличавшегося также повышенной социальной мобильностью, миграционной активностью, более высоким уровнем предприимчивости и общей культуры»³⁸⁵.

³⁸² См., Московская губерния - Большая российская энциклопедия - электронная версия – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232827 (дата обращения - 30.01.2025).

³⁸³ См., Московская губерния | Все | Губернии – URL: <https://raremaps.ru/vse/moskovskaya-guberniya.html> (дата обращения - 30.01.2025).

³⁸⁴ Карнишина Н. Г. Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2(26). – С. 11.

³⁸⁵ Виноградов М. А. Крестьянское самоуправление в России 1889-1914 гг. (по материалам Московской губернии): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Москва, 2009. – С. 3.

В Московской губернии плотность населения была значительно выше, чем в большинстве других регионов Российской империи в силу ее центрального положения, удобного географического расположения и климатических преимуществ. Помимо самой Москвы, здесь находились крупные уездные города (Коломна, Серпухов, Дмитров и др.), а также многочисленные фабрично-заводские поселки. В отличие от большинства других губерний, где преобладало сельское хозяйство, в Московской губернии активно развивались текстильное производство (особенно в Богородском, Серпуховском и Коломенском уездах), металлургия и машиностроение (в самой Москве и ее окрестностях), купечество и торговля – Москва была крупнейшим центром индустриализации страны³⁸⁶.

Московская губерния также была узловым центром транспортной системы Российской империи, так как считалась главным пересечением дорог и водных путей (Москва-река, Ока и Волга играли важную роль в торговле). Москва при этом оставалась крупнейшим научным и образовательным центром, сосредоточившим ведущие учебные и культурные учреждения – Московский университет, основанный в 1755 году, многочисленные гимназии, училища, духовные школы, библиотеки, театры и типографии. Московская губерния выделялась среди прочих регионов развитой инфраструктурой, экономическим потенциалом, культурным влиянием и административным весом, а также большей мобильностью населения.

Реформа 1861 года задумывалась как инструмент модернизации аграрного сектора, однако ее последствия оказались противоречивыми. Выкупные платежи легли тяжелым бременем на освобожденных крестьян, а нехватка земельных наделов породила новые очаги социального недовольства. Параллельно сохранялась крестьянская община, которая на протяжении столетий регулировала землепользование через устоявшиеся обычаи и тем самым поддерживала относительную устойчивость отношений внутри крестьянского мира.

³⁸⁶ Романов А. А. Предпосылки превращения Московской губернии в индустриальный центр Российской империи // Вестник университета. – 2015. – № 6. – С. 368.

Советская коллективизация радикально преобразила аграрный уклад: частная собственность на землю перестала существовать, а крестьянские хозяйства влились в колхозы и совхозы. Эта трансформация определила облик сельского хозяйства на многие десятилетия, разрушив при этом традиционные практики земледелия и спровоцировав острую нехватку продовольствия³⁸⁷. Современные земельные реформы восстановили институт частной собственности на землю, появились новые формы землевладения. Однако вопросы рационального и разумного регулирования земельных отношений продолжают оставаться актуальными, поэтому важно исследовать те обычные нормы, которые выработаны в течение длительного времени и на которые ссылались волостные суды в своей деятельности.

С учетом того, что многие дела, разрешаемые волостными судами, оканчивались миром, особо ценными представляются дошедшие до нас архивные источники. Анализ традиционных практик землевладения и землепользования позволит выявить их влияние на современную правовую и экономическую систему³⁸⁸. А их изучение помогает совершенствовать законодательство, учитывая исторический опыт правоприменения теми слоями населения, которые были непосредственно задействованы на земле и заинтересованы в рациональном землепользовании.

Принципы коллективного землевладения и общинного самоуправления повлияли на развитие кооперативных форм хозяйствования, на законодательство, регулирующее коллективное землевладение и сельскохозяйственные объединения в виде артелей, коллективных и совместных хозяйств, кооперативов³⁸⁹. К основным

³⁸⁷ См., Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сборник статей / Под ред. канд. ист. наук В. П. Данилова. - Москва: Госполитиздат, 1963. - 560 с.; Чинчиков А. М., Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917-1969), М., 1971.

³⁸⁸ См., Кочешков Г. Аграрный вопрос в политике правительства (март - октябрь 1917 года) // Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 2. – С. 46-51.

³⁸⁹ Пестриков С.А. Природа возникновения кооперативных образований в аграрном секторе и их роль в социально-экономическом развитии экономики// Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. - № 3. – С. 259.

идейным началам в аграрной сфере следует отнести принцип добросовестного владения, уважение фактического владения землей, что легло в основу современных норм гражданского права о добросовестном приобретении недвижимости³⁹⁰.

Применялись традиционные формы аренды, например, «издольщина», «испольщина» (передача земли в пользование за часть урожая или его половину)³⁹¹. Современные нормы об арендных земельных отношениях имеют тесные корни «из провозглашенных законов»³⁹², основанных на обычаях пользования за определенную плату («право сдавать принадлежащее нам и брать внаем чужую собственность; и тот, кто берет внаем, обязан вносить плату сдающему; тот же, кто сдает, обязан предоставить вещь такой, чтобы другой мог ею пользоваться и извлекать доход»³⁹³). Данные принципы сохранились в современных моделях аграрного предпринимательства.

Статус крепостных крестьян обычно определяют через прикрепление к земле и связывают «с широким распространением поместной системы»³⁹⁴, то есть под крепостными понимаются крестьяне, принадлежащие помещикам. Но, полагаем, что закрепощенными следует считать всех несвободных крестьян, не имеющих собственных наделов до реформы 1861 года. Например, Г.И. Вернадский отмечает, у помещичьих и дворцовых крестьян «фактическое положение мало чем различалось»³⁹⁵. И.А. Исаев включает в категорию крепостных всех крестьян,

³⁹⁰ См., Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – С. 523-524.

³⁹¹ Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. - Москва: «Советская Энциклопедия», 1969-1978. - С. 539.

³⁹² Олейникова А. Я. Аренда как движение оборота земельных участков: история и современность // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, Хабаровск, 27–28 ноября 2018 года. – Хабаровск, 2018. – С. 32.

³⁹³ Бороздин С.В. Земельные отношения и аграрные реформы: взгляд неополитизированного экономиста: монография. - Москва, 2002. – С. 100.

³⁹⁴ Кузнецова Е. Н. Правовой статус крестьян и великая реформа 1861 года // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 10

³⁹⁵ Вернадский Г. В. История права. – Санкт-Петербург : Издательство «Лань», 1999. –С. 95.

принадлежавших дворянам или императору³⁹⁶. А.Г. Маньков выделял две формы «прикрепление к земле ... и прикрепление к личности феодала»³⁹⁷.

Исходя из этого, полагаем, что на момент проведения крестьянской реформы 1861 года крестьянское сословие Московской губернии, как и в целом по Российской империи, с юридической точки зрения можно распределить на несколько категорий:

- удельные крестьяне - принадлежали непосредственно императорской семье и управлялись специальным ведомством;
- государственные (казенные) крестьяне, которые принадлежали государству, имели определенную степень самоуправления и несли повинности в пользу казны;
- помещичьи крестьяне, находившиеся в личной зависимости от помещиков, выполнявшие повинности в пользу своего хозяина (барщину и оброк).

В отличие от помещичьих крестьян, удельные и казенные получили земельные участки, которыми пользовались на момент снятия крепостной зависимости «на более легких условиях, чем помещичьи крестьяне»³⁹⁸.

Реформа 1861 года привела к существенным изменениям в составе и положении крестьянского сословия Московской губернии, способствуя его эволюции от зависимого состояния к более самостоятельному и экономически активному слою общества. Региональные изменения в земельном устройстве Московской губернии отражали те глобальные государственные перемены, которые произошли после отмены крепостного права и начало формирования класса свободных землепользователей из помещичьих крестьян. Положение 1861

³⁹⁶ История отечественного государства и права : учебник / отв. ред. И. А. Исаев. - Москва : Проспект, 2012 - С. 230; Исаев И.А. История государства и права России. 4-е изд. - М., 2014. – С. 227.

³⁹⁷ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. - СПб., 2002. - С. 79.

³⁹⁸ Беспалов В. В. Основы истории государственного и военного управления России (с древнейших времен до 2-й Русской революции 1917 года). – Москва, 2012. – С. 124.

г.³⁹⁹ положило начало для дальнейшего освобождения крестьян, и после указов 18 января⁴⁰⁰ и 24 ноября 1866 г.⁴⁰¹ правила крестьянской реформы «распространили свое действие на все категории крестьянского населения в России»⁴⁰²

После реформы 1861 года структура крестьянского сословия изменилась. Бывшие помещичьи крестьяне получили личную свободу и право выкупа земельных наделов, становясь самостоятельными сельскими обывателями⁴⁰³. Государственные и удельные крестьяне также получили возможность выкупа своих наделов, что способствовало формированию единого крестьянского сословия с постепенным стиранием прежних различий⁴⁰⁴. В результате реформы 19 февраля 1861 г. было «легализовано» общинное управление бывших помещичьих крестьян, которое существовало несколько столетий⁴⁰⁵. На первом этапе правительство помимо устройства быта крестьян помещичьих, удельных (1863

³⁹⁹ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, утвержденного 19 февраля 1861 года//Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. -Отд. IV. - № 36657.

⁴⁰⁰ См., Указ от 18 января 1866 г. № 42899 «О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских, а также местных по крестьянским делам учреждений»//Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 1-8. Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири Вып. 2. - 1884. - 309 с.

⁴⁰¹ Высочайший Указ Правительствующему Сенату о поземельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях от 1866 года Ноября 24. // Санкт-Петербург: тип. Второго отд. Собств. е. и в. канцелярии, 1867. – С. 5-14. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543885_21789/ (дата обращения 09.02.2025).

⁴⁰² Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... кандидата юридических наук – Казань, 2023. – С. 153-154.

⁴⁰³ Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина - URL: <https://www.prlib.ru/history/619069> (дата обращения - 02.11.2024).

⁴⁰⁴ См., Александров, В. А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // Вопросы истории. – 1950. – № 10. – С. 86-95.

⁴⁰⁵ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. М.: Наука, 1992. -С. 28; Попов С.А. Законодательная деятельность государства в сфере крестьянского самоуправления и управления во второй половине XIX - начале XX века// Грамота. – 2011 - Часть 1 - № 8 (14). – С. 159.

г.⁴⁰⁶) и государственных (1866 г.⁴⁰⁷) стремилось унифицировать их правовое положения, закрепить основы общинного самоуправления и включить крестьянство в единую систему административного и судебного управления.

Вопросы окончательного земельного устройства государственных крестьян не были решены в ходе первого этапа крестьянской реформы. Процесс их наделения землей и установления налоговых обязательств оставался предметом обсуждения в министерских кабинетах еще несколько лет. Эти правила пересматривались после принятия основного указа 1866 года, по которому первоначально бывшим государственным крестьянам полагалось по пятнадцать десятин земли «на ревизскую душу». По закону от 31 марта 1867 года⁴⁰⁸, регламентировавшему порядок составления и выдачи владенных записей государственным крестьянам, документы на землю должны были быть оформлены и переданы крестьянам в течение двух лет и лишь в четырнадцати губерниях. Проблема осложнялась тем, что в разных регионах империи поэтапно проводилась работа кадастровых комиссий для учета всех земель под руководством министра государственных имуществ П. Д. Киселева.

Однако до полного выкупа земли крестьяне оставались «временнообязанными»⁴⁰⁹ и продолжали выполнять повинности в пользу бывших владельцев⁴¹⁰, сохранили ряд обязанностей, связанных с их прежним крепостным

⁴⁰⁶ См., Высочайше утвержденное Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных: № 39792 от 26 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. -Т. XXXVIII.

⁴⁰⁷ См., О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений: высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 42899 от 18 января 1866 г. // ПСЗРИ. -СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. Собрание II. -Т. XXI.

⁴⁰⁸ См., Правила для составления и выдаче государственным крестьянам владенных записей от 31 марта 1867 г. // ПСЗРИ. - Собр. 2. - Т. 42. - № 44418.

⁴⁰⁹ Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий -Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/vikkrep> (дата обращения - 02.11.2024).

⁴¹⁰ См., Исаев А. И. Крестьянская реформа 1861 г // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза,

положением. Временнообязанное состояние означало, что крестьяне продолжали нести повинности перед помещиком (барщину или оброк) до полного выкупа земли. Как известно, после перехода на выкуп крестьяне обязаны были выплачивать государству долг за предоставленные им земельные наделы, которые растянулись на сорок девять лет и значительно обременяли крестьян. Получившие личную свободу крестьяне продолжали жить в рамках сельской общины, которая отвечала за сбор налогов, выполнение повинностей и контроль над переделами земли. Крестьяне несли и государственные повинности - платили подушный налог (до его отмены в 1887 году), натуральные и денежные сборы, а также выполняли иные повинности, такие как дорожная и подводная (обязанность предоставлять транспорт для государственных нужд), воинская повинность⁴¹¹.

Таким образом, хотя крестьяне получили личную свободу, экономически и социально они практически до революции 1917 года оставались ограниченными в своих правах из-за выкупных платежей, налогов и сохранения общинного устройства. Крестьянская реформа по некоторым оценкам привела к обнищанию крестьян, так как «средний крестьянский надел в России в период с 1860 по 1880 год уменьшился с 4,8 до 3,5 десятин (почти на 30 %), появилось множество разорившихся крестьян, сельских пролетариев, живших случайными заработками - явление, практически исчезнувшее в середине XIX в»⁴¹².

Указанные социально-экономические противоречия находили свое отражение в повседневной практике разрешения споров, связанных с земельными наделами. Дело Спиридона Петрова Карзанова, рассмотренное в 1895 году, отражает характерный для крестьянского землепользования конфликт, возникавший при возвращении владельца к постоянному проживанию в деревню

21–22 апреля 2023 года / Под научной ред. А.В. Яшина, Н.В. Цвяткова, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза, 2023. – С. 65.

⁴¹¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. - М.: Мысль, 1987-1990. <https://bibliotekar.ru/rusKluch/86.htm> (дата обращения: 12.10.2024).

⁴¹² Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). - 2-е изд. - Л.; М.: Книга, 1928. - Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века. – С. 45-46.

после длительного отсутствия⁴¹³. Из его прошения земскому начальнику от 7 июня 1895 г. следует, что около пятнадцати лет назад Карзанов покинул деревню Юдино, передав свой полевой надел сельскому обществу «дабы он не оставался праздным»⁴¹⁴, при этом исправно уплачивая оброк. После возвращения в деревню три года назад он неоднократно требовал восстановить за ним прежний надел и предоставить усадебное место надлежащего размера. Однако общество возвратило ему лишь небольшой участок усадебной земли («15 аршин поперечнику») в неудобном месте (на «ложке»⁴¹⁵), а полевой надел на одну душу возвращать отказалось.

Материалы записи схода от 29 августа 1895 г., подписанные тридцатью домохозяевами деревни Юдино, свидетельствуют, что дело получило обсуждение на сельском собрании, где был избран уполномоченный для представления интересов общества. Передача прошения Карзанова в Игнатьевский волостной суд 8 июня 1895 г. (в порядке ст. 15 и 22 Временных правил о волостном суде) подтверждает, что спор рассматривался как дело о праве пользования надельной землей, а не как обычный имущественный спор. При этом право на возвращение прежнего полевого надела сохранялось за владельцем при условии его участия в общинных повинностях и своевременной уплаты оброка, даже если надел временно передавался обществу в пользование. Сельская община рассматривала землю как часть коллективного фонда, перестающего быть индивидуально закрепленным при длительном отсутствии хозяина, однако при возвращении крестьянина вопрос должен был решаться на сходе, с соблюдением принципа публичности и участия всех домохозяев.

В русской деревне основой справедливости считался принцип равенства, который проявлялся в различных материальных вопросах. Трудовая деятельность имела первостепенное значение для крестьянства, так как именно труд определял

⁴¹³ Гражданское дело № 79 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 6 сентября 1895 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.73. Л. 1-7.

⁴¹⁴ Там же. Л.2.

⁴¹⁵ Лог – См. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=15061> (дата обращения – 23.01.2026).

имущественное благосостояние семьи и ее возможности для выживания. Крестьянская обычно-правовая система опиралась на трудовое начало, что означало, что право на использование земли и ее плодов напрямую зависело от трудовой деятельности владельца. Земля воспринималась не как товар, а как средство существования, требующее постоянного ухода и вложения сил. Волостной суд, исходя из действовавшего принципа «решаем, глядя по человеку и по хозяйству»⁴¹⁶, учитывал отношение участников процесса в их отношении к труду и степень вложенного труда.

Именно труд определял, насколько крестьянин сможет обеспечить свою семью, выплатить налоги и справиться с выкупными платежами после реформы. Трудовое начало в русском народном праве подчеркивалось А. Я. Ефименко, на труд крестьяне смотрели как на единственный источник собственности⁴¹⁷. Таким образом, труд был основным фактором социальной и экономической стабильности крестьян, поскольку именно он обеспечивал возможность жить и развиваться в новых условиях.

Например, гражданское дело Павловского волостного суда по иску крестьянина деревни Борисково Филиппа Кириллова Гривенникова к Борисовскому крестьянскому обществу о предоставлении ему земельного надела «на две души» 1906 года касается нарушения норм землепользования⁴¹⁸. Истец ссылаясь на два ранее принятых приговора сходов (от 29 мая 1902 года и 7 мая 1903 года), которыми общество обязывалось выделить ему соответствующий надел. Однако к моменту обращения в суд обязательства исполнены не были, что формально означало нарушение общинной нормы, согласно которой решение схода, будучи коллективно обязательным, подлежало реализации и не могло произвольно откладываться. Производившееся во исполнения поручение земского

⁴¹⁶ Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века): монография / В. Б. Безгин. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – С. 187.

⁴¹⁷ См., Ефименко А. Я. Исследования народной жизни Вып. 1-. Обычное право / 24. - Москва : В.И. Касперов, 1884. – С. 136-137.

⁴¹⁸ Гражданское дело Павловского волостного суда Звенигородского уезда от 28 августа 1906 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 986. Оп.1. Д.2. Л. 1-8.

начальника волостным старшиной дознание выявило мотив отказа общества: крестьяне заявили, что Гривенников «постоянно живет в Москве, землю не обрабатывает и намерен сдать ее в аренду»⁴¹⁹, а потому «в землепользовании надобности не имеет»⁴²⁰. Эта аргументация полностью соответствует традиционному крестьянскому обычаю, согласно которому право на земельный надел не является абсолютным индивидуальным правом, а обусловлено фактическим ведением хозяйства, личным трудом и проживанием в обществе; а отсутствие регулярного трудового участия в сельскохозяйственной деятельности рассматривалось как основание для отказа в наделении землей, поскольку общинная земля предназначалась для обеспечения жизнеспособности хозяйства домохозяина. Тем самым община, отказав Гривенникову в выделе надела, своими действиями вступила в противоречие с собственными ранее вынесенными приговорами 1902 и 1903 годов, что и привело крестьянина в волостной суд.

Обычай играл важную роль в решении земельных споров среди крестьян, поскольку формально закрепленные правовые нормы часто пересекались с традиционными представлениями о владении землей, о справедливом отношении к землевладельцам, основаниях прав на землю. Официальное законодательство российской империи накладывало ограничения, связанные с особым статусом наделов, а в рамках обычного права большое значение имела общинная и семейная собственность.

Спор крестьянина Василия Егорова Забалуева к Михаилу Александрову Забалуеву, Ивану Степанову Забалуеву и Федору Савельеву Розанову о разделе земельного надела, рассмотренный в Игнатьевском волостном суде 1914 года, представляет собой типичный пример обращения крестьян к своему суду за подтверждением и перераспределением прав на землю⁴²¹. Из первоначального заявления от 13 июня 1914 г. следует, что истец просил волостное правление

⁴¹⁹ Там же. Л.3.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Гражданское дело № 531 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 8 ноября 1914 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.72. Л. 1-2.

произвести «форменный раздел земли между четырьмя лицами». Его формулировка отражает важный элемент обычного права: несмотря на то, что земля оформлена в личное владение, крестьяне фактически продолжали руководствоваться традицией совместного владения и обращались к суду для подтверждения прав участников доли. Назначение многочисленных повесток (15 июня, 29 июля, 18 октября 1914 г.) показывает, что суд стремился соблюсти традиционный принцип участия всех долеви́ков. То обстоятельство, что часть соучастников (Михаил Александров и Иван Степанов) передали нотариальные доверенности, свидетельствует о признании ими следующего порядка – раздел должен идти не в индивидуальном порядке, а только через утверждение общим судом волости.

Согласно крестьянскому обычаю, раздел земли не мог состояться в отсутствие одного из участников, так как наделный участок воспринимался как часть семейно-родового фонда, а его перераспределение должно было производиться публично, в присутствии либо самих владельцев, либо их доверенных лиц. Содержание документов показывает, что волостной суд не приступал к разделу земли, пока не убедился, что все лица извещены, что также являлось проявлением обычая совместного решения земельных вопросов. Упоминание о том, что земля «имеющаяся у нас на четыре лица... утверждена в личную собственность»⁴²², не отменяло фактической общинной природы владения: личная собственность понималась крестьянами преимущественно как право пользования, а не как право свободного отчуждения.

Обращение Забалуева через фабричную администрацию (он значился «проживающим на фабрике Саввы Морозова»⁴²³) отражает социальную трансформацию крестьянства начала XX века. Владение наделной землей сохранялось за теми, кто выбыл на заработки в город, однако их права регулировались обычным правом, а не гражданским. Отсюда следовало участие в

⁴²² Там же. Л.1.

⁴²³ ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.72. Л. 1.

волостных разбирательствах лично или через доверенности; суд последовательно поддерживал этот порядок, направляя повторные вызовы через пристава, полицейского надзирателя и волостное правление. Даже в 1914 году, когда надельная собственность формально признавалась личной, волостные суды руководствовались крестьянским обычаем коллективного управления землей. Волостной суд выступал скорее арбитром, обеспечивающим соблюдение глубинных норм сельской общины, чем правоприменительным органом в строгом смысле: он настаивал на публичности разбирательств, на совместном принятии решений, на признании традиционного порядка землепользования и на невозможности одностороннего изменения границ или долей. Это подтверждает устойчивость обычного права в сфере землепользования, несмотря на формальную эволюцию законодательства и социально-экономические изменения в деревне после начала Первой мировой войны.

В силу малограмотности и отсутствия знания писанных законов, а также в силу общей специфики прав на землю в России до 1917 года крестьяне не разделяли правовые категории собственности на землю. Это подтверждают документы волостных судов, из которых нередко невозможно определить, идет ли речь о полном праве собственности или лишь о праве временного пользования земельным наделом. Так, например, крестьянка Любовь Лаврентьевна Кривошеина июля 17 дня 1913 г. подала жалобу в Усмерский Волостной Суд Бронницкого уезда против Кладьковского сельского общества. Она требовала возврата земельного надела – «душевого надела»⁴²⁴. Кривошеина в словестной жалобе утверждает, что ее сын был освобожден от повинностей (тягла) в 1907 году, но без официального судебного решения («без приговора»), поэтому она требует от общины вернуть земельный участок. 27 октября 1913 года на общественном сходе крестьян Кладьковой деревни, состоящем из 180 домохозяев, был выбран председатель

⁴²⁴ Протокол сельского схода деревни Кладьковой в Усмерский Волостной Суд Бронницкого уезда Московской губернии от 27 октября 1913 // ЦГА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3.

волостного суда - Мирон Яковлев Фомичев⁴²⁵. Однако итоговое решение о возвращении земельного надела в архивном деле не указано.

Тем не менее, из данных материалов видно, что предметом спора является душевой надел – участок земли, выделенный на одного человека (душу) в рамках крестьянского общинного землевладения. В Российской империи земля, принадлежащая сельским обществам, по обычному правилу распределялась между крестьянами на основе числа мужчин в семье (душ мужского пола). Тяглом, как правило, называлась система государственных и общественных повинностей (налогов, барщины, воинской или иной службы), возлагаемых на крестьян⁴²⁶. Но в данном контексте «сложили с ее сына тягло⁴²⁷» может означать также то, что сельское общество, несущее государственные повинности, без судебного решения изъяло земельный надел сына Л. Кривошеиной, поскольку в словаре Д.Н. Ушакова тяглом также называется земельный надел⁴²⁸.

Еще в одном деле Усмерского волостного суда, рассмотренном 28 октября 1913 г., отражен спор, связанный с распределением податных и трудовых повинностей («тягла»). Крестьянин Савин Нифонтов оспаривал слишком раннее наложение тягла на его несовершеннолетнего сына и, ссылаясь на длительную и чрезмерную выплату податей за свое хозяйство (подробно расписано: 1882 г. - 60 руб.; 1882 г. - 55 руб. 60 коп.; 1884 г. - 79 руб. 50 коп.; 1887 г. - 26 руб. 34 коп.; 1890 г. - 24 руб. 54 коп.; 1895 г. - 12 руб. 10 коп.), просил признать за ним соответствующие права на земельный надел. Однако волостной суд, рассмотрев представленные доводы, отказал в удовлетворении прошения «за необоснованностью иск оставить без последствий»⁴²⁹. Полагаем, что отказ суда в

⁴²⁵ Там же. Л.2.

⁴²⁶ См., История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И. А. Исаев. - Москва: Проспект, 2012 - С. 65.

⁴²⁷ Протокол сельского схода деревни Кладьковой в Усмерский Волостной Суд Бронницкого уезда Московской губернии от 27 октября 1913 // ЦГА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁴²⁸ См., Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка : [св. 110 000 слов. ст.] / Д. Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татьянченко. - Москва : Альфа-Пресс, 2005. - 1207 с. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1101201> (дата обращения: 12.02.2025).

⁴²⁹ Гражданское дело № 280 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 10 июня – 28 октября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4.

данном случае может быть объяснен действием местного обычая, согласно которому распределение тягла и связанных с ним повинностей относилось к компетенции сельской общины и закреплялось за двором (хозяйством) в целом, а не за конкретным лицом, вследствие чего само по себе несогласие с возложением тягла на члена семьи или ссылки на ранее произведенные выплаты не рассматривались как достаточное основание для его перераспределения или предоставления дополнительных прав на земельный надел.

Крестьянский обычай допускал сделки с земельными наделами, даже если они не являлись полной частной собственностью продавца. Земля оставалась в распоряжении крестьянской общины, однако существовала практика купли-продажи, несмотря на законодательные ограничения.

Так, в одном деле, рассмотренном Царицынским волостным судом крестьянин Иван Алексеев Песков из села Борисово Московского уезда, Царицынской волости, подал иск против односельчанина Алексея Максимова Короткова. Он требовал изъять у Короткова земельный надел, купленный последним у семьи Головановых⁴³⁰.

В деле имелась расписка от 26 марта 1900 года, выданная Василием Головановым со своим сыном Максимом Васильевичем Головановым крестьянину Алексею Максимовичу Короткову, о том, что они продали ему, Алексею Короткову, за 90 рублей один из двух душевых наделов земли, который будет выделен обществом в 1900 и 1901 годах. Земельный надел включал усадебную, садовую, пахотную, луговую и другую землю, за исключением определенных лугов, право собственности на которые сохраняется за продавцами. Проценты от использования земли по расписке остаются в пользу Головановых. Все мирские подати и обязательные платежи за этот надел обязан выплачивать Коротков, сумма которых составляет 40 рублей. Оставшиеся 300 рублей (видимо, оговоренная общая сумма сделки) должны быть выплачены по условиям договора. Если кто-

⁴³⁰ Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда б/д 1901 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.65. Л. 1-3.

либо из Головановых скончается прежде, чем завершится передача земли, надел земли возвращается Короткову, а из оставшихся средств должна быть выплачена определенная сумма Ивану Никитичу Беликову. По этой расписке «получено денег все сполна 90 рублей», в чем и подписался «за неумение грамоте по моей личной просьбе»⁴³¹ Иван Васильев Голованов.

Царицынский волостной суд рассмотрел представленные документы, в том числе расписку 1900 года о продаже земли Короткову. Суд постановил отказать Пескову в иске как преждевременном, что может означать, что на тот момент у истца не было достаточных оснований для удовлетворения требований.

При этом данное судебное разбирательство показывает, что право распоряжения землей часто основывалось не только на формальных документах, но и на договоренностях внутри общины. Это свидетельствует о том, что при решении земельных споров в волостных судах учитывалось не только писаное право, но и существующие обычаи крестьянского землевладения.

Например, дело 1895 года Елманского волостного суда Можайского уезда о взыскании убытков по иску крестьянина деревни Крокновой Ивана Алексея Зайцева к общине деревни Красновой отражает характерный для конца XIX века конфликт между индивидуальным землевладением и коллективными притязаниями сельской общины⁴³². Согласно заявлениям Зайцева, его отец «приобрел у помощника коновала Ширинского Шорманова Кожуховского земельный участок с усадьбой и полевым наделом»⁴³³, и он сам беспрепятственно владел этой землей около 17 лет, пока сельский сход 25 июня 1892 года не вынес приговор об изъятии участка в пользу общины, мотивируя решение тем, что земля якобы принадлежит «миру». Даже после того, как земский начальник и затем окружной суд в 1893 г. признали такое решение неправомерным и обязали вернуть землю владельцу, община продолжала удерживать участок и препятствовать его

⁴³¹ Там же. Л. 2.

⁴³² Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда от 14 января 1895 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. Д. 14. Л. 1-8.

⁴³³ Там же. Л. 3.

фактическому пользованию, что и стало основанием иска Зайцева в уездный суд о взыскании убытков за ее незаконное использование в размере 255 рублей. Архивные материалы отражают устойчивое представление, согласно которому земля, хотя и могла быть куплена как частное имущество, воспринималась общиной прежде всего как мирской ресурс, не подлежащий отчуждению без коллективного согласия и обязательного участия владельца в несении повинностей и общественных расходов. Сельский сход, руководствуясь именно этой обычной нормой, полагал возможным пересмотреть факт купли-продажи и вернуть участок в состав общинного фонда, поскольку Зайцев, по их оценке, не мог уплатить недоимку и тем самым нарушал традиционный баланс обязанностей домохозяина перед миром. В свою очередь, требование крестьянина к общине о возмещении убытков, расчет которых он производил исходя из стоимости упущенных снопов, мирских сборов и недополученного дохода, также опиралось на обычай, допускавший компенсацию вреда на основании фактического хозяйственного оборота и устоявшихся норм оценки урожая и работ. Волостной суд, руководствуясь сложившейся практикой сельского землепользования, в итоге отказал Зайцеву в удовлетворении требований, фактически подтвердив приоритет общинного обычая, признававшего коллективный контроль над земельным фондом и зависимость индивидуальных прав от участия в общинных обязанностях.

В другом деле речь идет о самовольном захвате земли и применяется так называемый обычай давностного владения. 20 июня 1902 года по указу Его Императорского Величества, Можайский Уездный Съезд в составе председателя и членов суда рассмотрел жалобу крестьянина деревни Юрьевой Василия Федорова на решение Емановского Волостного Суда от 16 февраля 1902 года по делу о наследстве после смерти его отца Федора Семенова⁴³⁴.

Наследница Андрея Семенова, его жена Пелагея Яковлева, заявила, что после смерти мужа осталось имущество, включающее избу (размером 8 аршин) и

⁴³⁴ Гражданское дело б/н Можайского Уездного суда по обжалованию решения Емановского Волостного Суда от 16 февраля 1902 года// ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д.1. Л.1-25.

половину двора, но амбар принадлежал их племяннику Максиму Иванову. Она также пояснила, что изба и двор были перестроены его матерью Саломонидой Дмитриевой, поэтому истец не имеет права на это имущество. Свидетели, в том числе Иванов, подтвердили, что Андрей Семенов действительно воспользовался постройкой Саломониды Дмитриевой, но с ее согласия. Более того, в качестве компенсации он построил новую избу, которая стоила значительно дороже прежней. Таким образом, Василий Федоров не может предъявлять права на это имущество, так как оно было приобретено и улучшено Андреем Семеновым, а значит, должно остаться в распоряжении его наследников.

Суд учел свидетельские показания, а также тот факт, что Василий Федоров не проживал с Андреем Семеновым около двадцати пяти лет и не помогал ему в содержании имущества. Давность владения сыграла важную роль в решении суда, по которому в иске Василию Федорову отказано. Приговор от 16 февраля 16 дня 1902 года Елмановский Волостной Суд в составе председателя А. А. Румянцева и Волостных судей И. Петрова, Я. Кузьмина и К. И. Новикова был вынесен после опроса свидетелей и предложения окончить дело миром. Вызванные по настоящему делу свидетели крестьяне деревни Юрьева Иван Алексеевич и Трофим Иванов (неграмотные) объяснили, что умерший крестьянин Андрей Семенов действительно воспользовался постройкой матери Василия Федорова, Соломаниды Дмитриевой «по ее собственному согласию и Андрей Семенов за старую постройку выстроил новую избу 7 аршин и выстроенная новая постройка стоит гораздо дороже обещанной старой постройки»⁴³⁵. Соответственно «имущество, по которому предъявлен иск, приобретенное Андреем Семеновым и им должна пользоваться жена умершего Пелагия Яковлева».

Волостной Суд приняв во внимание, что что крестьянин Василий Федоров не проживая совместно с Андреем Семеновым около двадцати пяти лет, не помогая ему в средствах, а за взятое имущество у Соломаниды Дмитриевой, выстроил новую постройку гораздо ценнее, а потому постановил: как по недоказанности и за

⁴³⁵ Там же. Л.20.

давностью в иске отказать. Василий Федоров подал Земскому Начальнику 1го участка Можайского уезда через Елмановский Волостной Суд жалобу (апелляцию), утверждая, что суд неправильно оценил показания свидетелей, а также не учел, что его дядя фактически самовольно завладел после смерти его отца Федора Семенова имуществом, включая избу и земельный участок («избу с двором изъять из владения плановое место»). Общая стоимость спорного имущества составляла 300 рублей. Поэтому Федоров требует взыскания этого имущества с наследников Андрея Семенова. Можайский Уездный Суд, рассмотрев обстоятельства дела, установил, что вопрос о самовольном завладении землей Андреем Семеновым рассматривался еще в 1892 году в Емановском Волостном Суде по жалобе Саломониды Дмитриевой (матери истца). Тогда жалоба была оставлена без удовлетворения. Учитывая это, а также другие обстоятельства, решение суда оставлено в силе, а требование истца признано необоснованным.

Из этого дела можно сделать вывод, что в крестьянском праве, применяемым волостными судами, существовал обычай давностного владения, согласно которому длительное беспрепятственное пользование землей или имуществом могло закрепить за владельцем право на него. Этот обычай допускал закрепление права на имущество за тем, кто длительное время пользовался им, особенно если он внес улучшения и не сталкивался с возражениями первоначального владельца.

Поскольку законодательство не устанавливало четких правил для регулирования вопросов пределов и границ земельных наделов, их решение находилось в ведении общины. Обычаями крестьянского землевладения определялось право защиты на пользование землей, однако фактическое правоприменение могло зависеть и от судебных решений, и от способности владельца реально защитить свои права. Внутри общины вопросы частного права фактически не действовали, соответственно в решениях волостных судов следовало искать ссылки на нормы обычного права, сформированного самим крестьянским сообществом.

Во многих случаях равнодушное отношение сельских жителей к границам земельных участков лишь подчеркивает отсутствие частнособственнических

отношений среди крестьянства. Это объясняется историческими особенностями существования общинного землевладения, при котором земля не находилась в личной собственности крестьян, а лишь предоставлялась им в пользование. Община в принципе «служила и своеобразной формой организации сельских обывателей и накладывала серьезный отпечаток на правовую сторону крестьянского быта»⁴³⁶.

Подобный земельный спор о незаконном захвате земельного участка был рассмотрен в конце XIX века в Елмановском Волостном суде. Крестьянин в своей жалобе пишет «моей усадьбой пользуются оба в ширину по 2 сажень..», а «Земскому начальнику вот уже 4 месяца и не получая никакого решения..» - что означает бездействие чиновника, получившего жалобу. Крестьянин деревни Юрьевой Кузьма Дмитриев подал прошение в Елмановский Волостной Суд о восстановлении границ его усадебного владения, которые, по его утверждению, были нарушены его односельчанами Спиридоном Григорьевым и Федором Сергеевым. Дмитриев заявлял, что уже 8 лет ведет тяжбу по этому вопросу и ранее получал решения в свою пользу, но они не были исполнены.

Движение дела по хронологии следующее. Исполнительный лист 1888 года подтверждал право Дмитриева на владение спорной усадьбой и обязывал Григорьева снести постройки в семидневный срок. В 1890 году было принято решение о приведении в исполнение судебного постановления, но оно так и не было реализовано. В 1893 году Дмитриев снова обратился в суд, так как соседи-нарушители продолжали занимать его землю, а решение суда о сносе построек не исполнялись. 11 июня 1893 года земский начальник 1-го участка Можайского уезда передал дело на рассмотрение Елмановского Волостного Суда 2 «на основе 22 и 15 статьи Временных правил о Волостных Судах настоящее дело препроводить на рассмотрение Елмановского Волостного Суда, о чем и объявить крестьянину

⁴³⁶ Белокопытова Н. Ю. Эволюция крестьянского сословия и общинной формы землепользования: теоретико-правовые вопросы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1(80). – С. 181.

Кузьме Дмитриеву»⁴³⁷. Это означает, что чиновник не принял окончательного решения по делу, а лишь направил его на дальнейшее рассмотрение. В жалобе крестьянина используется термин «о неправильном использовании собственно принадлежавшей мне потомственной усадебной землею»⁴³⁸, что говорит об обычном использовании земель, доставшихся по наследству.

Из данного случая можно сделать вывод, что в крестьянской среде фактическое владение землей имело большее значение, чем юридические документы, что объясняет продолжительное сопротивление нарушителей, несмотря на официальные постановления о сносе их построек. Перенаправление дела между различными судебными инстанциями свидетельствует о сложности реализации законных прав крестьян без вмешательства влиятельных чиновников.

Похожее дело Усмерского волостного суда от 2 декабря 1892 г. представляет собой земельный спор между односельчанами о границах усадебных участков. Истец Исай Дорофеев требовал восстановления первоначальных границ своего надела («усадебная земля мерой в 100 сажень», по краям которой были размещены межевые знаки), установленных сельским приговором 1870 г., указывая на самовольный захват восьми сажень его земли соседом Андреем Дикогеновым. Исай Дорофеев настаивал на проверке документов, проведении межевания для возврата спорного участка⁴³⁹.

Схожая ситуация рассмотрена этим же волостным судом 28 октября 1913 г. Дело представляло собой земельный спор между односельчанами о самовольном захвате части усадебного участка, который, однако, не был разрешен судом по существу, поскольку после назначения выездного осмотра и повторного заседания производство было прекращено вследствие неявки истца (вероятно, в связи с примирением сторон)⁴⁴⁰.

⁴³⁷ Гражданское дело б/н Елмановского волостного суда Можайского уезда от 11 июня 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 12. Л. 5.

⁴³⁸ Там же. Л.2.

⁴³⁹ Гражданское дело № 302 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 2 декабря 1892 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.

⁴⁴⁰ Гражданское дело № 187 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 20 апреля – 28 октября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7.

Решения волостных судов по земельным спорам могли затрагивать и смежные вопросы, например, наследования. Так, крестьянка деревни Юрьевой Василиса Федоровна Колесова в ноябре 1902 года обратилась в Елмановский Волостной Суд с прошением против своего дяди о праве владения плановой землей и усадьбой, оставшейся после смерти ее отца: «после смерти моего родителя Федора Семенова в деревне Юрьевой осталась плановая и усадебная земля площадью 27 десятин, которой без моего согласия воспользовался брат моего отца, мой дядя Андрей Семенов»⁴⁴¹. Колесова утверждала, что после смерти отца Семенов построил на этой земле дом и попытался приписать всю землю себе «объединив ее со своим хозяйством», намереваясь в будущем передать ее своему сыну («из-за этого он хочет лишить меня жилья, сада и огорода») ⁴⁴². Она, согласно ранее вынесенному судебному решению, записанному в книге волостного управления, является законным наследником этой земли.

Василий Васильевич Здоров заявил возражения: «заявляю о правах на наследство моего покойного отца»⁴⁴³ на основе решения сельского схода деревни Юрьево от 2 мая 1898 года (№ 7). 31 января 1902 года Елмановский Волостной Суд вынес решение - признал права Василисы Колесовой на спорную землю. Решением суда установлено, что Семенов незаконно завладел землей, подтверждено, что Колесова является законной наследницей, Семенову отказано в праве владения плановой землей, то есть спорная земля с постройками должна быть возвращена Колесовой в установленном порядке.

В данном деле суд применил несколько крестьянских обычаев, связанных одновременно с наследственным правом и землевладением. Так, обычай передачи землевладения по наследству прямым потомкам (дочери) – суд подтвердил, что земля и усадьба передаются по наследству, а права на них принадлежат потомкам умершего владельца. Также суд учел, что все постройки на спорной земле были

⁴⁴¹ Там же. Л.2.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда от 31 января 1902 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 18. Л. 39.

возведены отцом истца, а не дядей (Андреем Семеновым). То есть владение недвижимостью подтверждается не только правовыми актами, но и фактом строительства на данной земле (обычай признания права на возведенную на «усадебной земле» земле усадьбу). На обычное правило учета решений сельского схода в качестве доказательства ссылается ответчик, что указывает на важность решений, принимаемых местным сообществом, при разрешении земельных споров (записи из книги волостного управления).

Волостной суд мог также защищать права временного землепользователя, опираясь на крестьянский обычай защиты арендатора и запрета самовольных действий (самосуда как довольно распространенного явления обычно-правового порядка⁴⁴⁴, хотя и не всегда признаваемого правовой нормой⁴⁴⁵), способствуя сохранению стабильности и порядка в сельском сообществе. Например, в 1893 году Елмановским Волостным Судом рассмотрено дело, которое касается спора между крестьянином села Архангельского, Матвеем Емельяновым, и односельчанином, крестьянином Егором Ивановым, относительно права пользования арендной землей. Матвей Емельянов арендовал землю у крестьянина Тихомирова с 13 января 1893 года по 13 января 1899 года, договорившись на плату в 7 рублей в год, и заплатил арендную плату за весь срок аренды заранее. Однако Егор Иванов, также житель села Архангельского, стал угрожать Емельянову и пытался препятствовать ему в пользовании арендной землей, что вызвало беспокойство у истца. Он сообщил, что слышал угрозы от Ивана, а также опасался за безопасность своего пожилого отца, который проживал с ним.

В связи с этим Матвей Емельянов обратился в волостной Суд с прошением, чтобы суд запретил Егору Иванову мешать ему в пользовании арендной землей. Он также просил суд принять меры по защите от угроз и насилия. 2 мая 1893 года суд заслушал стороны: Егору Иванову и Матвею Емельянову были выданы повестки

⁴⁴⁴ Васев И. Н. Самосуд в крестьянском правовом быту // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2016. – № 12-13. – С. 262.

⁴⁴⁵ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. - М., 1907; Либроком, 2011. - С. 33.

для явки на заседание, где рассматривался вопрос о правомерности притязаний Ивана на землю, арендованную Емельяновым по договору. Суд постановил, что Егор Иванов не вправе вмешиваться в арендные отношения и ограничивать действия Матвея Емельянова, угрозы и вмешательства надлежит пресечь, а Иванову запрещено касаться земель, принадлежащих Тихомирову и находящихся в аренде у Емельянова⁴⁴⁶.

Это дело показало, каким образом местные суды разрешали конфликты между крестьянами по земельным вопросам и правам аренды. Суд установил приоритет защиты законных прав арендатора и подчеркнул обязанность сохранять мир и порядок в общине. В данном споре Елмановский волостной суд применил обычай уважения арендных прав и защиты арендатора, что означает неприкосновенность прав временного владельца в течение всего срока по договору. Суд также защитил арендатора от возможных посягательств владельца земельного участка, подтвердив, что крестьянские порядки предусматривают мирное разрешение конфликтов, а не самовольные действия в одностороннем порядке.

Динамика земельных отношений требовала учета правил, касающихся не только непосредственных прав на земельные наделы, но на применяемые при этом порядки относительно договорных обязательств и финансовых споров, в том числе и с крестьянской общиной. Хотя по статусу общины в отечественном праве существовали разные позиции. Так, К. П. Победоносцев⁴⁴⁷ не считает общину юридическим субъектом, имеющим права и обязанности в отрыве от ее членов. К. Д. Кавелин⁴⁴⁸, Д. И. Мейер⁴⁴⁹, С. В. Пахман⁴⁵⁰, напротив, придают общину признаки

⁴⁴⁶ Гражданское дело Елмановского волостного суда Можайского уезда от 2 мая 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 7.

⁴⁴⁷ См., Победоносцев К. П. Курс гражданского права е. Ч. 1-3. Права семейственные, наследственные и завещательные / 3 т.; 22. - Санкт-Петербург : Синод. тип.. С. 524.

⁴⁴⁸ Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельского хозяйства и быта поселян. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. – С. 63.

⁴⁴⁹ См., Мейер Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. – Санкт-Петербург : Н. Тиблен, 1864. – С. 154

⁴⁵⁰ См., Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. – СПб., 1879. – С. 12.

правосубъектности или даже юридического лица. Результат этих дискуссий не имеет места в силу известных исторических преобразований. Но «община, как сложное социальное явление, может быть рассматриваема лишь с субъективных и предвзятых позиций»⁴⁵¹, поэтому ее статус может быть оценен только с позиции конкретных юридических фактов, имевших место в решениях волостных и иных судебных учреждений.

К. Х. Ибрагимов писал, что «крестьянская (сельская) поземельная община России на протяжении веков приобрела различные функции и формы своего существования. Место и роль сельской общины имели весьма важное значение и для правительства, и для всех сословий России, поскольку страна в ту пору была исключительно аграрной, а земля и все, что связано с ее использованием, определяли политическую, экономическую, правовую надстройку Российского государства»⁴⁵², что совершенно справедливо определяет положение дел.

Елмановским волостным судом в 1893 году рассмотрено интересное дело, касающееся спора между крестьянином Григорием Матвеевым из деревни Карьякино и сельским обществом, с которым он заключил договор о переселении на новую усадьбу. Григорий Матвеев подал жалобу в суд на общество, утверждая, что, несмотря на обязательство заплатить ему 30 рублей за переселение на новую усадьбу, общество так и не выплатило ему эту сумму. Матвеев требовал взыскания задолженности, указывая на нарушение обязательств со стороны общества. Суд начал разбирательство 3 апреля 1893 года и назначил заседание на 11 апреля того же года, о чем была направлена повестка как Матвееву, так и представителям общества. В повестке указывалось, что в случае неявки на суд стороны понесут последствия, в том числе заочное решение для ответчика и прекращение дела для истца, если тот не явится. В результате разбирательства 11 августа 1893 года суд

⁴⁵¹ Белокопытова Н. Ю. Эволюция крестьянского сословия и общинной формы землепользования: теоретико-правовые вопросы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1(80). – С. 186.

⁴⁵² Ибрагимов К. Х. Особенности общинной поземельной собственности в России // Вопросы истории. - 2007. - № 12. - С. 117.

постановил взыскать с общества 15 рублей, половину требуемой суммы (30 рублей), как компенсацию за нарушение обязательств по переселению⁴⁵³.

Этот спор демонстрирует, как волостные суды могли регулировать финансовые обязательства в крестьянской общине того времени. Применен обычай общинной ответственности, так как крестьянское общество нередко выступало стороной договоров, связанных с переселением, распределением земель и взаимными обязательствами. Суд признал, что общество несет ответственность за обещанную выплату, даже если не исполнило ее в полном объеме. Характерным для крестьянского судопроизводства было стремление к компромиссному решению, и вместо полного взыскания суммы суд постановил выплатить истцу половину (15 рублей), что, вероятно, отражало логику «справедливого решения», когда убытки сторон делились поровну. Обычай обязательности договоров демонстрирует признание судом соглашения между Матвеевым и обществом действительным, что соответствует традиции считать устные и письменные договоренности обязательными к исполнению. Здесь суд обязал общество выплатить Матвееву компенсацию, что доказывает обязательность исполнения договорных обязательств и то, что нарушения влекут материальные последствия. Таким образом, волостной суд опирался на обычаи крестьянского самоуправления, обеспечивая баланс интересов и сохранение порядка в общине.

Значительное число земельных споров, зафиксированных в Книге регистрации решений Рождественского волостного суда за 1878–1879 гг., отражают сочетание коллективного общинного землепользования, приоритета фактического владения и охраны целостности крестьянского хозяйства в рамках сельского общества. Так, характерной является жалоба крестьянина д. Мишуковой Маркела Иванова о невыдаче соломы, снятой с крыши купленного им строения. Суд, признав расписку о продаже строения «с шатром»⁴⁵⁴ достаточным

⁴⁵³ Гражданское дело № 53 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 11 августа 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-6.

⁴⁵⁴ Гражданское дело № 20 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 6 июня 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-8.

доказательством перехода прав на все конструктивные элементы, обязал ответчика полностью вернуть солому с крыши проданного им сарая⁴⁵⁵. Тем самым был применен обычай следования принадлежности судьбе главной вещи: все, что составляет часть приобретенного строения, признается собственностью покупателя без необходимости отдельного соглашения (солома с крыши относиться к сараю как проданной постройке).

В споре о «в недаче проезда по уместному их проулку, находящемуся между дворами»⁴⁵⁶ того же 1878 г. суд опирался на обычай обязательного сохранения внутридеревенских проездов. Проулок был признан общепользным элементом планировки, который не может быть произвольно перекрыт ни одной из сторон, то есть представляет собой право сервитута как возможность использования чужой вещи в необходимых пределах. Примечательно, что суд разрешил возможное ограждение лишь «сзади дворов»⁴⁵⁷, тем самым балансируя интересы индивидуального хозяйствования и общинной доступности земли.

Спор между Сергеем Бреховым и обществом крестьян д. Казьминки от 13 августа 1878 г. иллюстрирует обычай четкого разграничения мирской земли и индивидуального пользования⁴⁵⁸. Несмотря на наличие письменного условия о продаже мирского леса и молодой поросли, суд отказал Брехову в праве распоряжения пахотными полосами, поскольку они прямо не были указаны в договоре. Таким образом, был подтвержден принцип, согласно которому пашня сохраняет особый правовой режим и не переходит по умолчанию даже при продаже лесных угодий.

В деле Карпа Павлова о праве слома купленного амбара Рождественский волостной суд применил обычай признания устойчивости ранее заключенного договора купли-продажи хозяйственных построек, даже при отсутствии продавца

⁴⁵⁵ Там же. Л.7.

⁴⁵⁶ Гражданское дело № 23 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 18 июня 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-11.

⁴⁵⁷ Там же. Л.10.

⁴⁵⁸ Гражданское дело № 30 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 13 августа 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 14-15.

в живых на момент оспаривания сделки⁴⁵⁹. Подтверждение продажи амбара вдовой продавца и факт полной уплаты цены были признаны достаточными основаниями для реализации покупателем (Павловым) своего права на распоряжение им (путем разбора).

Особое место занимают дела о пользовании излишней усадебной землей. В частности, в споре общества д. Казьминки с Сергеем Бреховым. 16 июня 1879 г. в волостном суде подтвердили принцип коллективной собственности на землю, превышающую установленную норму на двор, и взыскали с Брехова плату за фактическое пользование излишками («пользуется излишней усадебной землей не наравне с ними»)⁴⁶⁰. При этом правовое значение имело не новое измерение, а ранее принятое и утвержденное решение, что подчеркивает преемственность обычая и обязательность судебных установлений для сельского общества.

Дела о потраве посевов Рождественского волостного суда Бронницкого уезда 1879 г. демонстрируют обычай ответственности за вред, причиненный земле и урожаю⁴⁶¹. Суд исходит из коллективной ответственности лиц, находившихся при скоте («потравили две полосы овса лошадьми, принадлежащих Иванову и Федотову»), и определяет размер взыскания на основании свидетельских показаний и оценки старосты, а не путем агрономических расчетов. Компенсация носит характер возмещения хозяйственного ущерба, а не наказания. Аналогичный подход прослеживается в деле о самовольном скосе травы, полученной по общественному разделу («Федоров скосил самовольно им доставшийся по общественному разделу один шест с четвертью на одну душу усадебной травы»)⁴⁶². Суд признал за истцами право на индивидуальную долю общинного сенокоса и взыскал денежную компенсацию за ее нарушение, тем самым подтвердив обычай

⁴⁵⁹ Гражданское дело № 3 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 12 мая 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 32-33.

⁴⁶⁰ Гражданское дело № 9 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 16 июня 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 38-40.

⁴⁶¹ Гражданское дело № 22 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 15 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. 50-51.

⁴⁶² Гражданское дело № 23 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 15 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. 52.

неприкосновенности выделенной части земли при сохранении коллективной формы собственности.

В совокупности рассмотренные земельные споры позволяют констатировать, что волостной суд последовательно защищал традиционные принципы крестьянского землепользования: приоритет общинных интересов, обязательность уважения установленных проездов и разделов, ответственность за причинение вреда угодым и признание фактического владения, подтвержденного расписками и свидетельствами. Земля в этих делах выступает не столько объектом абсолютного права собственности, сколько элементом хозяйственного баланса жизнедеятельности деревни.

После отмены крепостного права в 1861 году земельный вопрос оставался одной из самых острых проблем в Российской империи, поскольку крестьяне лишились юридической зависимости от помещиков, но система выкупных платежей и общинных ограничений на земельные наделы затрудняла развитие свободного землевладения. Крестьянская реформа, как справедливо отмечается В. Т. Рязановым, как и «любая другая, проводимая «сверху», не могла не быть компромиссной и половинчатой»⁴⁶³. То есть крестьяне формально получали землю, но в большинстве случаев оставались связаны с общиной, что ограничивало развитие частной собственности и тормозило аграрные преобразования.

Так, материалы дела по заявлению крестьянки деревни Падиково Марфы Ивановой Сеницыной, рассмотренные земским начальником 1-го участка Звенигородского уезда 14 марта 1909 года, свидетельствуют о том, что Сеницына просила восстановить за ее сыном земельный надел, утраченный, по ее словам, «18 лет тому назад» после смерти мужа, полагая, что община неправомерно «сняла с нее одну душу»⁴⁶⁴. Однако дознание волостного старшины показало, что изъятие надела произошло не в порядке сходского решения, а Сеницына сама передала

⁴⁶³ Рязанов В. Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2011. – № 2. – С. 14.

⁴⁶⁴ Гражданское дело № 154 Павловского волостного суда Звенигородского уезда от 18 мая 1909 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580, 986. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-7.

землю обществу, и никакого приговора при этом не составлялось. Добровольная уступка земли миру рассматривалась как окончательный отказ от соответствующей доли.

Особое значение имел и представленный очередной передел пахотной земли 1902 года сроком на 24 года (в расчете на 130 заявленных душ). В соответствии с обычной практикой земля перераспределялась «по душам», причем душевой единицей признавался «работник в возрасте от 18 до 55 лет». Синицына, как установлено дознанием, участвовала в переделе 1902 года и получила надел «на одну душу», причем «более земли получить на свою долю не пожелала». Следовательно, ее текущие требования оказались несовместимыми с самим устройством общинного землепользования, где в установленный срок фиксируется состав домохозяйств, число рабочих душ и соответствующий размер надела; переход за пределы утвержденного приговора невозможен. Земский начальник, передав материалы в Павловский волостной суд, фактически подтвердил действие общинного порядка: правом на землю обладает лишь тот, кто включен в состав распределения по соответствующему приговору схода, а прежняя добровольная уступка надела миру не может быть отменена по индивидуальному ходатайству⁴⁶⁵. Таким образом, земля воспринималась как ресурс, распределяемый по рабочим душам на основании периодических переделов.

Показательным примером нарушением границ усадебного землевладения и устранения существующих препятствий является дело, рассмотренное Софьинским волостным судом Бронницкого уезда в начале XX века. Волостной суд рассмотрел жалобу крестьянина села Софьина Василия Иванова Седова, поданную 10 апреля 1905 г., к односельчанину Василию Григорьеву Жукову об изъятии части усадебной земли из владения последнего. Основанием иска являлось утверждение истца о самовольном захвате ответчиком части усадьбы Седова⁴⁶⁶.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 7.

⁴⁶⁶ Гражданское дело № 12 Софьинского волостного суда Бронницкого уезда от 20 мая 1906 года // ЦИА г. Москвы. Ф. 2363. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-19.

При разборе дела 8 мая волостной суд произвел натурное измерение усадьбы Жукова на месте с участием старосты, понятых и сторон. При этом суд опирался на приговор сельского схода от 22 мая 1883 г., которым были установлены точные размеры усадебных участков. Измерение показало наличие у Жукова излишка и фактическое занятие им части смежной усадьбы Седова вследствие разрастания насаждений за установленную границу («далее вглубь усадьбы у Жукова на границе насажены один куст крыжовника, несколько кустов вишни, рябина, клен и другие скорорастущие деревья, которые разрослись, чем и заняли извилами где на один аршин, а где и на два»). Решением Софьинского волостного суда спорная часть усадебной земли была присуждена в пользу Седова. Жалоба Жукова на данное решение была рассмотрена Бронницким уездным съездом, который 18 мая 1906 г. утвердил решение волостного суда, оставив жалобу «без последствий»⁴⁶⁷. Фактическое исполнение судебного решения состоялось 20 мая 1907 г., когда волостной старшина произвел отвод границы «по отвесу» и передал спорный участок истцу.

В деле проявляются крестьянские принципы регулирования усадебного землевладения: определяющее значение при разрешении спора имело решение сельского схода, фиксировавший размеры усадеб; границы усадеб устанавливались и восстанавливались по натурным ориентирам (деревья, ветлы, изгороди); самовольное расширение усадьбы, в том числе за счет насаждений, рассматривалось как нарушение общинного порядка и подлежало устранению в пользу соседа.

В начале XX века власть предприняла попытки реформирования земельного права. Центральным событием стала аграрная реформа, инициированная П.А. Столыпиным. Указ от 9 ноября 1906 года⁴⁶⁸ дал крестьянам право выхода из общины и перевода их наделов в разряд личной собственности. Этот шаг был

⁴⁶⁷ Там же. Л. 14.

⁴⁶⁸ О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования: Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 г. // Собрание узаконений. - 1906. - 11 ноября. - Отд. I. - Ст. 1859.

направлен на разрушение общинного землевладения и создание слоя зажиточных крестьян-фермеров.

С. Н. Прокопович не без оснований считал, что община –«симптом экономической отсталости крестьянского хозяйства»⁴⁶⁹. Община является основной формой организации крестьян практически на всей территории России, при этом «рост капитала и труда в крестьянском хозяйстве увеличивает право труда и разрушает общину»⁴⁷⁰.

Дальнейшие преобразования были направлены на усиление роли позитивного права и ослабление роли общины как пережитка прошлого. Так, закон от 14 июня 1910 года⁴⁷¹ окончательно закрепил новый порядок, исключив земельные споры между вышедшими из общины крестьянами из ведения волостных судов и из сферы действия норм обычного права. Однако, несмотря на эти меры, реформа столкнулась с трудностями, так как в стране по-прежнему не существовало единого механизма разрешения земельных споров на основе гражданского законодательства.

К 1916 году аграрные преобразования начали сворачиваться из-за нарастающего социального напряжения, недостаточной эффективности реформ и Первой мировой войны. В результате к 1917 году аграрный вопрос так и не был решен, что способствовало дальнейшей политической нестабильности в стране⁴⁷². Неравномерность внедрения реформ и сопротивление крестьян традиционным изменениям привели к тому, что значительная часть земли оставалась в общинном владении, а процесс закрепления частной собственности развивался медленно.

⁴⁶⁹ Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. - Москва: М. и С. Сабашниковы, 1912. – С. 197.

⁴⁷⁰ Белокопытова Н. Ю. Эволюция крестьянского сословия и общинной формы землепользования: теоретико-правовые вопросы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1(80). – С. 182.

⁴⁷¹ Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственною думою закон 14 июня 1910 г. // Собрание узаконений. - 1910. - 19 июня. - Отд. I. - Ст. 1043.

⁴⁷² См., Боголюбов С. А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 8(152). – С. 13-14; Бровченко М. И. Крестьянский вопрос в России в начале XX века // Наука без границ. – 2018. – № 6(23). – С. 86-90.

Нерешенность аграрного вопроса впоследствии стала одной из причин массового недовольства, сыгравшего существенную роль в революционных событиях 1917 года.

Земельный вопрос на протяжении веков определял социальные, экономические и политические процессы в России, оставаясь одним из ключевых факторов ее развития. Аграрная политика страны складывалась под влиянием традиционных общинных практик⁴⁷³ и правовых норм, закрепленных в законодательных актах, однако среди крестьянского сословия центральное место в регулировании земельных отношений занимали именно обычаи. Они дополняли писаное право, обеспечивали стабильность аграрных отношений и способствовали эффективному использованию земли.

В практике волостных судов Московской губернии особенности обычаев проявлялись прежде всего в их привязке к местным традициям землепользования. Обычаи определяли очередность выдела наделов, порядок совместного использования пастбищ и сенокосов, регулировали вопросы границ земельных участков. Значительную роль играли устные соглашения, зафиксированные расписками или свидетельскими показаниями. В совокупности обычаи обеспечивали социальную согласованность и устойчивость крестьянского хозяйственного уклада, баланс интересов отдельных землевладельцев и всей общины.

Проведенное исследование практики волостных судов Московской губернии в сфере земельных отношений позволяет сформулировать следующие итоговые выводы:

- в обычно-правовом сознании крестьянства земля воспринималась не как объект абстрактного права собственности, а как коллективный «мирской» ресурс, право на который неразрывно связано с выполнением общинных обязанностей. В судебных решениях это отражалось в признании безусловного приоритета воли

⁴⁷³ См., История России на рубеже веков. 1894 - 1922 гг / С. И. Голотик, С. В. Карпенко, В. В. Минаев [и др.]. – 2-е издание, исправленное, дополненное и переработанное. – Москва, 2017. – С. 25.

сельского схода над индивидуальными притязаниями. Судебная практика подтверждала, что добровольная уступка надела «миру» была бесповоротной, а право на возвращение участка при длительном отсутствии владельца напрямую зависело от его готовности нести повинности и уплачивать оброк. Таким образом, волостной суд выступал не столько инструментом защиты частного интереса, сколько гарантом сохранения хозяйственного баланса всей деревни;

- определяющим фактором при разрешении споров являлся трудовой принцип и признание права фактического добросовестного владения. В решениях судов это находило отражение в применении подхода «глядя по человеку»: судьи оценивали степень личного трудового вклада участника процесса в обработку земли или возведение построек. Факт многолетнего беспрепятственного пользования участком и вложенный в него труд зачастую имели для суда большее значение, чем наличие формальных юридических документов. Это проявлялось в защите прав наследников (например, дочерей), если ими или их родителями были произведены реальные улучшения на усадебной земле, а также в признании прав на постройки за теми, кто их фактически возводил;

- волостная юстиция выработала самобытную систему регулирования сделок и ограничений (сервитутов), адаптированную к реалиям крестьянского быта. Несмотря на законодательные ограничения, суды признавали юридическую силу за устными и письменными договоренностями внутри общины, санкционируя куплю-продажу и залог надельных земель. В делах о защите арендаторов это отражалось в запрете на самовольные действия собственника и подтверждении неприкосновенности прав временного владельца до конца срока договора. Судебные решения закрепляли жизненно важные для деревни публичные ограничения: беспрепятственный проезд, водопользование, сохранение межей. Так де-факто формировался развитый институт сельских сервитутов;

- процессуальная специфика земельных споров опиралась на принципы публичности и поиска социальной справедливости, а не на формальное законничество. Судебный процесс по земельным делам требовал участия сельского схода или доверенных лиц, что подчеркивало семейно-родовой характер надела.

Стремление судей к компромиссному решению проявлялось особенно отчетливо: в делах о взыскании убытков или спорах о границах ответственность нередко делили пополам, руководствуясь соображениями справедливости. При восстановлении границ усадеб суды обращались к натурным ориентирам (деревьям, изгородям, «отвесам»), и такая практика свидетельствовала о глубокой связи обычного права с традиционным укладом крестьянской жизни;

- трансформация земельных отношений в начале XX века обнажила устойчивое сопротивление обычного права государственным попыткам индивидуализации собственности. Указы 1906 и 1910 годов формально закрепили право на выход из общины, однако волостные суды Московской губернии упорно придерживались требований коллективного управления. Споры о личных наделах они продолжали рассматривать сквозь призму общинных интересов и традиционного порядка пользования, игнорируя букву новых законов. Крестьянское сознание попросту не вмещало идею абсолютной собственности, оторванной от труда и общинной связи, что существенно тормозило внедрение начал писаного частного права.

Волостной суд в земельных делах работал как гибкий регулятор, позволявший крестьянскому хозяйству выживать в условиях правового дуализма. Обычно-правовые нормы существовали параллельно с официальным законодательством, потому что отвечали народным представлениям о справедливости: право пользования землей здесь вытекало из труда и коллективного согласия общины. Эта логика успешно конкурировала с институтами частной собственности, чуждыми крестьянской среде, вплоть до 1917 года.

2.4. Особенности применения правового обычая в обязательственных отношениях при осуществлении волостного судопроизводства

Обязательственные отношения в крестьянской среде Российской империи конца XIX – начала XX века регулировались преимущественно обычным правом и

занимали заметное место в повседневной социально-экономической практике общины. Несмотря на существование писаных норм, действовавших в рамках крестьянского законодательства и Положения 1861 г., повседневная хозяйственная жизнь деревни во многом определялась традиционными нормами, выработанными самой общиной, хотя и возникали проблемы с применением обычая как архаичных правил (например, П. Н. Зырянов писал, что от несовершенства обычного право «в конце XIX в. страдали все слои деревни»)⁴⁷⁴. Широко обсуждались возможные реформы и применимость законодательных норм⁴⁷⁵.

Г.Ф. Шершеневич отмечал особо широкое распространение норм обычного права в торговых отношениях, поскольку именно в торговом праве «обычай сохранил еще весьма почетное значение, занимая место выше гражданского закона»⁴⁷⁶. Но именно на уровне крестьянских волостных судов, учрежденных для разрешения дел «по совести», наиболее ярко проявлялись особенности применения правового обычая при разрешении споров, связанных с различными обязательствами (как договорными, так и личными). При характеристике существовавшего в Российской империи такого специфического, «явно незападного»⁴⁷⁷ способа обеспечения соблюдения коллективных норм в среде крестьянства, можно сказать, существовало «правосудие без оглядки на закон или государство»⁴⁷⁸.

Исследователи подчеркивают, что в формировании традиций как основы для правовых обычаев решающее значение имел религиозный фактор⁴⁷⁹. То есть

⁴⁷⁴ См.: Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине - Вологда, 1976. – С. 91.

⁴⁷⁵ См.: Митрофанов Т. С. Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 160. - № 3. – 2018. – С. 655.

⁴⁷⁶ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Введение. Торговые деятели. - М, 2003. - С. 87.

⁴⁷⁷ Burbank J. Russian peasants go to court. Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. - Indiana University Press 601 North Morton Street Bloomington, 2004. – P. 13.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ См.: Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Гарольд Дж. Берман; пер. с англ. М. Тименчикова и Д. Шабельникова. - Москва: Школа политических исследований, 2008. - 463 с.; Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6(293). – С. 170; Садырова М.Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX - первой трети XX вв.: по

значение религии при формировании обычного права по всем аспектам социального взаимодействия проявлялось в глубокой взаимосвязи нравственных установлений православия с регулятивными практиками крестьянской общины.

Религиозные представления, пронизывая повседневную жизнь, определяли представления о справедливости, честности, долге и воздаянии, что, в свою очередь, закреплялось в практике разрешения споров волостными судами⁴⁸⁰. Такие категории, как «грех», «суд Божий» и «совесть», выступали неотъемлемыми элементами моральной оценки поведения сторон, особенно в делах, касающихся обязательств. Вера в божественное возмездие за нарушение устоявшегося порядка усиливала авторитет неписаных норм, а соответствие поступка религиозным и общинным ожиданиям становилось критерием правомерности. По данной причине, а также ввиду тотальной неграмотности в сельской местности большинство обязательств существовали в устной форме, хотя для крестьян существовали и письменные источники. Но особое значение в волостном судопроизводстве придавалось свидетельским показаниям⁴⁸¹.

Обязательства в крестьянской среде, как правило, основывались не на формализованных договорах, а на доверии, моральных нормах и взаимных устных соглашениях, оформлявшихся в виде «любовных расписок», приговоров сельских сходов или устных обязательств при свидетелях. Как справедливо отмечает Н. Н. Ефремова, применимый волостной юстицией обычай не входил в противоречие с принципами правосудия, закрепленными после судебной реформы 1864 г.

материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02- Пенза, 2010. - 276 с.

⁴⁸⁰ См.: Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2016. - № 6(68). - Ч. I. - С. 119.

⁴⁸¹ См., Пахарнаев А.И. Закон, обычай и волостной суд: (Руководство для крестьян) / Сост. пред. Верхотур. уезд. съезда А.И. Пахарнаев. - Неофиц. изд. - Пермь : типо-лит. Губ. правл., 1894. – С. 64.

(например, ведение судопроизводства на родном языке, доступность и открытость суда, справедливость, оперативность решения дел)⁴⁸².

При этом безусловное соблюдение обязанностей, предусмотренных в договоренностях, сделках, было обусловлено широко применимыми правилами, которые имели форму народных поговорок: «об уговоре говорят: рядка-матка, на чем рядишь, на том идешь; то есть уговор дороже денег»⁴⁸³. По обычаю, заключение договора сопровождалось ритуалом рукобитья, молитвы. После получения задатка от покупателя продавец ставил литки, или магарыч⁴⁸⁴.

Судебная практика волостных судов свидетельствует о том, что при разрешении таких дел судьи учитывали не только содержание самих обязательств, но и обстоятельства их возникновения, поведение сторон, авторитет свидетелей, степень исполнения моральных и трудовых обязательств. Хотя сама терминология, безусловно, была отличной от современных представлений, и крестьяне не могли употреблять в своем быту такие понятия как «обязательство», «сделка», «деликт».

С позиции современности под воздействием романо-германского права в российском гражданском законодательстве все обязательства принято подразделять на договорные (на основании сделок) и внедоговорные (деликтные, из причинения вреда)⁴⁸⁵. Дореволюционное законодательство не оперировало такими категориями⁴⁸⁶, поэтому в данной работе структура изложения основана на современной логике отечественной цивилистики. В практике волостных судов подобные споры, как правило, обозначались не в абстрактных юридических категориях, а описательно - как дела «о причиненном ущербе», «о побоях», «о

⁴⁸² См.: Ефремова Н. Е. Реформирование волостных судов в России по Закону о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года / Н. Е. Ефремова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1(25). – С. 201-207.

⁴⁸³ Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии / П. С. Ефименко. – М.: ОГИ, 2009. – С. 89.

⁴⁸⁴ Соснина, М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Соснина Мария Александровна. – Казань, 2023. - С. 162.

⁴⁸⁵ См.: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – С. 42.

⁴⁸⁶ См., Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. – Тамбов, 2012 – С. 52.

порче имущества», «о самовольном захвате» или «о долге без расписки», то есть через конкретное событие или факт нарушения, понятный крестьянской общине.

Субъектами гражданско-правовых обязательств принято называть стороны - кредитор и должник, обладающие необходимой правоспособностью и дееспособностью. Сейчас это как физические, так и юридические лица, а также публично-правовые образования, но в дореволюционной России крестьянину в волостном суде мог противостоять либо другой крестьянин, либо община, как особый участник. Согласимся с позицией М.А Сосниной о том, что она являлась «полноправным участником правоотношений»⁴⁸⁷ в обязательствах, поскольку весь сельский уклад строился на коллективном самоуправлении со стороны общины и безусловном признании крестьянами ее авторитета⁴⁸⁸.

Интересные факты приводит Дж. Бербанк при исследовании обращений русских крестьян в волостной суд на примере Московской губернии в том числе (период 1905-1917 гг.). Так, показана статистика о различиях между мужчинами и женщинами как участниками судебного процесса «в зависимости от типа деревень, из которых они были родом, их участия в конкретных делах или успеха их исков и обвинений в суде. Единственная сильная корреляция, различающая мужчин и женщин- участников судебного процесса, заключалась в том, что женщины в суде - как истцы, так и ответчики - с большей вероятностью были неграмотны, чем мужчины в суде в этом качестве»⁴⁸⁹.

В контексте постепенной трансформации крестьянских обязательственных отношений и их включения в систему формализованного гражданского права представляется важным сопоставить традиционные представления об обязательствах с современными нормативными конструкциями. Для возникновения современного гражданско-правового (соответственно,

⁴⁸⁷ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2023. – С. 162.

⁴⁸⁸ См., Горин А. Г. Обычное право России в начале XX века: Правительственная политика//Правоведение. -1989. - № 1. - С. 47-48.

⁴⁸⁹ Burbank J. Russian peasants go to court. Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. - Indiana University Press 601 North Morton Street Bloomington, 2004. – P. 183.

имущественного) обязательства требуется наличие соглашения (глава 9 ГК РФ)⁴⁹⁰ или иного юридического факта, предусмотренного законом (например, причинение вреда или неосновательное обогащение, раздел IV ГК РФ)⁴⁹¹. Существенным является требование определенности сторон и содержания обязательства, включая предмет, срок и способ исполнения. В действующих западных правовых системах также учитываются принципы добросовестности, разумности и недопустимости злоупотребления правом при формировании и исполнении обязательств, в основе которых лежат традиционные представления о справедливости.

Эволюция обязательственных отношений от традиционных практик крестьянского общества к формализованным нормам гражданского права означает и отражение особенностей правового статуса участников обязательств. Однако в документах Московской губернии по деятельности волостных судов периода 1861 – 1917 г. не удастся найти ссылок на возраст дееспособности крестьян, на возрастной ценз по сделкам или по долговым обязательствам. Учитывая семейный уклад, можно утверждать, что для домочадцев ограничителем был не формальный возраст, а власть главы семьи, который распоряжался и семейным имуществом, и давал согласие на любые сделки с ним, распределял трудовое участие членов домовладения⁴⁹².

Важной категорией споров, рассматриваемых волостным судом, выступали споры о возмещении ущерба, возникавшие вследствие нарушения общинного землепользования и иных коллективных имущественных прав. Так, коллективное прошение, адресованное непосредственно суду, касается самовольного покоса травы крестьянином деревни Аксентьевой Никоном Ивановым на земле,

⁴⁹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1994 г. – № 32. – Ст. 3301; 2024 - № 33 (1 часть) – С. 4933.

⁴⁹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410; 2024 - № 51. – Ст. 7853.

⁴⁹² См., Ефименко, А. Я. Исследования народной жизни / [Соч.] Александры Ефименко, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва... Вып. 1-. Обычное право . - Москва : В.И. Касперов, 1884, 1884. – С. 68-69.; Кавелин, К. Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза / [Соч.] К. Кавелина. - Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1884. – С. 47.

принадлежащей общине. Просители указывают стоимость скошенной травы («десять рублей») и представляют свидетелей, способных подтвердить факт нарушения⁴⁹³. То есть имущественные споры, связанные с нарушением общинных прав на луга и сенокосы, в традиционной практике решались на основании подтверждения со стороны уважаемых членов соседней деревни. При этом характер предъявленного требования отражает действие обычной нормы: самовольное использование общинного угодья порождает обязанность возместить убыток в сумме, равной стоимости добытого сена.

Аналогичный случай приведен в деле, рассмотренном Усмерским волостным судом Бронницкого уезда 2 декабря 1913 г.⁴⁹⁴. Спор касался самовольного пользования земельным участком и присвоении результатов покоса в деревне Хорлов: крестьянка Аксиныя Зайцева требует от мещанина Федора Морозова возврата сена, указав, что последний без ее согласия скошил траву на принадлежащем ей участке и отказался вернуть сено. Она просила вызвать двух жителей деревни Хорлов и сельского старосту как свидетелей для подтверждения факта нарушения. Особенностью дела является то, что истица была приписана к другому уезду (Егорьевскому), но проживала на территории Усмерского волостного суда, а также то обстоятельство, что к моменту рассмотрения спора (спустя несколько месяцев после подачи прошения) предмет в натуре, вероятно, уже был утрачен, что предполагало разрешение вопроса в форме денежного возмещения.

При рассмотрении отдельных видов договорных обязательств на основе исследуемых архивных материалов констатируем, что в документах содержатся, в основном, наиболее сложные дела, связанные с вызовом свидетелей, исследованием расписок и пр. Они наглядно показывают детали возникших

⁴⁹³ Прощения крестьян Михайловского сельского общества Борисовской волости земскому чиновнику Можайского уезда и в Борисовский волостной суд Можайского уезда б/д // ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1027. Л. 1-4.

⁴⁹⁴ Гражданское дело № 367 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 2 декабря 1913 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-3.

обязательств и отражают характерные черты правовой практики, сложившейся на территории Московской губернии.

Например, довольно обширное дело крестьянина Андрея Ивановича Фрыгина из села Борисово к обществу крестьян села Братеева, рассматривавшееся в 1905–1907 годах в Царицынском волостном суде и Московском уездном суде, иллюстрирует особенности взаимодействия крестьянского обычного права с формализованной системой правосудия Российской империи. Основанием иска Фрыгина послужили долговые расписки, составленные в 1901–1905 годах, а также приговор схода от 3 января 1904 года, в котором крестьянское общество признавало наличие задолженности перед истцом. Расписки фиксировали оплату Фрыгиным общественных расходов по поручению старост и общества и были подписаны как отдельными крестьянами, так и волостными старостами⁴⁹⁵.

Первоначальное решение Царицынского волостного суда от 4 августа 1905 года (№ 51) признало требования Фрыгина обоснованными и постановило взыскать с общества 114 руб. 33 коп., ссылаясь на авторитет приговора и подписей представителей общины. Однако Московский уездный суд 17 мая 1906 года частично отменил это решение, указав, что к взысканию подлежат лишь 23 руб. 33 коп., поскольку остальные расписки не были удостоверены всей общиной.

После уточнения требований Фрыгиным и исключения ранее взысканной суммы, дело повторно было рассмотрено Царицынским волостным судом 24 августа 1906 года (№ 55), который, опираясь на приговор 1904 года, вновь удовлетворил иск, постановив взыскать с общества на этот раз 124 рубля. Однако Московский уездный суд своим постановлением от 21 марта 1907 года отменил это решение, указав на недопустимость повторного иска по тем же обязательствам, подчеркнув также недостаточную формализацию долговых документов⁴⁹⁶.

Данное дело отражает правоприменительную практику волостных судов, ориентированную на учет норм обычного права о признании долга. Волостной суд

⁴⁹⁵ Гражданское дело № 55 Царицынского волостного суда Московского уезда от 26 ноября 1909 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 67. Л. 1-37.

⁴⁹⁶ Там же. Л.25.

опирался преимущественно на моральное обязательство общины, подтвержденное решением схода, придавая юридическую силу документам, не всегда соответствующим критериям формального права. Вмешательство уездного суда, напротив, базировалось на нормах имперского законодательства, требовавшего строгости процессуальных процедур и единожды подаваемого иска. Это свидетельствует о существовавшем в начале XX века противоречии между живыми формами сельского правосознания и усиливающимся централизованным контролем со стороны государственной судебной системы⁴⁹⁷.

Обычай выступал механизмом принудительного исполнения обязательств, которые с позиции законодательства таковыми не могли быть. Так, Озерецкий волостной суд в 1869 г. рассмотрел жалобу государственной крестьянки села Костино С. на односельчанина Г., который после сватовства отказался от брака с ее дочерью и не возместил понесенные свадебные расходы. Оценив ущерб, суд, руководствуясь обычаями, «по соображению по крестьянскому быту, как бывают свадьбы и какой покуп для оной»⁴⁹⁸, постановил взыскать с Г. в пользу С. 16 руб. 02 коп. в семидневный срок. Тем самым суд обеспечил баланс между моральными установками и потребностями справедливого возмещения имущественного ущерба.

Форма заключения договора не имела решающего значения для волостного суда, поскольку в деревенской практике преобладали устные соглашения. Форма не была существенным условием, в основе решения волостного суда лежал принцип справедливости как главный принцип обычного права⁴⁹⁹. Таким образом, в отличие от решения государственного суда, крестьянский суд отдавал приоритет представлениям о справедливости. Вместе с тем договоры, оформленные

⁴⁹⁷ См.: Блинов И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк / - Пг. : Сенат. тип., 1914. – С. 145.

⁴⁹⁸ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Тамбовская губерния. – СПб: Типография собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. Т1. – С. 542.

⁴⁹⁹ См.: Гражданское право: Очерки нар. юрид. быта. Вып. -2. - Казань: тип. Губ. правл., 1888-1893. 2 т.; 24.-1888. - С. 106.

письменно и хранившиеся в волостном правлении, воспринимались судом как надежные доказательства и не вызывали сомнений в ходе разбирательств.

Однако вмешательство уездного суда, опиравшегося на нормы позитивного права, показало границы действия крестьянского обычая в условиях унификации судебной практики Российской империи. Аргумент об однократности иска и недостаточности оформления обязательств стал основанием для отмены решений волостного суда.

В другом споре, рассмотренном Елмановским волостным судом в 1893 году по иску крестьянина деревни Карьякино Григория Матвеева к крестьянскому обществу, дело касалось взыскания 30 рублей, которые, согласно приговору, общество обязалось выплатить истцу за переселение на новую усадьбу. Обязанность выплаты была признана самим обществом, что подтверждается упоминанием приговора, однако сумма фактически не была выплачена, в связи с чем Матвеев обратился в суд. Волостной суд, рассмотрев обстоятельства, частично удовлетворил требование, постановив взыскать с общества 15 рублей⁵⁰⁰.

Данное дело фиксирует обычай, согласно которому переселение крестьянина на новую усадьбу сопровождалось компенсацией со стороны общества, основанной на решении схода. Такое обязательство, несмотря на отсутствие формального договора, воспринималось как подлежащее исполнению. Волостной суд, учитывая приговор общины как основание возникновения обязательства, признал его юридическую силу.

В книге решений Царицынского волостного суда за 1864–1868 гг. зафиксирован целый ряд дел, отражающих особенности рассмотрения денежных споров и обязательств на уровне волостной юрисдикции⁵⁰¹. Эти дела демонстрируют механизм принятия решений судами в условиях преобладания устных договоренностей и авторитета местного обычая, часто исходя не столько из

⁵⁰⁰ Гражданское дело № 53 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 11 августа 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6.

⁵⁰¹ Гражданские дела. Книга решений Царицынского волостного суда за 1864–1868 гг. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7.

формальных признаков обязательства, сколько из признанных норм справедливости и локального порядка.

Так, описывается иск сельского старосты на крестьянина Цыганова. 9 марта 1864 года сельский староста села Коньково Елисей Владимиров и сельское общество подали жалобу в Царицынский волостной суд на крестьянина Ивана Ивановича Цыганова за отказ уплатить 240 рублей «подможных» - суммы, собранной по волостной «складке» (распределению) на рекрутскую повинность. Волостной суд, рассмотрев дело, признал, что данная сумма действительно подлежит взысканию с Цыганова в соответствии с установленным в волости порядком распределения рекрутских обязательств. Однако, ссылаясь на ст. 96 Пол.о кр., суд отметил, что сумма иска превышает установленный предел его компетенции (100 рублей), и постановил передать дело на рассмотрение местного мирового судьи⁵⁰².

Рассматриваемый случай иллюстрирует действие обычая коллективной ответственности в крестьянской среде, когда суммы государственных повинностей, включая рекрутские сборы, распределялись между домохозяйствами по решению сельского общества. Волостной суд, хотя и не вынес решения по существу из-за процессуального ограничения, подтвердил законность такой формы распределения, фактически признавая юридическую силу внутреннего общинного порядка как своеобразного локального акта.

В другой ситуации между родственниками возник спор о продаже лошади. 6 марта 1864 года крестьянин села Коломенского Иван Петров (Никифоров) подал жалобу в Царицынский волостной суд на своего дядю Андрея Семенова Антонова. По словам истца, он приобрел у дяди лошадь за 65 рублей, сумму полностью уплатил, однако позже лошадь была отобрана у него в доме Антонова и его зятя Якова Иванова Николотова. Волостной суд, рассмотрев обстоятельства дела, подтвердил факт заключения сделки и исполнения обязательства со стороны

⁵⁰² Гражданское дело № 1. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 9 марта 1864 г// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7.

покупателя. Решением суда было постановлено взыскать 65 рублей поровну с Антонова и Николотова, сохранив при этом лошадь в их общем владении⁵⁰³.

Судебное решение отражает применение обычая семейно-коллективной имущественной ответственности, характерного для крестьянской общины. Несмотря на то что формально сторонами сделки выступали только дядя и племянник, суд посчитал возможным возложить солидарную обязанность возврата денег и на зятя, ссылаясь на факт совместного владения имуществом. Это указывает на то, что при разрешении имущественных споров волостные суды руководствовались не столько юридической формой сделки, сколько фактическими обстоятельствами и местными представлениями о хозяйственной связи и справедливости.

Еще одно дело касалось долгового обязательства за купленное у третьего лица сено. 15 февраля 1868 года сельская община села Коломенского подала в Царицынский волостной суд жалобу на крестьянина села Конькова Илью Васильева за отказ уплатить 55 рублей за сено, купленное общиной в 1861 году у торговца Федота Герасимова Сафронова. По заявлению общины, сено приобреталось совместно, но Васильев уклонился от оплаты. Несмотря на его отрицание, суд признал представленные доказательства достаточными и постановил взыскать с Ильи Васильева указанную сумму в полном объеме на основании ст. 96 Положения 1861 г.⁵⁰⁴.

В решении суда отразился обычай общинной взаимной ответственности, при котором сделки, совершенные от имени или в составе сельского коллектива, обязывали каждого участника нести индивидуальную ответственность по долгам, даже при отсутствии письменного договора. Волостной суд признал авторитет свидетельства общины выше словесного отрицания ответчика, что подтверждает устойчивость правового обычая, где действительным считалось само участие в

⁵⁰³ Гражданское дело № 7. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 6 июля 1864 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-5.

⁵⁰⁴ Гражданское дело № 2. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 15 февраля 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

хозяйственном акте, признанное общиной, а не лишь его документальное оформление.

Аналогичное дело рассмотрено 10 октября 1864 г., когда волостным старшиной Комизовым было передано на рассмотрение волостного суда дело о взыскании с крестьян села Царицына 64 руб. 50 коп. за лес, отпущенный им в 1862 году из дворцовой пустоши на домашние нужды. Согласно билету Удельной конторы от 21 апреля 1862 года, лес действительно был предоставлен, и, по словам крестьян, они передали деньги за него тогдашнему старосте Дмитрию Матвееву, который к моменту разбирательства уже скончался. Однако два других должностных лица («голова» Алексей Иванов и «казенный заседатель» Илья Васильев) отрицали получение каких-либо денежных средств. Волостной суд, учитывая, что отпуск леса без уплаты по уставу невозможен, постановил взыскать указанную сумму поровну с Иванова и Васильева⁵⁰⁵.

В основе этого решения суда лежал обычай по сути солидарной ответственности выборных лиц за общественные платежи и материальные ценности, принятые от имени крестьянской общины. Даже при отсутствии прямого доказательства получения денег конкретными должностными лицами, суд, руководствуясь логикой общинного порядка и невозможностью безвозмездного отпуска казенного имущества, признал правомерным распределить обязанность по возврату между действующими представителями общинной «администрации».

Волостной суд признал допустимым внесудебный порядок прекращения обязательства. Например, иск мещанина Василия Кутейникова к крестьянину Ивану Петрову о взыскании денежного долга в размере 28 руб. 56 коп. должен был рассматриваться в Усмерском волостном суде Бронницкого уезда, но, однако, не был доведен до судебного разрешения по существу, поскольку истец отказался от

⁵⁰⁵ Гражданское дело № 9. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 10 октября 1864 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д.7. Л. 7.

своих требований (вероятно, в связи с добровольным погашением задолженности)⁵⁰⁶.

Кроме того, понимание обязательств в крестьянской среде включало не только денежные требования, но и выполнение трудовых повинностей как возможную форму встречного исполнения. Например, 15 февраля 1868 года по предписанию мирового посредника Московского уезда волостной суд рассмотрел спор между сельским обществом деревни Хохловки и крестьянкой Анной Васильевой о взыскании с общества суммы 5 руб. 46 коп., причитавшейся ей как остаток выплаты за землю, отошедшую под Московско-Курскую железную дорогу. В ходе разбирательства сельское общество заявило, что Анна Васильева не исполнила ряд сельских повинностей, в том числе по подводам, найму десятского, дорожным работам и другим общественным расходам, общая сумма которых составила 13 руб. 50 коп. Волостной суд признал предъявленные обществом требования обоснованными и постановил зачесть требуемые Анной Васильевой 5 руб. 46 коп. в счет ее долгов перед обществом, а оставшуюся часть в 8 руб. 4 коп. общество взыскивать не стало⁵⁰⁷.

В решении суда проявился устойчивый обычай взаимозачета между крестьянкой и обществом, основанный на общепринятой практике коллективного участия в расходах сельского сообщества. Общество, обладая фактическим правом взимания общественных сборов, имело право учитывать невыполненные повинности каждого члена при последующем распределении доходов, в том числе поступивших от отчуждения земли. Суд, действуя в рамках этой нормы, отразил представление крестьянской общины о приоритетности коллективных обязанностей над индивидуальными правами⁵⁰⁸, тем самым подтвердив значимость обычного права в регуляции имущественных и обязательственных отношений.

⁵⁰⁶ Гражданское дело № 343 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 26 ноября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4.

⁵⁰⁷ Гражданское дело № 1. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 15 февраля 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

⁵⁰⁸ Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мир. - Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. – С. 31-33.

В крестьянской среде исполнение обязательств в натуре - посредством личного труда, предоставления подвод, участия в общественных работах, было распространенной и социально признанной формой расчетов, отражавшей преобладание натуральных отношений над денежными. Неформальное соглашение о личной услуге также воспринимались как обязательства, подлежащее правовой защите. Так, 7 марта 1868 года крестьянка деревни Ближнего Беляева Екатерина Дмитриева подала жалобу в волостной суд на крестьянку села Коломенского Пелагею Федорову. Предметом спора стал 1 рубль, который Дмитриева передала Федоровой за содействие в устройстве на работу - доведение до места стирки белья в Москве. Однако в результате хозяйка стирки отказала Дмитриевой и передала работу самой Федоровой. Суд, установив факт получения денег и перехода работы, признал действия Федоровой неисполнением взаимной услуги и постановил взыскать 1 рубль в пользу Дмитриевой. Обе стороны согласились с решением, и возврат был назначен на 16 марта⁵⁰⁹.

Итак, в решении суда возврат денег за неисполненное обещание рассматривался как необходимое восстановление справедливости даже без формального договора.

При рассмотрении дел волостными судами могли быть интересные ситуации, касающиеся разных сословных статусов сторон, то есть представители различных социальных групп прибегали к услугам волостного суду как к общепринятому и авторитетному способу разрешения имущественных споров. Например, в августе 1868 г. титулярная советница Павлова и крестьяне деревни Ореховой Федор и Андрей Ильины передали Царицынскому волостному суду дело о взыскании денежных сумм, причитающихся Павловой. В ходе разбирательства Федор Ильин признал задолженность в размере 3 рубля и обязался уплатить ее 14 августа. Андрей Ильин подтвердил долг в размере 234 руб. 50 коп., из которых 30 руб. он

⁵⁰⁹ Гражданское дело № 4. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 7 марта 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.

пообещал выплатить 8 сентября текущего года, а оставшиеся 240 руб. - в 1869 году. Все обязательства были признаны сторонами и зафиксированы судом⁵¹⁰.

Несмотря на различие сословного положения сторон (титулярная советница и крестьяне), стороны обратились к волостному суду как к легитимному и признанному институту правосудия, что отражает доверие к обычному порядку разрешения споров. Суд, опираясь на Положение 1861 г., не только зафиксировал признание долгов, но и утвердил условия и сроки их уплаты, фактически исполняя функцию нотариального удостоверения обязательств.

В других аналогичных делах Царицынского волостного суда за 1868 года речь идет о взыскании денежных сумм по письменным обязательствам и распискам между крестьянами и мещанами, а также о судебном рассмотрении дела об оскорблении. В делах о взыскании долгов истцы (крестьяне или мещане) предъявляли документы, подтверждающие обязательства (расписки, договоры купли-продажи дров с указанными сроками платежей и суммами). Так, московский мещанин Григорий Юдин взыскал с крестьян деревни Ореховой 54 рубля 95 копеек за проданные дрова по письменному обязательству, срок оплаты которого истек, при этом суд удовлетворил иск полностью⁵¹¹. По иску того же мещанина Юдина суд взыскал с крестьян деревни Шайдровой 15 рублей за дрова, несмотря на возражения старосты о неполучении части товара, поскольку доказательств в пользу крестьян не было представлено⁵¹².

Ответчики зачастую признавали долги, либо не представляли доказательств обратного. Суд, исходя из правил Положения 1861 г. (статьи 96, 102, 128 и 134), подтверждал правомерность требований истцов и взыскивал суммы в полном объеме. Например, крестьянин Егор Кузьмин признал долг в 4 рубля перед

⁵¹⁰ Гражданское дело № 14. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 13 августа 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 15-15 об.

⁵¹¹ Гражданское дело № 20. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 10 октября 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

⁵¹² Гражданское дело № 21. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 10 октября 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

Андреем Комизовым по расписке 1867 года, и суд постановил взыскать с него эту сумму на основании Положения 1861 г.⁵¹³.

В случае спорных ситуаций суд отказывался учитывать необоснованные доводы без доказательств. Крестьянин Григорий Иванов не признал долг в 8 руб. 70 коп. перед Филиппом Воробьевым, ссылаясь на работу, но не предоставил доказательств, поэтому суд взыскал с него сумму по расписке и при отказе от оплаты разрешил продажу имущества⁵¹⁴.

Показательным примером соотношения позитивного права и крестьянского обычая в разрешении обязательственных споров является приговор Елмановского волостного суда 1895 года, связанный с многолетним конфликтом вокруг права владения земельным участком. Волостной суд по иску крестьянина Ивана Алексеева Зайцева к обществу сменных крестьян деревни Красной о взыскании убытков в размере 255 рублей рассмотрел спор о праве собственности и владения усадебным и полевым земельным участком. Основанием иска стало изъятие у истца, по решению сельского схода 1892 года, участка земли, которым он пользовался более 17 лет на основании купли-продажи, совершенной его отцом с прежним владельцем. Зайцев последовательно оспаривал действия общины в различных инстанциях. Уездное управление признало правомерность действий схода, однако окружной суд постановил, что решение об изъятии земли незаконно и подлежит отмене, обязав общину вернуть участок. Тем не менее, фактическое возвращение земли не произошло, и Зайцев обратился к земскому начальнику, который разрешил ему предъявить иск о возмещении убытков. При рассмотрении дела в волостном суде стороны представили свои доводы, при этом ответчики ссылались на недоимки по сборам и якобы бесхозяйственное отношение к участку, тогда как истец настаивал на законности своего многолетнего владения. В результате, несмотря на признание прежнего приговора недействительным,

⁵¹³ Гражданское дело № 19. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 10 октября 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

⁵¹⁴ Гражданское дело № 23. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 11 ноября 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

волостной суд, ссылаясь на статьи Устава гражданского судопроизводства, отказал Зайцеву в удовлетворении иска⁵¹⁵.

Этот прецедент свидетельствует о сохраняющемся значении общинного порядка землепользования, где индивидуальные права могли быть подчинены коллективному решению, несмотря на противоречие формальным нормам.

Материалы Книги регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда за 1878 год наглядно отражают различные споры в сфере долговых притязаний⁵¹⁶. Анализ массива дел позволяет выделить несколько типологических групп крестьянских обычаев, выступавших фактическими источниками обязательственного волостного судопроизводства. Наиболее распространенным являлся обычай признания долговых обязательств, возникавших из расписок и векселей. Волостной суд последовательно исходил из того, что наличие подписи должника, указания суммы и даты само по себе образует достаточное доказательство долга и не требует подтверждения свидетельскими показаниями. Такая практика прослеживается в значительном числе дел 1878 г., где суд ограничивался проверкой «правильности» документа и удовлетворял требования полностью либо в подтвержденной части. При этом формальный подход сочетался с крестьянским пониманием долга как морально и хозяйственно обязательного отношения, в рамках которого письменная расписка воспринималась как продолжение устного соглашения, а не как самостоятельный юридический акт.

Так, 2 сентября 1878 года крестьянин деревни Мальковой Василий Прокофьев обратился с жалобой на крестьянина села Атепцева Никиту Сидорова о неуплате 10 рублей по расписке, выданной еще 27 декабря 1877 года. Суд, признав

⁵¹⁵ Гражданское дело № 5 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 14 января 1895 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 14.

⁵¹⁶ Книга регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда (14 марта 1878 года - 22 декабря 1879 года) // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-164.

расписку «правильной» и не усомнившись в ее действительности, постановил взыскать всю сумму долга на основании статей 96 и 98 Положения 1861 г.⁵¹⁷

Аналогичный подход прослеживается и в других делах: в мае 1878 г. суд взыскал с крестьянина Григория Борисова остаток долга по векселю от 2 октября 1877 г., признав факт частичной уплаты и обязав вернуть оставшуюся сумму в 6 руб. 40 коп. В июне того же года долговое обязательство по расписке на 30 руб. было полностью взыскано с Михаила Степанова, несмотря на его неявку в суд, поскольку расписка была «сделана по форме и подписана самим должником»⁵¹⁸.

Та же логика применялась и в июльских делах 1878 г., когда волостной суд удовлетворил требования по расписке на 16 руб. 60 коп., указав на ее «правильность» и ссылаясь на нормы Общего положения о крестьянах⁵¹⁹. Во всех подобных случаях судьи исходили из укоренившегося обычая: письменное долговое обязательство, признанное общиной и соответствующее установленной форме, подлежало исполнению без дополнительного доказывания, а вмешательство суда ограничивалось определением порядка и способа взыскания⁵²⁰.

Продолжая анализ практики волостной юстиции, можно привести и иные дела Рождественского волостного суда, которые наглядно подтверждают устойчивость обычая признания долговых обязательств, возникавших из расписок и устных займов. Так, крестьянин Рощинской волости Высотской слободы Иван Михайлов обратился в Рождественский волостной суд с жалобой на крестьянина деревни Мальковой Михаила Степанова Зубова, не уплатившего ему 15 руб. 40 коп., полученные «в доборе товаром». Суд, установив, что ответчик неоднократно

⁵¹⁷ Гражданское дело № 34 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 10 сентября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁵¹⁸ Гражданское дело № 18 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵¹⁹ Гражданское дело № 22 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 6 июня 1878 года / Книга регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда (14 марта 1878 года – 22 декабря 1879 года) // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁵²⁰ Гражданское дело № 26 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 16 июля 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

уклонялся от явки, а истец представил надлежащим образом оформленную расписку, постановил взыскать всю сумму долга в пользу истца⁵²¹.

Еще одним примером является дело 13 августа 1878 года по жалобе крестьянина села Атепцева Акима Семенова на крестьянина деревни Ерюхиной Алексея Власова о взыскании долга (неотдаче долга за взятый иструб - заготовку сруба)⁵²². В ходе разбирательства ответчик признал сам факт задолженности и ее размер. Суд, принимая во внимание добровольное признание долга, постановил взыскать указанную сумму и установить срок исполнения обязательства. Тем самым волостной суд опирался не только на письменные доказательства, но и на признание долга как элемент крестьянского правового обычая.

Вторую группу образует обычай предоставления рассрочки исполнения обязательств, применявшийся судом как средство сохранения хозяйственной устойчивости крестьянского двора. Показательным является дело Николая Федорова против Василия Федотова (март 1878 г.), в котором суд, признав долг, одновременно установил порядок его погашения частями. Рождественский волостной суд, разбирая жалобу крестьянина Николая Федорова к Василию Федотову о взыскании 35 руб., признал вексель надлежащим доказательством и не только удовлетворил иск, но и, исходя из представлений о справедливости и платежеспособности должника, установил рассрочку исполнения - по 3 руб. в месяц (приговор от 27 марта 1878 г.)⁵²³.

Аналогичные решения свидетельствуют о том, что волостной суд фактически регулировал исполнение обязательства, соотнося его с платежеспособностью должника и сельскохозяйственным циклом, что не характерно для формального гражданского судопроизводства, но полностью соответствует логике обычного права.

⁵²¹ Гражданское дело № 37 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 23 сентября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 16-17.

⁵²² Гражданское дело № 31 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 13 августа 1878 года / Книга регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда (14 марта 1878 года – 22 декабря 1879 года) // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁵²³ Гражданское дело № 13 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 14 марта 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

Так, по жалобе крестьянина д. Мальковой Сергея Макарова к односельчанину Терентию Савельеву о взыскании долга по векселю (7 октября 1878 г.) суд признал обязательство доказанным на основании надлежаще оформленного и подписанного векселя и постановил взыскать сумму долга в полном объеме, руководствуясь ст. 96 и 98 Положения 1861 г. В то же время особенностью дела стало утверждение судом достигнутой между сторонами миролюбивой сделки: должнику была предоставлена отсрочка исполнения обязательства до пасхи 1879 г.⁵²⁴ Тем самым волостной суд, не отрицая формальной силы долгового документа, санкционировал соглашение сторон, направленное на смягчение последствий немедленного взыскания как компромиссного разрешения споров и учета хозяйственных возможностей должника.

Дело о взыскании недоимок по податям за нанятого работника, рассмотренное 23 октября 1878 года, имело иной характер: крестьяне деревни Нефедовой требовали от крестьянина деревни Горчухиной Сидора Егорова уплаты 22 рублей казенных денежных повинностей за 1877–1878 годы. Суд исследовал представленный договор найма от 11 января 1868 года и установил, что Егоров по обычаю и договорному обязательству принял на себя обязанность уплаты податей за нанятого им охотника до новой ревизии. Ни неявка самого ответчика, ни отсутствие его сына на исход дела не повлияли: требуемая сумма была взыскана в пользу сельского общества⁵²⁵. Волостной суд признал длительно действующий обычай возложения налоговых повинностей на нанимателя работника юридически обязательным, хотя между заключением договора и предъявлением требований прошло около десяти лет.

Показательна ситуация, отраженная в деле 10 сентября 1878 года, когда Иван Михайлов вновь обратился в суд с требованием о взыскании долга с Михаила Зубова. Поскольку ответчик не явился, суд отложил рассмотрение жалобы и

⁵²⁴ Гражданское дело № 41 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 7 октября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 21-22.

⁵²⁵ Гражданское дело № 43 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 23 октября 1878 года. ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

подверг его денежному штрафу за неуважение к судебному органу⁵²⁶. Подобная мера подчеркивает активную дисциплинарную функцию волостного суда и его стремление обеспечить реальное исполнение долговых обязательств.

Особое место занимают обязательства, основанные на внутрисемейном долге. В деле Елисея Григорьева против сына Ивана Елисеева (март - апрель 1878 г.) суд взыскал задолженность по обязательству в пользу престарелой матери, тем самым признав обязанность содержания родителей юридически защищаемой⁵²⁷. При этом правовое значение имели не столько формальные доказательства, сколько сам факт признания сыном морального и имущественного долга перед семьей, что подчеркивает тесную связь обязательственного обычая с нравственными нормами крестьянского быта.

Применяется обычай возврата в натуральном виде вещей, переданных во временное пользование. В споре Матроны Емельяновой с Иваном Игнатовым (май 1878 г.) суд обязал ответчика вернуть сельскохозяйственные орудия, исходя из признания им принадлежности вещей истце⁵²⁸. Отсутствие письменного договора не рассматривалось как препятствие для защиты права собственности, что свидетельствует о приоритете фактических отношений над документальной формой.

Наиболее сложные и показательные дела 1879 г. отражают многоуровневый характер обычая, применяемого в обязательственных отношениях. Так, в деле 1879 г. об убийстве коровы пастухом реализован обычай деликтной ответственности за причинение имущественного вреда, где компенсация рассматривалась как возмещение утраты, а не как форма наказания. Волостной суд, опираясь на показания свидетелей и отсутствие оправданий со стороны виновного, признал пастуха ответственным за гибель скота и обязал его выплатить пострадавшему

⁵²⁶ Гражданское дело №35 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 10 сентября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁵²⁷ Гражданское дело № 15 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 8 апреля 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 4..

⁵²⁸ Гражданское дело № 19 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 21 мая 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7.

крестьянину денежную компенсацию в размере двадцати рублей серебром⁵²⁹. Тем самым приоритет был отдан восстановлению нарушенного имущественного баланса, что соответствует традиционным представлениям крестьянской общины о справедливости.

Наконец, спор о корове между Афанасьевым и Бычковым⁵³⁰ демонстрирует специфический обычай условного отчуждения имущества за долг, при котором суд отказался признать устное условие о сохранении права собственности за должником, но одновременно обязал кредитора компенсировать утрату, восстановив хозяйственное равновесие сторон – «обязать купить Афанасьеву телочку». Такое решение наглядно подтверждает, что волостной суд руководствовался не формальной логикой, а принципом справедливости в крестьянском понимании.

Сходный подход к возмещению имущественного вреда прослеживается и в деле о невозврате заложенных полушубков, рассмотренном 15 сентября 1879 г. Крестьянка Фекла Тимофеева обратилась в волостной суд с жалобой на Акима Семенова, удерживавшего переданные ему на хранение вещи под предлогом долга. Суд, исследовав свидетельские показания и учитывая отсутствие доказательств со стороны ответчика, постановил вернуть имущество владелице либо взыскать его денежную стоимость⁵³¹. Тем самым вновь был реализован принцип восстановления нарушенных прав путем наложения ответственности, направленной на возвращение утраченного имущества либо эквивалентной компенсации.

Применение принципа давности как элемента местного обычного права предусматривало возможность предъявления претензии, однако по истечении длительного срока неистребования вещь считалась утраченной для прежнего

⁵²⁹ Гражданское дело № 15 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 5 августа 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л.44.

⁵³⁰ Гражданское дело б/н Рождественского волостного суда Бронницкого уезда б/д 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

⁵³¹ Гражданское дело № 21 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 15 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

владельца и не подлежала возврату, что отражало приоритет стабильности владения над восстановлением прежних прав. Дело о возврате ценной одежды как имущества (описывалось в контексте наследственных споров⁵³²) иллюстрирует обычаи давности обращения. Ситуация касалась истребования холодника Иваном Семеновым от своего зятя Ивана Данилова, оставшегося после смерти племянницы и жены Данилова. По предыдущему приговору Коломенского волостного суда Данилов якобы обязался выкупить и вернуть холодник Семенову, однако в Царицынском волостном суде он отказался признавать эту обязанность, ссылаясь на давность залога и отсутствие письменной подписки о возврате. В отсутствии доказательств обязательства и учитывая длительность времени с момента залога, суд постановил отказать в возврате холодника Семенову.

В деле об оскорблении суд основывался на свидетельских показаниях и налагал наказание в виде ареста, предоставляя право обжалования. Например, в одном из рассмотренных Царицынским волостным судом дел крестьянин Максим Кузьмин признан виновным в оскорблении Марии Ивановой на основании свидетельских показаний и подвергнут трехдневному аресту с правом обжалования решения в Уездный Мировой Суд⁵³³.

Так, крестьянин Михаил Алексеев обратился в Рождественский волостной суд на односельца Ивана Федорова за нанесенные оскорбления. Суд, опираясь на показания свидетеля Ефима Васильева, 29 апреля 1878 г. признал жалобу Алексева обоснованной и постановил взыскать с Федорова компенсацию в размере пятидесяти копеек⁵³⁴. Особенность дела заключается в том, что возмещение имело формально имущественный характер и не предполагало телесного наказания, отражая крестьянскую практику урегулирования конфликтов через материальное

⁵³² Гражданское дело № 25. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 30 декабря 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 53-54.

⁵³³ Гражданское дело № 22. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 31 октября 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

⁵³⁴ Гражданское дело № 17 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 29 апреля 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 47-48.

возмещение вреда, даже в случае возникновения нематериального ущерба, связанного с честью и репутацией.

Примечательным в аспекте восприятия категории чести в крестьянской среде в случае словесного оскорбления также является дело, рассмотренное Рождественским волостным судом 15 сентября 1879 г.⁵³⁵ Крестьянин Семен Яковлев обратился с жалобой на односельчанина Захара Гаврилова, обвинившего его в прелюбодейной связи с женой другого крестьянина. Суд установил, что оскорбление было произнесено заочно, без присутствия самого Яковлева, и, руководствуясь сложившимися обычаями, не признал такое высказывание достаточным основанием для привлечения к ответственности. Жалоба была оставлена без последствий, что свидетельствует о квалификации волостным судом оскорбления как легкой провинности.

Таким образом, судебная практика опиралась на письменные обязательства и признания сторон как главное доказательство возникновения и исполнения долговых обязательств, а также на свидетельские показания при рассмотрении дел о нравственном вреде и оскорблениях. Волостной суд строго следовал нормам Положения 1861 г., а применимые обычаи и местные традиции могли учитываться, если не противоречили им.

Вопрос о подлинной природе волостного правосудия в пореформенной России вызывал серьезные сомнения у современников, наблюдавших за его повседневной практикой. Некоторые исследователи указывали на противоречие между декларируемыми принципами справедливости и тем, как суд реально функционировал в условиях деревенской жизни. Так, Н. В. Калачов в заключении своего труда о пореформенном волостном правосудии задавался вопросом, не выродились ли на деле решения сельских судов под влиянием формального закона в незначительные постановления - особенно в случаях, когда дело выходит за пределы мирового соглашения и одна из сторон желает продолжения тяжбы? И не

⁵³⁵ Гражданское дело № 24 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 15 сентября 1879 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 52-53.

превращаются ли решения волостных судов в странную пародию на правосудие - как следствие деформации самой крестьянской жизни?⁵³⁶ Например, он отмечает, что волостной старшина, не обладая формально никакими особыми полномочиями в судебной процедуре, нередко доминирует на заседаниях: обвиняет, защищает и направляет решение дела по своему усмотрению. Судьи, чаще всего люди простые и неграмотные, молча следуют за писарем, который с книгой в руках уверенно изрекает закон и угрожает наказаниями за его нарушение. Здесь же следует упомянуть о частых случаях «угощения» судей и писаря до и после разбирательства - инициируемых истцами и ходоками в надежде склонить суд к нужному решению. Да, суммы исков, как правило, невелики и дела незначительны с точки зрения общегосударственного интереса. Однако для крестьян даже такие тяжбы и суммы имеют реальное, жизненно важное значение. Поэтому он отмечает, что от российского государства требуется «систематическая разработка значений местных юридических обычаев и составление программ, способных выразить принципы народной жизни столь ясно и убедительно, чтобы их применение стало очевидным не только для самих крестьян, но и для вышестоящих судебных инстанций»⁵³⁷.

Проанализировав судебную практику отдельных волостных судов Московской губернии, можно прийти к выводу о распространении в крестьянском быту, также как и в других губерниях (М. А. Соснина⁵³⁸, С.В. Пахман⁵³⁹) в основном сделок по долговым обязательствам, купле-продаже, причинении вреда и некоторые другие. Так, например, М.А. Соснина отмечает, что «договоры дарения, мены или хранения в протоколах судебных решениях нам, за редким

⁵³⁶ См.: Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России / Ст. 1. - Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1880. – С. 21.

⁵³⁷ Калачов Н.В. Указ. соч. – С. 21.

⁵³⁸ Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2023. – С. 165.

⁵³⁹ Матвеев П. А. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки С.В. Пахмана, заслуженного профессора С.-Петербургского университета. Т. I. Собственность, обязательства и средства судеб. охранения. С.-Петербург, 1877 г. - С. 35.

исключением, не встретились»⁵⁴⁰. Практика рассмотренных дел волостных судов также не свидетельствует о значительности споров по таким договорам.

За имущественные нарушения нередко следовали телесные наказания. Так, в октябре 1878 г. Рождественский волостной суд рассмотрел дело о неуплате казенных и мирских повинностей крестьянином д. Слизневой Василием Лобовым. По представлению уездного пристава суд признал, что недоимки возникли вследствие пьянства, лени и нерадения, и квалифицировал поведение как виновное уклонение от обязанностей. В результате было назначено телесное наказание по нормам Положения 1861 г., что отражает сохранение в волостной юстиции дисциплинарных санкций как средства поддержания фискальной и общественной дисциплины⁵⁴¹.

Рассуждая об ответственности за деликтные правонарушения, Г. А. Джаншиев в начале прошлого века обращает внимание на архаичный и унижительный характер телесных наказаний, сохранявшихся в правоприменительной практике вплоть до второй половины XIX века. Он подчеркивает, что подобная система, выраженная даже в виде своеобразного «тарифного прейскуранта» ударов за имущественные проступки, не только не способствует укреплению правопорядка, но и унижает человеческое достоинство, подменяя понятие ответственности механическим возмездием. Автор подчеркивает, что телесные наказания не являются исконной формой русской правовой традиции и, утратив устрашающее воздействие и «на Дону, на Запорожье, в Сибири в прежние времена не было ни кнута, ни плетей, ни розог. В настоящее время из человеколюбия стараются уменьшать в приговорах число ударов розгами. ...Нельзя не упомянуть, что у нас существует табель или прейскурант проступков с указанием их стоимости в ударах розгами. За кражу трех рублей - столько-то ударов и т. п. Это верх изобретательности русской бюрократии».⁵⁴²

⁵⁴⁰ Соснина М. А., указ соч. - С. 165.

⁵⁴¹ Гражданское дело № 44 Рождественского волостного суда Бронницкого уезда от 23 октября 1878 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁵⁴² Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ : исторические справки. - 10-е посмертное, доп. изд. (2-е изд. Лит. Ф.а) - Санкт-Петербург, 1907. – С. 200.

При спорах между крестьянами принудительное удержание имущества применялось как практический механизм обеспечения исполнения обязательств и служило гарантией возврата долгов в условиях ограниченного доступа к формальным судебным процедурам, хотя государством и не поощрялось (в частности, в ст. 113 Проекта кн. V Гражданского Уложения было предусмотрено: «Лицо, обязанное выдать не принадлежащее ему особливо определенное движимое имущество, вправе удерживать его у себя в виде обеспечения до тех пор, пока ему не будут возмещены произведенные им необходимые или полезные издержки на имущество»⁵⁴³).

Например, 22 августа 1868 года крестьянин села Коломенского Василий Никитин Буров подал жалобу в Царицынский волостной суд на группу односельчан (Ивана Воронина, Федора Хатунцева, Федора Кошкина, Ивана Зайцева, Ивана Кошкина и Ивана Карасева) за якобы самоуправное отобрание у него телеги, которую, по утверждению истца, они вывезли со двора и пропили в кабаке. Ответчики заявили через своего поверенного (надворного советника А.Д. Лавровского), что телега была взята по решению сельского схода в качестве обеспечения штрафа за перепашку Буровым межевой борозды, что нарушило признанный в селе обычай. Суд установил, что жалоба истца голословна, телега действительно была задержана по приговору общества, а сам Буров ранее отказался добровольно уплатить установленный штраф. В связи с этим суд признал Бурова виновным как в нарушении межевой границы, так и в бездоказательном обвинении и постановил подвергнуть его трехсуточному задержанию⁵⁴⁴.

Решение волостного суда основывалось на применении крестьянского обычая, согласно которому самовольная перепашка межевых борозд квалифицировалась как серьезное нарушение сельского порядка и наказывалась

⁵⁴³ Проект книги Первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1895. – С. 360.

⁵⁴⁴ Гражданское дело № 15. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 22 августа 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

установленным штрафом. Также был признан обычай обеспечения исполнения штрафа за счет временного удержания имущества.

9 сентября 1868 года Царицынский волостной суд рассмотрел спор между крестьянами села Коломенского - Яковом Ивановым Николотовым и его тестем Андреем Семеновым Антоновым. Предметом тяжбы стал снос дома Николотовым, ранее расположенного на усадьбе Антонова, и спор о праве владения участком усадебной земли. Суд заслушал приговор сельского общества от 20 ноября 1867 года о предоставлении Николотову участка, а также доводы Антонова, утверждавшего, что земля принадлежит ему. Поскольку стороны не предоставили сведений о стоимости постройки, а вопрос о наделе усадебной землей выходил за пределы компетенции волостного суда, дело было прекращено с разъяснением возможности обращения в вышестоящие инстанции. При этом суд признал, что за Николотовым числится одна душа усадебной земли⁵⁴⁵.

В основе спора лежал вопрос обычного пользования усадебной землей и постройками в рамках большой семьи, где муж дочери - зять, проживая на усадьбе тестя, воспринимался как временный хозяин. Волостной суд, сталкиваясь с конфликтом на фоне разрыва семейных или имущественных связей, ограничился лишь признанием факта землевладения за душой Николотова, тем самым подтвердив действие общинного учета прав на землю как основы для определения пользования. Волостной суд отказал в рассмотрении дела, не оценив стоимость постройки, что указывает на ограниченность его юрисдикции и вместе с тем подтверждает приоритет общинных решений: приговор общества сохранял силу, пока не был документально опровергнут. Дело демонстрирует действие правового обычая, укорененного в семейной и общинной иерархии. Право пользования землей зависело от согласия общины и могло быть закреплено лишь в рамках существующего порядка.

⁵⁴⁵ Гражданское дело № 18. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 9 сентября 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

Требование об устранении препятствий в использовании собственного имущества в крестьянской среде служило инструментом защиты владения, позволявшим исключать вмешательство посторонних в привычное хозяйственное использование земли или иного имущества. Подобные тяжбы нередко переплетались с обязательственными отношениями, поскольку спор о нарушении владения мог сопровождаться претензиями, связанными с неисполнением договорных или долговых обязательств. Спор от 2 мая 1868 года наглядно демонстрирует такое переплетение. Крестьянин села Царицына Василий Егоров подал жалобу на своего односельчанина Ивана Андреева, обвинив его в том, что тот засыпал землей канаву, выведенную с двора Егорова на проулок для стока воды. Андреев утверждал, что от канавы исходил неприятный запах. Волостной суд, рассмотрев дело и сославшись на статьи 96 и 105 Положения 1861 г., постановил обязать Андреева расчистить заваленную канаву и впредь не препятствовать ее функционированию, установив требуемую глубину в пол аршина. Стороны согласились с решением⁵⁴⁶.

Решение суда основано на применении обычая защиты установленного порядка пользования дворовыми и межевыми удобствами, включая устройство и содержание водосточных канав. Такие сооружения рассматривались как необходимый элемент деревенского быта, направленный на санитарное благополучие и предотвращение порчи усадеб. Суд, удовлетворив по существу негативное требование истца, подтвердил, что фактическое пользование - если оно не нарушает общепринятый порядок и не вызывает реального ущерба - должно защищаться, а самовольное устранение таких удобств признавалось нарушением деревенского порядка, регулируемого нормами обычного права.

Аналогичное дело рассмотрено Елмановским волостным судом в 1893 году относительно самовольного строительства сарая. Спор между крестьянами деревни Юрьево Спиридоном Григорьевым и Кузьмой Дмитриевым касался нарушения

⁵⁴⁶ Гражданское дело № 8. Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 7 марта 1868 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

права на земельный участок по признанным в общине границам дворового владения. Григорьев требовал снести постройку, указывая на отсутствие согласия на строительство. Дмитриев утверждал, что возведение сарая было согласовано с истцом, и обязался снести его весной следующего года. Волостной суд, руководствуясь статьей 17 Временных правил, установил факт самовольности постройки, признал доводы истца убедительными и обязал Дмитриева снести сарай. Решение суда было подтверждено и вступило в силу, в дальнейшем добровольно исполнено ответчиком. Елмановский суд, руководствуясь предписаниями временных правил и традиционным обычаем охраны границ земельного надела, постановил 30 августа 1893 года обязать Дмитриева снести самовольный сарай, что было добровольно исполнено в мае 1894 года⁵⁴⁷. Обращение Григорьева с жалобой на самовольную постройку сарая на его земле отражает типичную практику защиты индивидуального землепользования, когда возведение хозяйственной постройки без публичного согласия владельца рассматривалось как нарушение общепринятого порядка. Ответчик ссылался на якобы существовавшую договоренность, однако ни свидетели ее не подтвердили, ни сходским порядком она зафиксирована не была. Между тем обычный порядок временного размещения построек на соседском участке предполагал ясно выраженное и коллективно признанное согласие собственника, без которого подобные действия считались самовольными.

Судебное разбирательство обнаруживает, что в крестьянской среде регулирование земельных прав и порядок застройки участков опирались одновременно на локальные представления о правомерности владения и на обычаи, признававшие устные договоренности между односельчанами достаточным основанием для соглашения. Когда возник конфликт, отсутствие формального подтверждения привело к признанию постройки самовольной: суд отдал предпочтение факту обладания землей и неформальному признанию границ

⁵⁴⁷ Гражданское дело № 162 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 30 августа 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Ед.хр. 10. Л. 1-7.

собственности. Такое решение отражало устойчивый обычай, по которому любое использование чужого надела без документированного согласия владельца считалось неправомерным, даже если стороны ссылались на предварительные устные договоренности.

Дело Игнатьевского волостного суда 1901 года по иску крестьянина Василия Иванова Агапова к его братьям - Абраму и Гавриле Агаповым о сносе самовольно построенной гончарной фабрики на общей родовой усадьбе касается базового института крестьянского обычного права: нераздельности родовой усадьбы и недопустимости самовольного ее застройки без согласия всех совладельцев. Василий настаивал на том, что постройка фабрики братьями была произведена «самовольно» и без уведомления остальных наследников, нарушив тем самым общепринятый сельский обычай, согласно которому вся родовая усадебная земля, находящаяся в общем владении братьев или домохозяев, должна использоваться только по соглашению всех членов семьи. Волостной суд планировал «оценку на месте» - еще один элемент волостного обычая, согласно которому земельные споры решались после очного осмотра спорного объекта всеми членами суда⁵⁴⁸.

Истец, находящийся вне волости, отказался от участия в «оценке» как неоправданной. Ходатайства Василия Агапова как в волостной суд, так и земскому начальнику последовательно касались лишь «сносения самовольно допущенной постройки фабрики», поскольку ее возведение противоречило устоявшемуся порядку пользования общей усадьбой. Тем самым самовольная постройка квалифицировалась не как гражданско-правовой деликт в современном понимании, а как нарушение сложившегося внутрисемейного и родового порядка. Процедурные действия суда (повестки, поручения приставу, осмотр на месте) отражают сочетание формального законодательства и практики обычного судопроизводства, опирающегося на устоявшиеся способы установления истины в спорах о земле.

⁵⁴⁸ Гражданское дело № 26 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 26 января 1901 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-20.

Отдельные дела показывают, что, когда подряды или рекрутские расходы были оформлены на общину, волостной суд рассматривал иск в отношении всего сообщества, а не одного крестьянина по обычной практике раздела госпошлины и сборов. Так, в феврале 1893 г. в Елмановский волостной суд Можайского уезда подала жалобу Марья Андрианова, крестьянка деревни Марьино, на неправомерное начисление на нее недоимки в размере 50 рублей по общественной повинности. Ответчики - бывший староста Дмитрий Григорьев и действующий староста Иванов По мнению истицы, долг был распределен несправедливо, по инициативе старост -бывшего и действующего. Вызов в суд был оформлен в соответствии с Временными правилами 1889 г. (ст. 23–24)⁵⁴⁹, сторонам вручены повестки, в которых подробно указаны последствия неявки: для истца это прекращение дела, для ответчика - возможность вынесения заочного решения, для свидетелей - соответственно привлечение к ответственности за слушание. Заседание состоялось 15 февраля, и 20 февраля дело было передано земскому начальнику для утверждения решения или разрешения в административном порядке⁵⁵⁰.

Привлечение к ответственности должностных лиц (старост) показывает, что обязанность крестьян исполнять фискальные и натуральные повинности могла быть поставлена под сомнение в случае нарушения норм общинной справедливости, включая равномерность распределения и учет реального положения отдельных домохозяйств.

Особую значимость представляет и процессуальная сторона дела. Вызов участников в суд происходил с соблюдением установленной процедуры, и в повестки включали четкое предупреждение о юридических последствиях неявки: прекращение дела, заочное решение, привлечение к ответственности за неявку свидетелей. Это является примером процессуальной дисциплины и формального

⁵⁴⁹ О волостном суде в тех же местностях: Временные правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

⁵⁵⁰ Гражданское дело № 220 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 15 февраля 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 2. Л.2.

порядка даже в рамках преимущественно обычного судопроизводства. Волостной суд по сути не просто применял традиционные нормы, но и соблюдал правовые гарантии сторон, вызывая их официально, предоставляя возможность защиты и участвуя в определении судьбы административного решения.

Множество примеров применения обычного права в период начала XX века по отношению к различным формам обязательств фиксируется в материалах Нагатинского волостного суда Московского уезда за 1900 г.⁵⁵¹, Синьковского волостного суда Дмитровского уезда⁵⁵², а также Петровского волостного суда⁵⁵³.

Так, применение местного правового обычая при разрешении имущественного спора прямо отражено в решении Нагатинского волостного суда от 17 января 1900 г., который по требованию Григория Белугина о взыскании 50 рублей за пропавшую от трактира Макарова лошадь с санями в Александровской Слободке с приказчика трактира Александра Иванова Синацкого отказал, указав, что по сложившемуся обычаю обязанность приказчика по присмотру за оставленным имуществом возникает лишь при прямом поручении со стороны владельца, тогда как в рассматриваемом случае такого заявления сделано не было, что исключало ответственность ответчика («у них этого порядка не заведено»)⁵⁵⁴.

В материалах Синьковского волостного суда имеется информация о деле, которое может рассматриваться как пример правоотношений, сходных по своему содержанию с алиментными обязательствами. 7 мая 1915 г. суд, установив на основании свидетельских показаний факт сожительства («Дарья Самохина на суде показала, что Голдышев и Смирнова у ней ночевали, и еще видела как они ходили к ней в сарай») и происхождения ребенка («Александр Елизаров на суде показал, что Голдышев и Смирнова крестили у него ребенка и на второй день пили у него

⁵⁵¹ Гражданские дела. Книга для записи решений Нагатинского волостного суда Московского уезда за 1900 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-55.

⁵⁵² Гражданские дела. Книга для записи решений Синьковского волостного суда за 1915 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 1891. Оп. 1. Д. 3. Д. 1-70.

⁵⁵³ Гражданские дела. Книга для записи решений Петровского волостного суда за 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-76.

⁵⁵⁴ Гражданское дело № 22 Нагатинского волостного суда от 17 января 1900 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 15-16.

чай»⁵⁵⁵), несмотря на отрицание ответчика, признал требование матери обоснованным и постановил взыскание с отца регулярных денежных выплат (по 5 рублей ежемесячно в течение 5 лет) на содержание внебрачного ребенка, тем самым фактически обеспечив его материальное содержание по нормам местного обычая. Ответчик решением не был доволен и намеревался его обжаловать, так как данное обстоятельство помешало ему заключить брак с другой женщиной.

На основании изучения материалов волостных судов Московской губернии можно отметить, что они действовали, совмещая нормы действующего законодательства с социальным опытом общинного права, обеспечивая баланс между документальной и моральной сторонами обязательств. Как отмечает И. В. Минникес, «санкционирование обычая и придание ему формального статуса правового обычая - довольно редкая практика взаимодействия власти и данного социального регулятора»⁵⁵⁶. О значении обычая в системе правовых источников Российской империи, как отмечает Н. В. Дашковская⁵⁵⁷, свидетельствует, например, то обстоятельство, что в 1880 год Сенат допустил возможность применения обычая в вопросах наследования и опеки между крестьянами, даже если он расходится с положениями закона (решение № 174)⁵⁵⁸.

Анализ представленных дел волостных судов Московской губернии позволяет выделить некоторые значимые черты применения правового обычая в обязательственных и связанных с ними правоотношениях:

- признание общинной ответственности. В делах по рекрутским выплатам, покупке сена или дров суды признавали коллективный характер обязательств, традиционно закрепленный в деревенской практике;

⁵⁵⁵ Гражданское дело № 43 Синьковского волостного суда от 7 мая 1915 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 1891. Оп. 1. Д. 3. Л. 20-21.

⁵⁵⁶ Минникес И. В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История государства и права. – 2010. – № 15. – С. 9-10.

⁵⁵⁷ См.: Дашковская Н. В. Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4(16). – С. 90.

⁵⁵⁸ См.: Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». - 2011. - № 2. – С. 53.

- ведущая роль решения коллективного органа. Свидетельства сельского общества или приговор схода воспринимались как неопровержимое доказательство, даже при отсутствии формальных документов;

- письменная расписка как дополнительный инструмент доверия. При наличии долговой расписки она воспринималась судом как безусловное основание для взыскания, если иное не доказано документально;

- учет моральных обязательств. Волостной суд при этом предлагал сторонам примирение, руководствуясь стремлением сохранить порядок и добрососедство в деревне, а семейные связи между участниками спора учитывались в первую очередь;

- в крестьянской среде обязательства возникали из двух источников: формального договора и воли сельского коллектива, которая находила выражение в решениях схода. Судебная практика показывает, что «приговор» общины воспринимался судом как безусловное юридическое основание для взыскания долга или исполнения повинности, причем суд признавал юридическую силу за обязательствами, вытекающими из коллективных нужд (рекрутские сборы, общественные платежи, найм пастухов), даже когда письменные контракты с конкретными домохозяевами отсутствовали. Волостной суд тем самым легитимизировал внутренний общинный порядок как локальный нормативный акт, обладающий приоритетом над индивидуальными интересами;

- субъектом ответственности в волостной практике выступал крестьянский двор как коллективная хозяйственная единица, а не отдельный индивид. Это нашло отражение в решениях, санкционирующих семейно-солидарную ответственность, суды возлагали обязанность по возврату долга на родственников (зятьев, племянников, сыновей), основываясь исключительно на факте их совместного проживания и владения имуществом («нахождении в одном капитале»). В материалах дел это проявлялось через игнорирование судом формального отсутствия подписи родственника на долговом документе, если доказана его экономическая связь с должником, что подчеркивает верховенство общинного принципа нераздельности имущества двора;

- правовая природа долговых документов (расписок и векселей) в волостном судопроизводстве существенно трансформировалась под влиянием обычая. Письменное обязательство воспринималось не как самостоятельный вид договора, а как материализованная форма устного доверия. В судебных решениях это отражалось в процедуре упрощенного доказывания. Признанная сторонами или общиной расписка подлежала исполнению без оценки ее соответствия строгим нормам вексельного устава. В то же время отсутствие документа не считалось препятствием для защиты права - суды активно использовали свидетельские показания для восстановления «справедливого баланса», отдавая приоритет фактическим отношениям сторон над формальной документальной чистотой сделки;

- механизмы исполнения судебных решений носили адаптивный характер и были ориентированы на сохранение платежеспособности крестьянского хозяйства. Уникальной чертой этих дел стало судебное санкционирование рассрочек и отсрочек, привязанных к сельскохозяйственному циклу: платежи откладывались «до реализации урожая» или «до продажи скота». Судьи, руководствуясь обычаем взаимной поддержки внутри общины, фактически выполняли роль регуляторов, оберегавших крестьянский двор от полного разорения. В решениях нередко закреплялись компромиссные договоренности о взаимозачетах, а иногда и о частичном прощении долга при условии, что должник выполнит определенные действия. Подобная практика оставалась чуждой формальному государственному процессу, однако вполне органично вписывалась в логику обычного права;

- волостные суды Московской губернии последовательно применяли принцип материальной компенсации за нарушение нравственного порядка и сельской этики. Дела об обязательствах из причинения вреда – споры о чести, самовольной перепашке межевых борозд, неисполнении предбрачных соглашений разрешались на основе локальных представлений о справедливости, укорененных в общинном укладе. Назначаемые штрафы и взыскания преследовали примирительную цель: устранить конфликт внутри общины, восстановить нарушенное равновесие, а строгое наказание виновного отходило на второй план.

Использование таких мер, как временное удержание имущества до выплаты штрафа, подтверждало признание судом традиционных способов обеспечения обязательств.

Таким образом, в делах по договорным и внедоговорным обязательствам, рассмотренных в различных волостных судах Московской губернии, правовой обычай выступал в качестве основного регулятора, обеспечивая гибкость правоприменения, приоритет коллективных норм и признание устных соглашений как равнозначных формализованным договорам. При этом волостные суды придерживались процессуальному порядку: обязательный вызов сторон, фиксирование повестками даты суда, приглашение свидетелей, применение последствий неявки, и др. Кроме того, суд учитывал индивидуальное положение домохозяйств при распределении обязанностей, что позволяло сочетать формальные требования с принципами общинной справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного диссертационного исследования, целью которого являлся комплексный анализ правового обычая как источника права в деятельности волостных судов Московской губернии в 1861–1917 гг., можно сформулировать следующие основные выводы.

В результате обобщения различных научных подходов следует, что волостные суды являются сложным и многокомпонентным правовым феноменом, сочетающим в себе черты государственного судебного органа и института крестьянского самоуправления. Многообразие исследовательских позиций (от консервативно-критических до современных культурно-антропологических и институционально-правовых интерпретаций) позволяют сделать вывод о двойственной природе волостной юстиции, обусловленной ее функционированием в условиях переходного периода развития российского правопорядка на основе серьезных социально-экономических преобразований. Для глубокого понимания медиативной и интеграционной роли волостных судов был детально проанализирован историко-правовой контекст их возникновения. Накануне Великой реформы 1861 года Российская империя находилась в состоянии глубокого системного кризиса, обусловленного исчерпанием экономического и управленческого потенциала крепостнической системы. Отмена крепостного права породила правовой вакуум в сфере управления многомиллионным сельским населением. Поскольку распространить на крестьян действие общеимперских судов было невозможно ввиду их неготовности к восприятию сложных формализованных процедур Свода законов Российской империи, возникла острая потребность в создании переходного квазисудебного органа. Синтез существующих научных позиций, прошедших сложную эволюцию в отечественной историографии, позволяет концептуализировать истинную правовую природу данного института.

Эволюция доктринальных подходов показывает переход от консервативно-критического восприятия второй половины XIX века, когда суд считался элементом полицейско-административного контроля, а обычай архаикой, к либеральному подходу, видевшему в суде подлинного выразителя народного правосознания и внутренней справедливости крестьянского мира. Историко-эволюционная школа стала рассматривать суд как естественный переходный институт. Современная наука также неоднородна: административный подход делает акцент на зависимости судов от земских начальников, институциональный рассматривает их интеграцию в общегосударственную судебную систему, а культурно-антропологический видит в них транслятор крестьянской ментальности. Сегодня преобладает комплексный подход, признающий дуализм волостного суда и рассматривающий обычай как равноправный регулятор наряду с позитивным законом в рамках правового плюрализма.

Опираясь на данный историографический фундамент, в диссертации обосновывается, что волостные суды в пореформенный период (1861–1917 гг.) представляли собой уникальный институциональный механизм, выполнявший функцию правового и социального посредника (медиатора) между государственным аппаратом Российской империи и крестьянским общинным самоуправлением. В условиях объективно существовавшего правового дуализма главная системная значимость волостного суда заключалась не столько в отправлении правосудия как такового, сколько в обеспечении управляемой интеграции норм крестьянского обычного права в общеимперскую позитивную правовую систему. Волостные суды выступали посредником между государством и крестьянской общиной, обеспечивая не только применение позитивного права, но и легитимацию правового обычая как важнейшего регулятора общественных отношений. Действуя как механизм государственного санкционирования локальных традиций, волостная юстиция обеспечивала компромиссное сглаживание конфликтов между формальным законодательством и народным правосознанием. Особую специфику данный процесс приобрел в Московской губернии, где деятельность волостных судов выступала важнейшим инструментом

правовой адаптации традиционного общинного уклада к интенсивно развивающимся промышленно-капиталистическим отношениям, выступая буфером между уходящим аграрным укладом и наступающей индустриальной урбанизацией.

Анализ историографических и теоретико-методологической основы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительное внимание исследователей к институту волостных судов в целом, проблема применения норм правового обычая в их деятельности, особенно на уровне центральной Московской губернии, длительное время оставалась недостаточно изученной. Кроме того, существующие работы преимущественно сосредоточены на вопросах организационно-правового статуса волостных судов, их месте в судебной системе Российской империи и общих характеристиках крестьянского правосудия, тогда как специфика использования обычного права в конкретных категориях дел (семейных, наследственных, земельных и обязательственных) не получила достаточно освещения.

В период 1861–1917 гг. развитие волостных судов Московской губернии происходило поэтапно, что было непосредственно обусловлено реформами и изменением законодательства. Установлено, что развитие института волостной юстиции в Российской империи носило выраженный поэтапный характер, в рамках которого реформы 1861 и 1889 гг. выступили необходимой институциональной базой для последующей системной модернизации судопроизводства. На начальном этапе, связанном с крестьянской реформой 1861 г., волостные суды формируются как максимально самостоятельное и хорошо адаптированное к сельской среде звено местной юстиции, ориентированное на доступность правосудия, простоту судопроизводства и широкое применение норм правового обычая. В этот период государство делегировало судебные полномочия самим крестьянам, что обеспечивало сохранение правопорядка на низовом уровне без существенных финансовых затрат со стороны казны, опираясь на процессуальную гибкость и формулу применения норм «глядя по человеку».

Последовавшая реформа 1889 г., связанная с введением института земских начальников, знаменует усиление административного контроля, а значит, некоторое ограничение автономии волостных судов. Однако, традиционно оцениваемое в доктрине как контрреформа, это преобразование с позиций институциональной эволюции сыграло роль важнейшего переходного этапа. Несмотря на жесткий контроль, именно в этот период была заложена тенденция к расширению юрисдикции: компетенция суда по имущественным спорам была увеличена со ста до трехсот рублей, а подсудность стала распространяться на всех лиц бывших податных сословий, постоянно проживавших на территории волости. Это привело к де-факто трансформации волостного суда из узкосословной инстанции в территориальный судебный орган для всех низших слоев сельского населения. Увеличение возрастного ценза для судей до тридцати пяти лет и введение трехлетнего срока полномочий способствовали формированию более стабильного судейского корпуса. Данные изменения не привели к утрате их функциональной значимости в условиях огромного количества сельского населения империи, как эффективного органа разрешения споров, способного учитывать традиционные представления крестьянства о правосудии.

Следующий этап, обусловленный преобразованиями 1912 г., характеризуется дальнейшим стремлением к модернизации волостной юстиции и сближением волостного производства с общегосударственной судебной системой. Доказано, что эта реформа обозначила принципиально новый этап эволюции, направленный на органичную интеграцию судов в общегосударственную судебную систему. Данный качественный скачок был обеспечен за счет вывода судов из-под прямого административного контроля земских начальников, учреждения апелляционной инстанции в лице Верхнего сельского суда, повышения образовательных цензов судейского корпуса и профессионализации судебного аппарата, включая введение должности секретаря и допущение закрытых заседаний. Формализация процедур судопроизводства не препятствовала сохранению практики обращения к обычному праву. События 1917 года привели к ликвидации волостных судов в ходе коренной трансформации всей судебной системы.

Обосновано, что длительная институциональная устойчивость волостной юстиции детерминировалась ее двойственной правовой природой: способностью выполнять юрисдикционные функции низового государственного органа, опираясь на традиционные механизмы крестьянского самоуправления. Эта устойчивость обеспечивалась уникальной правовой пластичностью и способностью института выполнять важнейшие функции социального балансира. Волостной суд действовал как институт социальной терапии, где приоритетной целью оставалось примирение сторон и гашение конфликтов в зародыше. Это позволяло судам гибко сочетать нормы позитивного права с правовым обычаем, эффективно обеспечивая правопорядок в условиях масштабной трансформации империи. Волостные суды на протяжении рассматриваемого периода выступали устойчивым механизмом интеграции традиционных правовых норм в систему государственного правопорядка, сохраняя значимость вплоть до упразднения.

Волостные суды функционировали на стыке формального права, определяющего их правовой статус, и традиционного уклада, выступая органическим продолжением крестьянского самоуправления и одновременно элементом государственной судебной системы. Повседневная деятельность этих судов институционализировала правовой обычай, наделяя его юридической силой в рамках официального судопроизводства. Так сложилась особая модель правосудия: государственные нормы не вытесняли локальные обычно-правовые практики, но адаптировали и санкционировали их. Реформы второй половины XIX – начала XX вв. не привели к вытеснению обычного права, несмотря на тенденции к централизации и усилению административного контроля. Напротив, даже в условиях реформ 1889 и 1912 гг. правовой обычай сохранял устойчивые позиции в правоприменительной практике крестьянства, так имел функциональную необходимость в рамках социальной обусловленности той эпохи. Волостные суды на протяжении всего периода с 1861 по 1917 г. продолжали выступать проводниками компромиссной модели правового регулирования, сочетающей требования государства и интересы крестьянской общины.

Опровергается традиционный для доктрины тезис о том, что применение обычных норм было обусловлено исключительно пробелами законодательства. Доказывается, что в системе волостной юстиции Московской губернии правовой обычай функционировал не в качестве архаичного субсидиарного источника права, механически восполнявшего пустоты позитивного законодательства, а выступал фундаментальным нормативно-корректирующим механизмом, обладавшим в правоприменительной практике сословных судов фактическим приоритетом над официальным государственным законом. Формально-правовые институты имперского права приобретали реальную юридическую силу в крестьянской среде лишь при условии их обязательной верификации на соответствие обычно-правовым критериям социальной справедливости, этике общинной солидарности и императивам хозяйственного выживания. Специфика коллективного правосознания сельского населения детерминировала уникальную для российской правовой системы инверсию иерархии источников права, в результате которой суды целенаправленно блокировали применение норм Свода законов в тех случаях, когда реализация формального права несла прямую угрозу разорения крестьянского двора.

Ярким примером конфликта формализма и традиционной этики служит судебная практика. Так, суд мог отменить нотариально удостоверенный договор аренды, легитимный по формальным признакам, если сделка совершалась в опьянении и вела к разорению семьи, тем самым подчиняя гражданский договор этическому контролю общины. В фабричной среде обычай применялся для медиации трудовых конфликтов (как в случае с ткачами фабрики Щербакова), когда суд игнорировал полицейские предписания ради восстановления социального мира. При рассмотрении публично-правовых проступков волостная юстиция могла инициировать наказания за пьянство и «нерадение к хозяйству» даже без частного обвинителя, используя обычай для сохранения экономической дееспособности двора и обеспечения фискальной стабильности. Вразрез с восприятием обычая исключительно как патриархального института, это

доказывает его высокую адаптивность к условиям масштабной промышленной модернизации губернии.

Получавший стабилизацию своей формы в рамках решений волостных судов правовой обычай выполнял универсальную регулятивную функцию, охватывая все ключевые сферы крестьянской жизни от семейно-брачных и наследственных, до обязательственных отношений. Земельно-правовые вопросы занимали особое место, затрагивая семейно-имущественные вопросы, возникавшие при жизни крестьян и распределение наделов после их смерти. Применение обычных норм было обусловлено не столько пробелами законодательства, сколько несоответствием формального права реальным условиям крестьянской жизни и быта. В этой связи правовой обычай выступал довольно гибким инструментом правового регулирования, основанный на принципах справедливости, целесообразности и социальной приемлемости, принятых в каждой местности, где создавался волостной суд. Формально действующие гражданско-правовые конструкции в силу сложившихся обычаев оказывались подчиненными общинному контролю, в рамках которого пьянство, «непристойное поведение» и нарушение общественного порядка выступали самостоятельными основаниями для пересмотра или фактического прекращения договорных отношений. Это свидетельствует о формировании правовой действительности в крестьянских обществах преимущественно через систему коллективных морально-нравственных и обычно-правовых норм, закрепленных в практике сельского схода.

К числу характерных черт применения правового обычая в дореволюционном волостном судопроизводстве можно отнести ряд взаимосвязанных особенностей. Прежде всего, его использование было обусловлено сословной природой крестьянского правосудия, в рамках которого нормы обычая функционировали преимущественно в пределах крестьянского сообщества и отражали его внутреннюю социальную организацию. Содержание обычно-правовых норм определялось этнокультурными особенностями, религиозными представлениями и бытовыми практиками конкретных территорий. Такая локальная обусловленность обеспечивала высокую степень адаптации права

к условиям сельской жизни. Применение обычая отличалось процессуальной гибкостью, поскольку его содержание устанавливалось через свидетельские показания, апелляции к «старине» и коллективной памяти общины, а не через письменные источники. Такой подход делал правосудие понятным и доступным для неграмотного населения. В системе общегосударственного права правовой обычай сохранял дуалистический характер: отдельные его элементы получали признание на уровне законодательства, тогда как значительная часть обычно-правовых норм (особенно в сфере имущественных отношений) продолжала существовать автономно, сохраняя традиционную специфику.

На территории Московской губернии правовой обычай в сфере семейных отношений неизменно ставил коллективные начала и целостность двора выше индивидуальных интересов, поскольку именно от этого зависело выживание крестьянского хозяйства. Волостные суды рассматривали семью как экономический союз особого рода, где решающую роль играли не формальные статусы, а фактические обстоятельства: кто трудился на общее благо, кто проживал совместно с семьей, кто иным образом вносил личный вклад в хозяйство. Подобная практика свидетельствует о господстве функционального подхода к определению правового положения членов семьи. Патриархальная модель внутрисемейных отношений при этом сохранялась, и волостные суды своими решениями ее последовательно поддерживали. Материалы волостных судов свидетельствуют о том, что право на долю в общем имуществе определялось не только степенью родства. Суды применяли «трудовой принцип», детально оценивая вклад лица в ведение хозяйства: учитывалось участие в сельскохозяйственных работах, исполнение податных обязанностей. Широко распространенной была и практика «приемышей» зятьев – их усыновляли для продолжения ведения хозяйства родителей жены. Существенную роль играл институт «кормления», обеспечивавший содержание престарелых членов семьи в обмен на передачу управления хозяйством, что придавало внутрисемейным отношениям характер взаимных обязательств, контролируемых судом. При этом любые разделы имущества и трансформация семейного уклада, как правило, происходили под

контролем сельского общества, выступавшего гарантом экономической устойчивости двора и предотвращения его распада. Вместе с тем судебная практика свидетельствует о постепенной трансформации традиционного семейного уклада в условиях начавшихся процессов индустриализации и социальной мобильности членов семей на рубеже XIX-XX веков, что выражалось в учащении имущественных разделов, ослаблении патриархальных связей и усилении индивидуальных притязаний. Однако даже в этих условиях основным ориентиром продолжали выступать обычно-правовые принципы коллективной ответственности и хозяйственной целесообразности.

Исследование сферы семейных отношений демонстрирует кардинальный сдвиг в правоприменительной парадигме. Доказано, что в условиях интенсивной урбанизации, развития отходничества и социально-экономической модернизации Московской губернии деятельность судов по разрешению семейных споров стала характеризоваться не изолированным применением обычая, а целенаправленной конвергенцией традиций и институтов имперского позитивного права. Опровергается тезис о безусловном приоритете и поддержке патриархального обычая: суды активно использовали нормы Свода законов и процессуальные стандарты для преодоления архаичных порядков и защиты личности. Происходил сознательный отказ от презумпции безусловной правоты главы семьи в пользу стандартов объективного доказывания вины, выносились оправдательные приговоры уязвимым членам хозяйства при отсутствии улик, а вместо поддержания патриархального повиновения приоритетно применялись формальные административные санкции. Традиционные обычаи активно формализовывались: статус приемных членов семьи перестал опираться на устное одобрение и стал строго регламентироваться требованиями гражданского законодательства (с истребованием метрик), а имущественные внутрисемейные соглашения начали подчиняться сугубо государственному институту «земской давности». Кроме того, сформировалась беспрецедентная практика, при которой для превентивной защиты жертв внутрисемейного насилия суды преодолевали абсолютную власть домохозяина путем административной паспортизации женщин

и детей, фактически легализуя их право на сепарацию. Таким образом, правовой обычай в процессуальном и правоприменительном аспектах целенаправленно трансформировался под воздействием закона, обеспечивая глубокую гуманизацию крестьянского быта.

В наследственных правоотношениях правовой обычай, в отличие от интенсивно модернизирующейся семейной сферы, оставался строго ориентированным на сохранение хозяйственной целостности двора, что сближает его с подходами, применяемыми в семейных вопросах. Как и в семейной сфере, при разрешении наследственных конфликтов решающее значение придавалось не формальному равенству наследников (закрепленному в Своде законов), а их реальной вовлеченности в поддержание экономической устойчивости двора. Тем самым неделимость хозяйства выступала не только имущественным, но и глубоким социально-правовым принципом, определяющим круг лиц, обладающих правом на наследование. Обосновано, что в наследственных правоотношениях правовой обычай неизменно указывал на приоритет коллективных начал над индивидуальными притязаниями родственников, так как основополагающим элементом правосознания выступала идея неделимости «двора» как базовой социально-хозяйственной и фискальной единицы. Волостные суды Московской губернии последовательно отдавали предпочтение тем местным обычаям, которые обеспечивали продолжение ведения хозяйства «на старом корню». Ближайшие родственники, прежде всего сыновья, сохраняли безусловный приоритет при наследовании, однако практика волостных судов содержит немало случаев, когда вдовы и дочери успешно отстаивали свои права. Это указывает на постепенное расширение круга лиц, признаваемых способными наследовать в рамках местной традиции. Община при этом учитывала фактический статус претендента: его участие в хозяйственной деятельности двора, несение общественных повинностей, родственную связь, иные формы включенности в повседневную жизнь семьи. Такое публичное признание со стороны общины служило дополнительным и наиболее надежным основанием для подтверждения наследственных прав, отодвигая формализованные письменные доказательства на второй план. Обычай,

применявшиеся при решении наследственных споров, опирались прежде всего на фактические обстоятельства: кто владел имуществом, кто им пользовался. Эти обстоятельства подтверждались свидетельскими показаниями и мнением сельского общества. К началу XX века законодательные нормы и письменные акты, в особенности завещания, приобретали все большее значение, причем их юридическую силу устанавливал волостной суд. Наряду с этим фиксировалось крайне незначительное число совершаемых письменных завещаний, что однозначно свидетельствовало о достаточно слабой формализации гражданского оборота в данной узкой сфере. Этот подход обеспечивал сочетание традиционных и формальных начал, при котором правовое регулирование наследственных отношений оставалось тесно связанным с практикой семейного хозяйствования и оценкой общины.

В сфере земельных отношений обширная практика волостных судов Московской губернии неопровержимо свидетельствует о тотальном доминировании обычно-правовых представлений, в основе которых лежало коллективное, общинное (а не индивидуально-частное) восприятие земли как незаменимого ресурса, находившегося в исключительном распоряжении крестьянской общины («мира»). В условиях одного из наиболее экономически и промышленно развитых регионов империи, волостные суды тем не менее последовательно исходили из незыблемого приоритета общинных интересов над частными, оценивая право на земельный надел, усадьбу, сугубо через призму фактического пользования землей и добросовестного исполнения общественных повинностей. Даже при нарастающем влиянии законодательных преобразований начала XX века данные взгляды, как глубоко укоренившиеся в обыденном крестьянском правосознании сохраняли свою устойчивость. Исследование судебной практики различных волостных судов Московской губернии показало, что земля воспринималась не как объект абстрактной собственности, а как «мирской» ресурс, находящийся под контролем сельского схода, чья воля зачастую имела решающее значение при разрешении споров. Выявлено, что применение обычно-правовых норм в разрешаемых земельных спорах обеспечивало тонкий и

жизненно необходимый баланс между эгоистическими интересами отдельного крестьянина и потребностями общины. Суды при разрешении земельных конфликтов в первую очередь принимали во внимание фундаментальный принцип трудового вклада в обработку земли и содержание надела. Длительное, непрерывное и добросовестное пользование землей, а также лично вложенный труд имели для суда неизмеримо большее значение, чем любые формальные юридические титулы или купчие крепости. Особенностью волостного судопроизводства в земельных вопросах являлось признание одинаковой юридической силы как за письменными, так и за устными соглашениями в отношении земли внутри общины. Процессуальные особенности рассмотрения земельных дел подчеркивали их публичный и коллективный характер, поскольку обязательное участие представителей общины и приглашение свидетелей было нормой. Волостное производство стремилось к достижению компромисса и поддержанию социального равновесия в вопросах землепользования. Даже после проведения столыпинской реформы, когда государственное регулирование резко усилилось, а политика центральной власти двинулась в сторону форсированной индивидуализации землевладения, суды продолжали рассматривать споры сквозь призму традиционного уклада. Привычные обычно-правовые механизмы распределения и использования земли сохраняли свою решающую роль, демонстрируя высочайшую устойчивость. В Московской губернии экономическая развитость региона, его транспортная инфраструктура и капитализация не вытеснили земельное обычное право; напротив, обнаружилась его феноменальная адаптивность к условиям активного правового обновления, которое продолжалось вплоть до ликвидации системы в 1917 году.

В вопросах многочисленных и разнообразных обязательств, практика волостных судов Московской губернии также отражает стабильное преобладание обычно-правовых начал, обеспечивавших признание коллективной ответственности и приоритета доверительных связей внутри крестьянского социума. В условиях даже такого экономически развитого региона, как Московская губерния, волостные суды не только допускали, но и последовательно закрепляли

за устными соглашениями, свидетельскими показаниями юридическую силу, придавая им обязательный характер и обеспечивая их принудительное исполнение государственным полицейским аппаратом. Существенной особенностью являлось восприятие обязательства как производного не столько от индивидуального договора, сколько от воли общины: решения сельского схода рассматривались в качестве самостоятельного основания возникновения обязанностей, в том числе по общественным платежам и коллективным нуждам. При этом субъектом гражданско-правовой и фискальной ответственности выступал не изолированный участник оборота, а в целом крестьянский двор как единая неделимая хозяйственная общность. Доказано, что обязательства в крестьянской среде носили не столько строго индивидуальный, сколько семейно-коллективный характер. Ведущую роль в доказывании при разрешении споров о долгах, найме и возмещении ущерба играли прямые решения сельского схода и публичные свидетельства членов общины, которые воспринимались судами как приоритетные и наиболее достоверные доказательства. Правовая природа письменных документов также преломлялась через призму обычая: долговые расписки воспринимались как материальное подтверждение уже существующего доверительного отношения, а не как строго формализованный и абстрактный юридический акт. Одновременно это означало, что их отсутствие не исключает возможности защиты права, поскольку суд мог признавать фактические обстоятельства, опираясь на свидетельские показания односельчан о фактическом содержании устного обязательства, которые признавались абсолютно достаточным доказательством для вынесения решения. Морально-нравственная сторона обязательств занимала значительное место наравне с их формально-материальным содержанием: при разрешении споров судьи ориентировались на сохранение добрососедских отношений и социальной стабильности деревни и нередко предлагали сторонам примирительные решения и мировые сделки. Исполнительные механизмы отличались высокой гибкостью и принимали во внимание реальные возможности должника. Отсрочки и рассрочки платежей неразрывно привязывались к объективному сельскохозяйственному циклу (сбору

урожая), что позволяло избежать непоправимого разорения крестьянского хозяйства и сохранения его налоговой платежеспособности, а стороны нередко прибегали к компромиссным формам урегулирования. Когда дело касалось причинения вреда или нарушения устоявшихся норм поведения, суды назначали компенсационные меры, которые в первую очередь были призваны восстановить социальное равновесие внутри общины через возмещение ущерба.

Правовой обычай в рассматриваемый период служил базовым, несущим элементом правовой системы крестьянского общества, и об этом убедительно говорит обширная архивная практика волостных судов Московской губернии: Борисовского, Добрятинского, Елмановского, Игнатьевского, Нагатинского, Петровского, Рождественского, Синьковского, Царицынского, Шараповского, Ягунинского и ряда других. Особо следует подчеркнуть, что правовой обычай в повседневной деятельности этих волостных судов выполнял не только прикладную регулятивную, но и глубочайшую стабилизирующую функцию, его умелое применение способствовало радикальному снижению конфликтности, сохранению крестьянской солидарности, предотвращая резкий распад хозяйственных основ сельской жизни и разрушение традиционных нравственных норм в эпоху индустриального перехода. Судебные решения волостных судей ориентировались не столько на формально-догматическое разрешение спора в пользу одной из сторон, сколько на восстановление нарушенного социального баланса и поддержание устойчивости крестьянской общины как критически важной единицы управления народонаселением огромной по территории страны. Волостные суды, интегрируя обычные нормы в официальное государственное судопроизводство и осуществляя рецепцию позитивного права там, где обычай безнадежно устаревал, способствовали формированию своеобразной модели «смешанного» правосудия, в которой сложное, диалектическое взаимодействие государственного и обычного-правового начал обеспечивало небывалую устойчивость правопорядка в условиях масштабных социальных преобразований пореформенной России.

Отмеченные выше особенности функционирования правового обычая в деятельности волостных судов определили внутреннюю логику и структуру

настоящей диссертационной работы. Для комплексного анализа правового обычая как источника права в деятельности волостных судов Московской губернии потребовалось последовательно перейти от общетеоретического осмысления института волостной юстиции и места в нем обычного права к детальному, прикладному изучению правоприменительной практики по отдельным категориям гражданских и административных дел. Исследование строится следующим образом: сначала анализируются ключевые историографические подходы отечественной историко-правовой доктрины к волостным судам, прослеживается поэтапная эволюция их правового статуса под влиянием системообразующих реформ 1861, 1889 и 1912 годов, определяется подлинная нормативно-корректирующая роль правового обычая в системе источников волостного судопроизводства. Эта мощная теоретико-историческая база создает необходимый фундамент для дальнейшего отраслевого анализа. Затем, исключительно на основе неопубликованных архивных материалов волостных судов Московской губернии, выявляются уникальные особенности применения и трансформации правового обычая в конкретных категориях судебных дел: семейных спорах (где зафиксирована наиболее активная рецепция позитивного права), наследственных делах, земельно-правовых вопросах и обязательственных отношениях. Подобная комплексная структура охватывает все ключевые сферы крестьянской жизни и обеспечивает логичный переход от общих теоретико-исторических предпосылок к детальному изучению живой правоприменительной практики.

Обращение к богатому историческому опыту функционирования волостных судов и правового обычая приобретает особую научную и практическую значимость в контексте современных конституционно-правовых подходов. Современная правовая политика России все более ориентируется на защиту и укрепление духовно-нравственных основ общества, традиционных ценностей, принципов социальной солидарности и справедливости. Анализ сложного, многоуровневого взаимодействия позитивного государственного права с обычными правовыми нормами в прошлом восполняет существенный пробел в изучении историко-правовых аспектов волостной юстиции Московской губернии.

Одновременно такой глубокий ретроспективный анализ дает бесценный концептуальный материал для осмысления потенциала интеграции традиционных обычно-правовых, медиативных и этических механизмов в современную правотворческую и правоприменительную практику. Понимание исторических корней отечественного правосознания объективно направлено на выработку механизмов укрепления доверия граждан к институтам правосудия, снижение избыточного юридического формализма и адекватный учет реальных социокультурных потребностей общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 №1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. -03.07.2020. – № 31. – Ст. 4412.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1996 г. – № 1. – Ст. 16.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 46. - Ст. 7977.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.11.2024 № 55-П «По делу о проверке конституционности статьи 48 Кодекса о браке и семье РСФСР в связи с жалобой гражданки М.» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 50. - Ст. 7841.

Нормативные правовые акты, утратившие силу

7. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введен одобренный Государственным советом и Государственной думой и выс. утв. 15 июня 1912 г. закон о преобразовании местного суда: С прил. Перечня ст. из Устава

о наказаниях, налагаемых мировыми судьями... - Неофиц. изд. - Белая Церковь: В.И. Скловский, 1914. - 59 с.

8. О введении волостного земского самоуправления: временное положение о волостном земском управлении и наказ о производстве выборов волостных земских гласных: Постановление Временного правительства от 21 мая 1917 г. / под редакцией секретаря комитета П. В. Чагина. - Пермь: издание Пермского губернского статистического комитета, 1917. - 42 с. | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: <https://www.prlib.ru/item/438242?ysclid=m264hd51xz169434524> (дата обращения 12.10.2024).

9. О волостном суде в тех же местностях: Временные правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

10. О выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий: Положение от 19 февр. 1861 г. - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/vikkrep> (дата обращения - 02.11.2024). – Режим доступа: свободный.

11. О губернских и уездных земских учреждениях: Положение от 1 янв. 1864 г. // О губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям: Положение от 19 февр. 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2. - Т. 36. - № 36660.

12. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования: Именной Высочайший указ 9 ноября 1906 г. // Собрание узаконений. - 1906. - 11 ноября. - Отд. I. - Ст. 1859.

13. О земских участковых начальниках: Положение от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

14. О крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: Общее Положение, утвержденное 19 февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2 - Т. 36. - Отд. IV. - № 36657.

15. О крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных: Высочайше утвержденное Положение № 39792 от 26 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Собрание II. - Т. XXXVIII.

16. О поземельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях: Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 1866 года Ноября 24. // Санкт-Петербург: тип. Второго отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – С. 5-14. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543885_21789/ (дата обращения 09.02.2025).

17. О порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках: Правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.

18. О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирской полевой землей: Мнение Государственного Совета от 18 марта 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 6. - Ст. 3578.

19. О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета № 42899 от 18 января 1866 г. // ПСЗРИ. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1868. - Собрание II. Т. XLI.

20. О раздельном жительстве супругов. 10 мая 1910 г. // Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 3-я. Приложения к стенографическим отчетам. - СПб., 1910. - Т. 2. - № 416.

21. О суде: Декрет Совет Народных Комиссаров от 24.10.1917 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения 12.10.2024).
22. Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон 14 июня 1910 г. // Собрание узаконений. - 1910. - 19 июня. - Отд. I. - Ст. 1043.
23. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний: Указ 5 окт. 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. - Т. 26. - № 28392.
24. Об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение: Правила от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 9. - № 6196.
25. Об учреждении опеки над сельскими обывателями вследствие расточительности: Закон от 18 мая 1918 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 3. - Т. 31. - № 35218.
26. Правила для составления и выдаче государственным крестьянам владенных записей от 31 марта 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. - Собр. 2. - Т. 42. - № 44418.
27. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью Изд. по распоряжению ген.-губернатора Вост. Сибири Д.Г. Анучина. Т. 1-8. Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири Вып. 2. - 1884. - [2], IV, 309 с.
28. Свод законов гражданских // Свод законов Российской Империи. Том X. Часть первая. Свод законов гражданских. Издание 1900. – 631 с. - URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html>. (дата обращения 12.10.2024).
29. Сельский судебный устав для государственных крестьян: Устав от 23 марта 1839 г. // Устав Сельский Судебный: Руководство для крестьян: Сб. действующих узаконений, касающихся обществ. их упр. и обязанностей сел. и волост. должност. лиц и ниж. чинов уезд. Полиции. - Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. – С. 156-176.

30. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года // КонсультантПлюс: Классика Российского Права – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1927393 (дата обращения - 30.11.2024).

31. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет / В 2-х тт. и дополн. том: Т. 1. Т. 2 / 30. - Петроград: Сенат. тип., 1914, 1914. - 831 с. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004182271/ (дата обращения - 02.04.2025).

32. Устав Сельскій Судебный// Руководство для крестьян: Сб. действующих узаконений, касающихся обществ. их упр. и обязанностей сел. и волост. должност. лиц и ниж. чинов уезд. Полиции. - Москва: тип. М.Н. Лаврова и К°, 1880. – С. 156-176.

33. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (извлечено из Судебного Устава от 20 ноября 1864 г.). — Санкт-Петербург : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. - 45 с.

Монографии, учебная и справочная литература

34. Алексеев А. С. Русское государственное право / Конспект лекций орд. проф. Имп. Моск. ун-та А.С. Алексеева. - 4-е изд. – М.: тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. - 583 с.

35. Алешин П. Н. Земское и крестьянское самоуправление: опыт и традиции (на примере Курской и Уфимской губерний): Монография / П. Н. Алешин, Г. А. Иванцова, Т. Н. Шишкарева. – Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – 147 с.

36. Алфавитное пособие для земских начальников и лиц, близких крестьянскому делу, согласованное с теорией права, законодательством, мотивами его и позднейшими сенатскими и министерскими разъяснениями / сост. А. Н. Замятнин - СПб.: тип. Штаба Отд. Корпуса Жандармов, 1894. - XVI, [2], 412 с.

37. Антокольская М. В. Семейное право: Учебник / М.В. Антокольская-Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.-Юристъ, 2002 - 336 с.

38. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М.: Русская мысль. - 1896. - 324 с.
39. Базанов И. А. Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям / И. А. Базанов. – Томск: 1-я типолитография П. И. Макушкина, 1902. – 34 с.
40. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов / М. В. Баглай. - 6-е изд., изм. и доп. - М. : Норма, 2007. - 784 с.
41. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин - М.: Common place, 2017. - 334 с.
42. Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: Монография / В. Б. Безгин. – Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015 – 192 с.
43. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века / В. Б. Безгин. – Тамбов, 2012 – 124 с.
44. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века): монография / В. Б. Безгин. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. - 304 с.
45. Белослудцева В. В. «Как же я могу жениться на тебе, когда я женат?»: о расторжении брака в Пермской губернии в конце XIX - начале XX века / В. В. Белослудцева // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 4(51). – С. 117-126.
46. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А. Д. Каплина, отв. ред. О. А. Платонов. - М.: Институт русской цивилизации, 2011 (по изданию 1879 г.) - 896 с.
47. Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси / И. Д. Беляев - Москва: Имп. о-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1905. - 135 с.
48. Беспалов В. В. Основы истории государственного и военного управления России (с древнейших времен до 2-й Русской революции 1917 года) /

В. В. Беспалов. – Москва: Издательство Современного гуманитарного университета, 2012. – 229 с.

49. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Гарольд Дж. Берман; пер. с англ. М. Тименчикова и Д. Шабельникова. – М.: Школа политических исследований, 2008. - 463 с.

50. Билимович А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: (Докл., прочит. в собр. Киев. юрид. о-ва 6 нояб. 1904 г.) / Ал.Д. Билимович. - Киев: тип. Имп. ун-та св. Владимира акц. о-ва печ. и изд. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1904. - 60 с.

51. Блинов И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк / Ив. Блинова. - Пг.: Сенат. тип., 1914. -234 с.

52. Бржеский, Н.К. Очерки юридического быта крестьян / Исслед. Николая Бржеского. - СПб.: тип. В. Киршбаума, 1902. - 185 с.

53. Богданов И. М. Правила о волостном суде 12 июля 1889 г.: Правила о волостном суде двенадцатого июля 1889 г. С извлеч. из циркуляров М-ва вн. дел 1890-1894 г.: С разъясн. сост. о правах и обязанностях волост. судей / Сост. И.М. Богданов (част. поверенный). - Севск: скоропеч. заведение В.Н. Лосева, 1895. -38 с.

54. Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров – М.: «Советская Энциклопедия», 1969-1978 – 592 с.

55. Бороздин С. В. Земельные отношения и аграрные реформы: взгляд неполитизированного экономиста: монография / С. В. Бороздин. – М.: ЮНИТИ : Единство, 2002. – 238 с.

56. Ботанцов И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832–1917 гг.) : монография / И.В. Ботанцов. - Гатчина : ГИЭФПТ, 2019. - 163 с.

57. Бразоль Г. Е. Об упразднении волостных и сельских судов: Замена их мировыми судеб. учреждениями / Ахтыр. уезд. предводителя дворянства и почет. мирового судьи Ахтыр. и Зеньк. уездов Григория Бразоль. - Харьков: тип. М.Ф. Зильберберга, 1886. - 412 с.

58. Вернадский Г. В. История права / Г. В. Вернадский. – Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 1999. – 176 с.
59. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права/ М.Ф. Владимирский-Буданов - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005 - 800 с.
60. Гамбаров Ю.С. Гражданское право /Ю.С. Гамбарова. 1894-95 г. – М.: лит. Рихтера, 1895. - 487 с.
61. Гессен И. В. Раздельное жительство супругов: Закон 12 марта 1914 г. о некоторых изм. и доп. действующих узаконений о личн. и имуществ. правах замуж. женщин и об отношениях супругов между собою и к детям и др. законоположения с законодат. мотивами и разъяснениями, извлеч. из Проекта Ред. комис. ... со вступ. очерком и алф. предм. указ. / И.В. Гессен. - Санкт-Петербург: Юрид. кн. скл. «Право», 1914. - 176 с.
62. Голевинский В. И. О происхождении и делении обязательств / Соч. В. Голевинского. - Варшава: тип. О. Бергера, 1872. - 302 с.
63. Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи: Общая теория права. Обычное право. Гражданское право. Торговое право. Гражданский процесс / А.Х. Гольмстен. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1894. –533 с.
64. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России, (1647-1917) / В. Э. Грабарь; науч. ред. и сост. У. Э. Батлер; отв. ред. В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, Гарант, 2005. - 847 с.
65. Грабарь, В.Э. Энциклопедия права. - Юрьев: Литогр. Э. Бертельсона, 1906. - Ч. 1: Определение энциклопедии права. - 1906. - 100 с.
66. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве/ А. Д. Градовский. – М., 1892. -440 с.
67. Градовский А. Начала русского государственного права. Том III. Начала местного управления / А. Градовский. - М.: Стасюлевич, 1883. - 384 с.
68. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / под ред.П. В. Крашенинникова. Том 1: Общая часть – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2022. – 550 с.

69. Григоровский С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное производство. Историко-юридические очерки/ С. П. Григоровский. - Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1911. - 342 с.
70. Дашин А. В. Обычай в правовой системе России / А. В. Дашин. – Краснодар: ООО «Эпомен», 2024. – 141 с.
71. Дашкевич Г.А. О волостном суде и его реформе: (Из наблюдений над крестьян. самоуправлением) / Г.А. Дашкевич. - Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1885. - 104 с.
72. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: исторические справки / Гр. Джаншиев. - 10-е посмертное, доп. изд. (2-е изд. Лит. фонда) - Санкт-Петербург, 1907. -855 с.
73. Дружинин Николай Петрович (1858-1941). Русское право государственное, гражданское и уголовное в популярном изложении / Н.П. Дружинин. - Санкт-Петербург: О.Н. Попова, 1899. - 186 с.
74. Ефименко П. С. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии / П. С. Ефименко. – М.: ОГИ, 2009. – 272 с.
75. Ефименко П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Сост. П.С. Ефименко. Кн. 1-. Кн. 1 / 20. - Архангельск: Губ. тип., 1869, 1869. - 336 с.
76. Ефименко А. Я. Женщина в крестьянской семье // Исследования народной жизни: Обычное право. Вып. 1. М.: В. И. Касперов, 1884. -398 с.
77. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни / Соч. Александры Ефименко, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва... Вып. 1-. Обычное право. – М.: В.И. Касперов, 1884, 1884. -380 с.
78. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии: [сборники] / Государственное русское географическое общество, Отделение этнографии. Сборник народных юридических обычаев. Т. 1 / издан под ред. С. В. Пахмана. - Петроград: Типография Российской академии наук, 1867-1925 - Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1900. - 429 с.

79. Земцов Л. И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60 – 80-е гг. XX в.)/ Л. И. Земцов - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. -264 с.
80. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907-1914 гг. / П.Н. Зырянов - М.: Наука, 1992. -256 с.
81. Зырянов П. Н. Обычное гражданское право в пореформенной общине / П.Н. Зырянов - Вологда, 1976. – С. 91-101.
82. Исаев И.А. История государства и права России. 4-е изд. - М., 2014. - 800 с.
83. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И. А. Исаев. - М.: Проспект, 2012 - 432 с.
84. История России на рубеже веков. 1894 - 1922 гг / С. И. Голотик, С. В. Карпенко, В. В. Минаев [и др.]. – 2-е издание, исправленное, дополненное и переработанное. – М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2017. – 426 с.
85. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней Руси/ Собрание сочинений К. Д. Кавелина Текст Монографии по русской истории Т. 1. – М., 1897. – 66 с.
86. Кавелин К. Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза / Соч. К. Кавелина. - Санкт-Петербург: тип. Правительствующего сената, 1884. - 170, II с.
87. Калачов Н.В. О волостных и сельских судах в древней и нынешней России / Соч. Н.В. Калачова. Ст. 1. - Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1880. - 22 с.
88. Канторович, Я. А. Законы об узаконении и усыновлении детей с объяснениями, извлеченными из мотивов закона 12 марта 1891 г., и с разъяснениями по определениям Правительствующего сената / Сост. Я.А. Канторович. - Санкт-Петербург: Я.А. Канторович, 1899. - 120 с.
89. Кистяковский А. Ф. Программа для собирания и изучения юридических обычаев и народных воззрений по уголовному праву: практическое пособие / А. Ф. Кистяковский. – Киев: Университетская типография, 1878. – 53 с.

90. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Соч. Н. М. Коркунова. - 9-е изд. (без изм.). - СПб.: магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.
91. Красножен М. И. Старые и новые законы о разводе. По поводу издания проекта нового Гражданского уложения/ М. И. Красножен. - Юрьев: тип. В. Маттисена, 1904. - 40 с.
92. Ключевский В.О. Курс русской истории в 5 ч./ В.О. Ключевский-СПб., 1904-1922. - 1146 с.
93. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. / Н. М. Коркунов. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). - 428 с.
94. Купчинов И.П. Из дневника волостного писаря/ Ив. Купчинов. - Москва: тип. О-ва распространения полез. кн. преемник В.И. Воронов, 1910. - 81 с.
95. Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах/ А.А. Леонтьев. - СПб, 1914. - 364 с.
96. Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А. Леонтьев. - Санкт-Петербург: Изд. Юрид. кн. маг. Мартынова, 1895. - 140 с.
97. Максимов, В. Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразвод. дел / сост. В. Максимов. - Москва: Юрист, 1909. - 428 с.
98. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в./ А.Г. Маньков. - СПб., 2002. - 216 с.
99. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, ТК Велби, 2005. – 597 с.
100. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник / М. Н. Марченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – 387 с.
101. Матвеев П. А. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки С.В. Пахмана, заслуженного профессора С.-Петербургского университета. Т. I. Собственность, обязательства и средства судеб. охранения. С.-Петербург, 1877 г. - 447 с.

102. Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник/ Н. И. Матузов, А. В. Малько; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. –Москва: Дело, 2022. – 528 с.
103. Мейер Д. И. Русское гражданское право: Чтения Д.И. Мейера, изд. по зап. слушателей под ред. А. Вицина. - 3-е изд., испр. согласно определениям новейшего законодательства - Санкт-Петербург: Н. Тиблен, 1864. - 790 с.
104. Менщиков И. С. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: монография / И. С. Менщиков, С. Г. Федоров - Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. - 151 с.
105. Мещерский В.П. Еще о волостных судах/ В. П. Мещерский // Русский вестник. - 1864. - Т. 51. - 850 с.
106. Мещерский, В.П. Очерки нынешней общественной жизни в России. / [Соч.] Кн. В.П. Мещерский. Вып. 1-2. - Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1868-1870. - 2 т.; 25. Письма из средних велико-российских губерний за 1867 год. - 1868. - 461 с.
107. Министерство юстиции за сто лет. 1802 -1902. Исторический очерк / Сост. П. Н. Гуссаковский. -СПб.: Сенатская типография, 1902 - 340 с.
108. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. - СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2000. - Т. 1. - 547 с.
109. Муравьев Н. В. Руководство для волостных судов в местностях, где учреждены земские участковые начальники / Сост. Н.В. Муравьев, прокурор Моск. судеб. палаты. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1891. - 131 с.
110. Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву / Соч. Сергея Муромцева. (1898-1899). - Санкт-Петербург: Воен. тип., 1899. - 17 с.
111. Мухин В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян: К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению / В.Ф. Мухин. - Санкт-Петербург: Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. - 333 с.

112. Никонов С.П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее / С. П. Никонов, проф. Харьков. ун-та. - Харьков: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1906. - 330 с.
113. Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1959. - 160 с.
114. Обычное право народов России: библиографический указатель (1890 – 1998 гг.) / сост. и автор вступ. ст. А. А. Никишенков; под ред. Ю. И. Семенова. - М.: Старый сад, 1998. - 252 с.
115. Общая теория советского права / Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1966. - 491 с.
116. Оршанский И. Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному/ И.Г. Оршанский. - Санкт-Петербург: тип. А.Е. Ландау, 1879. - [4], 455 с.
117. Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному / И. Г. Оршанский. – С.-Пб: Тип. А. Е. Ландау, 1879. – 453 с.
118. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сборник статей / Под ред. канд. ист. наук В. П. Данилова. – М.: Госполитиздат, 1963. - 560 с.
119. Пахарнаев А.И. Закон, обычай и волостной суд: (Руководство для крестьян) / Сост. пред. Верхотур. уезд. съезда А.И. Пахарнаев. - Неофиц. изд. - Пермь: типо-лит. Губ. правл., 1894. - 75 с.
120. Пахман С. В. История кодификации гражданского права. В 2-х томах. Т. 1 / Пахман С. В. – С.-Пб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1876. - 482 с.
121. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. - Санкт-Петербург: тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1877-1879. - Т. 2: Семейные права, наследство и опека. Т. 2. - 1879. - 400 с.
122. Правила о разрешении раздельного жительства супругов: проект / председатель ред. комиссии: Н. Стояновский. - С.-Петербург: Государственная типография, 1898. - 8 с.

123. Проект книги Первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской редакционной комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1895. - 696 с.

124. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права / Соч. К. Победоносцева, почет. чл. ун-тов Моск. С.-Петербур., Казан. и св. Владимира в Киеве. Ч. 1-3. Права семейственные, наследственные и завещательные / 3 т.; 22. - Санкт-Петербург: Синод. тип. - 676 с.

125. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации/ И. В. Побережников. - М.: РОССПЭН, 2006. - 240 с

126. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / Проф. И.А. Покровский. - Петроград: изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. - 328 с.

127. Полетаев Н. А. Юридические сделки и психология / Н.А. Полетаев. - Санкт-Петербург: Амер. скоропеч., 1902. - 42 с.

128. Попп И. А. Местный волостной суд в 1860 – 1890-х гг. учебное пособие / И. А. Попп; Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 86 с.

129. Прокопович С. Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства / С. Прокопович. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1912. - 224 с.

130. Рассказов, Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник/ Л.П. Рассказов. -М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. - 559 с.

131. Риттих А. А. Зависимость крестьян от общины и мира / Соч. А.А. Риттиха. - Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. - 217 с.

132. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок / Сост. А.А. Риттих. - Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. - 447 с.

133. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики).- 2-е изд.- Л.; М.: Книга, 1928. - Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века – 406 с.

134. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные

неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.

135. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 1208 с.

136. Саломатин А. Ю. Теория государства и права: учеб.-метод. Пособие/ А. Ю. Саломатин, А. Е. Сиушкин, Н. В. Макеева, Д. Е. Петров. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2022 – 134 с.

137. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2 / Записки Императорского русского географического общества / Под ред. С. В. Пахмана. - С.-Пб, 1900. - Т. 18. – 440 с.

138. Семейное право: учебник /Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. / под ред. П. В. Крашенинникова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. - 315 с.

139. Семейное право: учебник и практикум для вузов / под редакцией Л. М. Пчелинцевой; под общей редакцией Л. В. Цитович - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. - 291 с.

140. Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский; Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, Кафедра гражданского права юридического факультета. М.: Статут, 2002. – 636 с.

141. Смирнов А. М. Самосуд в России/ А.А. Смирнов. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 384 с.

142. Соловьев Е. Т. Гражданское право: Очерки нар. юрид. быта / Соч. Е.Т. Соловьева. Вып. [1]-2. Вып. 2 / 2 т.; 24. - Казань : тип. Губ. правл., 1888-1893, 1893. - 110 с.

143. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны / В 5 выпусках - СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866. - URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (дата обращения - 02.04.2025).

144. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна / Н. Н. Тарусина; Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова. –

Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2009. – 616 с.

145. Теория государства и права: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.

146. Теория государства и права: учебник / М. М. Рассолов, Р. Б. Гандалоев, М. М. Дикажев [и др.]; под ред. М. М. Рассолова, А. И. Клименко; Ингушский государственный университет. – Москва: Юнити-Дана, 2021. – 344 с.

147. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Тамбовская губерния. – СПб: Типография собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. Т1. - 851 с.

148. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - М.: Памятники исторической мысли, 2001 - 304 с.

149. Тютрюмов И. М. К вопросу о реформе крестьянского суда: (Григорий Бразоль. Об упразднении волостных и сельских судов. Замена их мировыми судебными учреждениями. Харьков. 1886 г.). - Москва: тип. А.И. Мамонтова и К°, ценз. 1886. - 54 с.

150. Тютрюмов И.М. Законы гражданские (Свод. зак. т. X, ч. 1, изд. 1900 г., по Прод. 1906 г.), С разъяснениями... по 1 июня 1908 г. и коммент. рус. юристов, извлеч. из научных и практич. трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 июня 1908 г.) / Сост. И.М. Тютрюмов. - 2-е изд., испр. и значит. доп. - Санкт-Петербург: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1909. - 1538 с.

151. Уманец Ф. М. Из моих наблюдений по крестьянскому делу / Соч. Ф.М. Уманца. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1881. 314 с.

152. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка: [св. 110 000 слов. ст.] / Д. Н. Ушаков; под ред. Н. Ф. Татьянченко. - Москва: Альта-Пресс, 2005. - 1207 с.

153. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева, под ред. и с предисл. профессора Б.А. Ларина. - Москва : Прогресс, 1964-1973. -Т. 1. - 576 с.

154. Цитович П. П. Исходные моменты в истории русского права наследования: дис. / П.П. Цитович. - Харьков: Университетская типография, 1870. - 169 с.
155. Цитович П. П. Курс вексельного права / Соч. проф. Ун-та св. Владимира П. Цитовича. - Киев: тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1887. -336 с.
156. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. Учебное пособие. – М.: Институт государства и права РАН, 2003. – 204 с.
157. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права: Введ. Общ. часть. Особ. часть / Г. Ф. Шершеневич. - Тула: Автограф, 2001. - 719 с.
158. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Введение. Торговые деятели/ Г. Ф. Шершеневич. - М, 2003. - 478 с.
159. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. - М.: Издательство Юрайт, 2025 - 148 с.
160. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть / Г. Ф. Шершеневич. - М.: Издательство Юрайт, 2025 - 450 с.
161. Шершеневич, Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 832 с.
162. Юшков С. В. История государства и права СССР. Часть 1 / С. В. Юшков. – М.: юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. - 596 с.
163. Языков А.И. О преобразовании волостного суда: Докл. д. чл. Юрид. о-ва при Спб. ун-те А.И. Языкова в заседании Адм. отдния О-ва 12 янв. 1885 г. - Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1885. - 40 с.
164. Burbank J. Russian peasants go to court. Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. - Indiana University Press 601 North Morton Street Bloomington, 2004. – 375 p.

Публикации в периодических изданиях

165. Абушов Р. И. Причины возрождения института мировых судей в России в конце XX в / Р. И. Абушов // Право и образование. – 2008. – № 2. – С. 160-164.

166. Аверьянова Н. Н. Понятие и цели формирования конституционно-правовых основ регулирования земельных отношений в Российской Федерации / Н.Н. Аверьянова // Юристъ – Правоведъ. – 2018. - № 3 (86). – С. 7-12.

167. Александров В. А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян / В. А. Александров // Вопросы истории. – 1950. – № 10. – С. 86-95.

168. Алешин П. Н. Региональные особенности формирования земских органов власти в пореформенной России / П. Н. Алешин // Современная научная мысль. – 2021. – № 6. – С. 69-75.

169. Баринов В. В. Волостное судопроизводство в России в конце XIX века / В. В. Баринов // Социально-политические науки. – 2011. – № 1. – С. 82-84.

170. Баринов В. В. Волостное судопроизводство России в конце XIX века / В. В. Баринов // Бизнес в законе. – 2011. – № 4. – С. 43-45.

171. Баринов В. В. О проблемах в деятельности волостной юстиции / В. В. Баринов // Социально-политические науки. – 2012. – № 2. – С. 76-81.

172. Баринов В. В. Система органов волостной юстиции на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Российский научный мир. - 2013. - № 1. - С. 120 – 128.

173. Башкирева Н. В. Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу о взаимодействии / Н. В. Башкирева // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1(260). – С. 164-169.

174. Безгин В. Б. Обычное право и волостной суд: современное состояние изучения проблемы / В. Б. Безгин // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 7-15.

175. Белокопытова Н. Ю. Эволюция крестьянского сословия и общинной формы землепользования: теоретико-правовые вопросы / Н. Ю. Белокопытова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1(80). – С. 178-186.

176. Богаевский Н. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии / Н. М. Богаевский // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). - М., 1889. Вып. 1. -С. 27–28.

177. Боголюбов С. А. Аграрно-земельные преобразования 1917 года / С. А. Боголюбов // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 8(152). – С. 13-23.

178. Большакова О. В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России. (обзор англоязычной литературы)/ О. В. Большакова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. – 2000. - № 1. – С. 3-19.

179. Бровченко М. И. Крестьянский вопрос в России в начале XX века / М. И. Бровченко // Наука без границ. – 2018. – № 6(23). – С. 86-90.

180. Ванюшина О. В. Раздельная жизнь супругов не дает им права возбуждать иск о расторжении брака...»: разводы в России в конце XIX – начале XX веков (по материалам Тверской губернии)/ О.В. Ванюшкина// Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». -2024. - Том 34. - № 1. – С. 87-96.

181. Васев И.Н. Самосуд в крестьянском правовом быту// Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. – 2026. – № 12-13. - С. 261-273.

182. Вахромеева О. Б. Практика наследования для женщин в дореволюционной России / О.Б. Вахромеева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2016. № 1 (1). - С. 71–79.

183. Верховцева И. Г. Реформирование волостного суда в Российской империи в 1912-1914 гг / И. Г. Верховцева // Интеллигенция и власть. – 2015. – № 32. – С. 48-58.

184. Вормс А. Крестьянский суд и судебно-административные учреждения (по изд. 1915 г.) / А. Вормс, А. Паренаго // Суд и права личности: сб. ст. - М.: Статут, 2005. - С. 111–199.

185. Галкин А. Г. Волостной суд как проблема общественной жизни пореформенной России / А. Г. Галкин // Научный журнал КубГАУ. - 2011. - № 71. - С. 747–763.

186. Галкин П. В. Организация практической деятельности волостных земств Московской губернии / П. В. Галкин // Исторические чтения КГПИ / Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования Московской области, ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт». Вып. 5. – Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2008. – С. 219-227.

187. Горин А. Г. Обычное право России в начале XX века: Правительственная политика / А. Г. Горин // Правоведение. -1989. - № 1. - С. 43 - 49

188. Дашковская Н. В. Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи / Н. В. Дашковская // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4(16). – С. 89-93.

189. Дорская А. А. Развитие системы права в России: проблема периодизации/ А. А. Дорская // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». - 2011. - № 2. – С. 51-57.

190. Дорская А. А. Судебная реформа 1864 года и проблемы единства судебной системы России / А. А. Дорская // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 114-120.

191. Егоров Д.В. Исторический портрет волостного судьи / Д.В. Егоров // Вестник Пермского университета. Серия: История. - 2015. - № 4 (31). - С. 120–128.

192. Ефремова Н. Е. Реформирование волостного суда в Российской империи по Закону о преобразовании местного суда от 15 июня 1912 г / Н. Е. Ефремова // История государства и права. – 2016. – № 13. – С. 10-17.

193. Ефремова Н. Е. Реформирование волостных судов в России по Закону о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 года / Н. Е. Ефремова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1(25). – С. 201-207.

194. Здунова Д. И. К вопросу о сущности правового обычая / Д. И. Здунова // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – Т. 14. – С. 15-19.

195. Исаев А. И. Крестьянская реформа 1861 г / А. И. Исаев // Государство, общество, личность: история и современность: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 21–22 апреля 2023 года / Под научной редакцией А.В. Яшина, Н.В. Цвяткова, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 64-67.

196. Исмаилов М. А. Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть - механизм действия и принцип реализации / М. А. Исмаилов, Л. С. Багомедова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 41-50.

197. Кандинский В. О наказаниях по решениям волостных судов Московской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.) / Под ред. члена отдела этнографии Н. Харузина. - М.: Типография А. Левинсок и К, 1889. - С. 34-49.

198. Карнишина Н. Г. Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2(26). – С. 5-12.

199. Карпачев М. Д. Крестьянский консерватизм и аграрные реформы в России в начале XX века / М. Д. Карпачев // Вестник ВГУ. Серия: история. Политология. Социология. 2023 № 2. – С. 5-8.

200. Константинова Ю. В. Понятие, особенности и виды семейных правоотношений/ Ю.В. Константинова // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. - № 9. – С. 133-136.

201. Кочешков Г. Аграрный вопрос в политике правительства (март - октябрь 1917 года) / Г. Кочешков // Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 2. – С. 46-51.

202. Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. №№ 17 – 24. - № 17. - С. 781.

203. Кривченков Г. В. Крестьянское самоуправление в оценках отечественной историографии: к юбилею крестьянской реформы / Г. В. Кривченков // Наукосфера. – 2022. – № 10-1. – С. 1-5.

204. Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века/ С.В. Кузнецов // Этнографическое обозрение. -1999. - № 5. – С. 97-109.

205. Кузнецова Е. Н. Правовой статус крестьян и великая реформа 1861 года / Е. Н. Кузнецова // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 9-25.

206. Кухтин П. В. Роль земельных ресурсов в государственной экономической системе/ П. В. Кухтин// Вестник евразийской науки. – 2014. - № 2 (21). - С. 50.

207. Лонская С. В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству / С. В. Лонская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 9. – С. 7-14.

208. Лунгин С.Ф. Волостные суды/ С. Ф. Лунгин // Русский вестник. - 1864. -№ 3. - Т. 50. – 848 с.

209. Мартышкин В. Н. Волостное судопроизводство в пореформенной России / В. Н. Мартышкин // Судебные реформы в России: история и современность: сборник статей по материалам Международной научно-

практической конференции, Санкт-Петербург, 02 октября 2014 года. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 97-105.

210. Мартышкин В. Н. Волостной суд в зеркале Судебной реформы 1860-х гг. в России / В. Н. Мартышкин // Российское правосудие. – 2014. – № 11(103). – С. 6-11.

211. Мартышкин В. Н. Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию принятия Судебных уставов 1864 г / В. Н. Мартышкин // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 3(10). – С. 33-37.

212. Мастерских Г. А. Правовой обычай как источник права: прошлое и современность / Г. А. Мастерских, Е. В. Шведчикова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-8. – С. 48-50.

213. Мелентьев А. В. К вопросу об изучении обычного права в Российской науке / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции : Сборник научных трудов по материалам V ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2024 года. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2024. – С. 33-43.

214. Мелентьев А. В. Обычное право в системе правового плюрализма: регулирование земельных отношений волостными судами Московской губернии / А. В. Мелентьев // Развитие правовых систем России и зарубежных стран проблемы теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 04 марта 2026 года. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2026. – С. 37-42.

215. Мелентьев А. В. Правовой обычай в деятельности волостных судов Московской губернии при рассмотрении земельных споров во II пол. XIX – нач. XX в. / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, Д. А. Оспанова, Р. М. Жиров // Былые годы. – 2025. – № 20(3). – С. 1428-1437.

216. Мелентьев А. В. Правовой обычай в отечественной и зарубежной правовой доктрине / А. В. Мелентьев, О. А. Плоцкая // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 51, № 3. – С. 7-13.

217. Мелентьев А. В. Правовой обычай и трансформация наследственных отношений в практике волостных судов Московской губернии конца XIX – начала XX века / А. В. Мелентьев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 88-90.

218. Мелентьев А. В. Проблемы осуществления крестьянского правосудия в волостных судах XIX в. / А. В. Мелентьев // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник научных трудов по материалам VI ежегодной Международной студенческой научной конференции, Москва, 04 марта 2025 года. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2025. – С. 41-48.

219. Мелентьев А. В. Роль правового обычая в механизме реализации норм обычного права в судебной практике волостных судов Московской губернии (конец XIX – начало XX веков) / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2026. – № 4. – С. 22-27.

220. Мелентьев А. В. Роль правового обычая при рассмотрении семейно-брачных споров в волостных судах Московской губернии II пол. XIX – нач. XX в. / О. А. Плоцкая, А. В. Мелентьев, М. Ш. Шамилов, Ю. Е. Курилюк // Былые годы. – 2026. – № 21(1). – С. 298-306.

221. Мелентьев А. В. Эволюция применения правового обычая в практике волостных судов Центральной России (1861-1917 гг.) / А. В. Мелентьев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2026. – № 1(77). – С. 24-27.

222. Мелентьев А. В. Юридический обычай в практике волостных судов Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / А. В. Мелентьев // Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 21-25.

223. Менщиков И. С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. -2016. - № 6(68). - Ч. I. - С. 119-124.

224. Менщиков И. С. Материалы волостных судов Курганского уезда как источник по истории крестьянской повседневности второй половины XIX - начала

XX в / И. С. Менщиков // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 года/ Отв. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. – С. 320-326.

225. Минникес И. В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ / И. В. Минникес // История государства и права. – 2010. – № 15. – С. 7-10.

226. Митрофанов Т. С. Соотношение закона и обычая в волостных судах пореформенной России (историография вопроса)/ Т. С. Митрофанов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 160. - № 3. – 2018. – С. 643-655.

227. Никулина Н. В. Волостные суды в судебной системе Российской империи после судебной реформы 1864 г / Н. В. Никулина // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2(10). – С. 119-122.

228. Ойсунгуров И. М. Коллективизация и проблемы эволюции форм земельной собственности/ И. М. Ойсунгуров// Наука без границ. – 2019. - № 7 (35). – С. 68-75.

229. Олейникова А. Я. Аренда как движение оборота земельных участков: история и современность / А. Я. Олейникова // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, Хабаровск, 27–28 ноября 2018 года. – Хабаровск, 2018. – С. 30-37.

230. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д. А. Пашенцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6(293). – С. 168-173.

231. Пестриков С.А. Природа возникновения кооперативных образований в аграрном секторе и их роль в социально-экономическом развитии экономики/ С.А Пестриков// Вестник Пермского национального исследовательского

политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. - № 3. – С. 259-278.

232. Покровский Н.Н. Купчие, данные и меновые грамоты как источник по истории черносозного землевладения России XIV - первой четверти XVI в./ Н. Н. Покровский // Новое о прошлом нашей страны - Б.м., 1967. – С. 79-90.

233. Попов С.А. Законодательная деятельность государства в сфере крестьянского самоуправления и управления во второй половине XIX - начале XX века/ С.А. Попов// Грамота – 2011 - Часть 1 - № 8 (14). – С. 158-163.

234. Попп И. А. Мнения губернаторов о местном волостном суде в 1860-1880-х гг / И. А. Попп // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 120-126.

235. Правовой обычай как основа волостного судопроизводства в крестьянской среде: опыт Московской губернии конца XIX века / А. В. Мелентьев // Теория государства и права. – 2026. – № 1(48). – С. 158-163.

236. Романов, А. А. Предпосылки превращения Московской губернии в индустриальный центр Российской империи / А. А. Романов // Вестник университета. – 2015. – № 6. – С. 365-368.

237. Рязанов В. Т. Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки / В. Т. Рязанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2011. – № 2. – С. 3-17.

238. Скоробогатый П. Влияние старшин и писарей на отправление волостной юстиции/ П. Скоробогатый// Юридический вестник. - 1881. - № 7. - С. 607-613.

239. Смирнов А. М. Самосуд как социально-культурный феномен крестьянской общины в эпоху Российской империи / А. М. Смирнов // История государства и права. – 2013. – № 10. – С. 10-13.

240. Сорокин А. А. Волостной суд в системе судопроизводства Российской империи в конце XIX - начале XX вв / А. А. Сорокин // Социогуманитарный вестник. – 2011. – № 2(7). – С. 121-125.

241. Сорокин А. А. Крестьянский волостной суд российской империи в оценках общественности конца XIX в. / А. А. Сорокин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. - № 417. – С. 147-154.

242. Сорокин А. А. Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам комиссии Н. В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. - № 6. - С. 68-74.

243. Соснин, М.А. Обычно-правовые основы крестьянской семьи: влияние закона и обычая на решения волостных судов в брачно-семейных делах (на материалах Архангельской губернии второй половины XIX - начала XX)/ М. А. Соснина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. - № 1. - С 195-218.

244. Соснина М. А. Некоторые особенности правового регулирования деятельности волостных судов в Архангельской губернии // Администратор суда. - 2014. - №3. - С. 34-38.

245. Соснина М. А. Система волостных судов в пореформенной России (на примере Архангельской губернии) / М. А. Соснина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 135-154.

246. Степанова О. С. Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права Российской академии наук. -2013. - № 2. - С. 58-70.

247. Степанова, С. О. Создание и развитие волостного суда во второй половине XIX - начале XX в / С. О. Степанова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7-1(21). – С. 183-185.

248. Тараканова Н. Г. Вердикты присяжных как отражение представлений о справедливом правосудии в народном правосознании второй половины XIX века (на материалах провинциальной судебной практики) / Н. Г. Тараканова // История государства и права. – 2013. – № 10. – С. 30-35.

249. Хлопцов Д.М. Земельный вопрос в экономической теории: рента и ее понимание в современных условиях/ Д.М. Хлопцов// Вестник Томского государственного университета. – 2009. - №323. - С. 307-311.

250. Шатковская Т. В. Правовая политика Российского государства в сфере организации крестьянского правосудия: опыт создания системы волостных судов во второй половине XIX века / Т. В. Шатковская // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 202-215.

251. Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. - 2012. - № 6. - С. 35-39.

252. Шатковская Т.В. Специфика института завещания как основания наследственных прав российских крестьян второй половины XIX - начала XX века / Т.В. Шатковская // Юристъ-правоведъ. - 2010. -№ 3. - С. 81–84.

253. Шатковская, Т.В. Понимание и значение наследования в обычно-правовой системе российских крестьян второй половины XIX - начала XX вв. / Т.В. Шатковская // Юристъ-правоведъ. - 2010. - № 4. - С. 69–72.

254. Шишкарева Т. Н. Деятельность волостных судов в 1861 – 1889 гг. в Курской губернии / Т. Н. Шишкарева // Перспективы науки. -2014. - № 1(52). - С. 26-30.

255. Щедрина Ю. В. Обеспечение независимости судей волостных судов в России в 60-е - 80-е гг. XIX в.: правовое регулирование и практика реализации / Ю. В. Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 2. – С. 9.

Диссертации и авторефераты диссертаций

256. Абушов Р. И. Генезис института мировых судей в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Абушов Расим Илхам оглы. – Москва, 2009. – 28 с.

257. Абушов Р. И. Генезис института мировых судей в России: дис. ... канд. юрид. наук / Абушов Расим Илхам оглы; Современ. гуманитар. акад. - Москва, 2009. - 184 с.

258. Алборова А. Г. Обычное гражданское право российских крестьян во второй половине XIX: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Алборова Анастасия Георгиевна. – Нижний Новгород, 2007. – 29 с.

259. Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Баринов Виктор Владимирович. – Саратов, 2017. – 22 с.

260. Баринов В. В. Организация и деятельность волостных судов в землях Мордовии (1861-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / Баринов Виктор Владимирович. – Саратов, 2017. – 229 с.

261. Виноградов М. А. Крестьянское самоуправление в России 1889-1914 гг. (по материалам Московской губернии): автореф. дис. ... канд. истор. наук / Виноградов Михаил Анатольевич. – Москва, 2009. – 23 с.

262. Гордеева М. А. Органы крестьянского самоуправления в Томской губернии (1898 - 1917 гг.): дис. ... канд. истор. наук / Гордеева Мария Александровна, 2020. – 207 с.

263. Гудошников М. Я. Крестьянское движение в Московской губернии в 1856-1863 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Гудошников Михаил Яковлевич. – Москва, 1991. – 17 с.

264. Дерезглазов А.А. Правовое регулирование межевания и землеустройства в России в XVIII – XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дерезглазов. - Москва, 2025. - 151 с.

265. Ерин П. В. Общественное управление и сельское правосудие русских крестьян на рубеже XIX - XX веков: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Ерин Павел Викторович. – Белгород, 2014. – 229 с.

266. Залюбовская Т. А. Крестьянское самоуправление в Забайкальской области (вторая половина XIX в. - 1917 г.) автореф. дис. ... канд. истор. наук / Залюбовская Татьяна Алексеевна. – Иркутск, 2014. – 24 с.

267. Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е - 80-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... докт. истор. наук / Земцов Леонид Иосифович. – Липецк, 2004. – 34 с.

268. Игнатьева Е. Ю. Судебное правотворчество в Российской империи второй половины XIX в. - начала XX в. в процессе применения норм обычного права: дис. ... канд. юрид. наук / Игнатьева Екатерина Юрьевна, 2020. – 226 с.

269. Кирилин А. В. Крестьянское обычное право в волостных судах и государственная политика пореформенной России: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Кирилин Андрей Васильевич. – Москва, 2005. – 23 с.

270. Крамченко Е. В. Судебная система Воронежской губернии во второй половине XIX - начале XX вв: автореферат дис. ... канд. истор. наук / Крамченко Евгений Валерьевич. – Воронеж, 2005. – 26 с.

271. Кузнецова Е. В. Мировая юстиция в пореформенной России (1864-1917 гг.) (особенности организации в Вологодской губернии): дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецова Елена Владимировна. – Москва, 2010. – 209 с.

272. Куприянович Н. В. Мировой суд в системе судебной власти Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Куприянович Наталья Валентиновна. – Саратов, 2006. – 23 с.

273. Кучерявенко Е. В. Деятельность судов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Кучерявенко Евгений Владимирович. – Кемерово, 2011. – 30 с.

274. Ломакина И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук / И. Б. Ломакина. – СПб., 2005. – 368 с.

275. Мельничук М. А. Институционализация волостных судов во второй половине XIX века: историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мельничук Марина Александровна. – Краснодар, 2007. – 26 с.

276. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Наумкина. – М., 2010. – 347 с.

277. Пашенцева Д. Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Д. Пашенцева. - Москва, 2024. - 161 с.

278. Плоцкая О.А. Обычное право пермских народов в Российской империи XVIII–XIX вв. : историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / О.А. Плоцкая. - Москва, 2016. - 455 с.

279. Попов С. А. Система крестьянского самоуправления в Вологодской губернии : вторая половина XIX - начало XX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Попов Сергей Александрович; [Место защиты: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова]. – Сыктывкар, 2014. – 22 с.

280. Почеревин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. - 1917 г.): дис. ... канд. истор. наук / Почеревин Евгений Владимирович. – Бийск, 2013. – 232 с.

281. Садырова М.Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX - первой трети XX вв.: по материалам Пензенской и Саратовской губерний: дис. ... канд. истор. наук / Садырова Маргарита Юрьевна - Пенза, 2010. - 276 с.

282. Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861 - 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скуратова Инна Николаевна. – Владимир, 2007. – 21 с.

283. Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889 -1912 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Сорокин. – Нижний Новгород, 2017. – 262 с.

284. Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861 – 1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Соснина Мария Александровна. – Казань, 2023. – 218 с.

285. Хорошун К.Ю. Судебные и правоохранительные органы Российской Империи, 1881-1905 гг.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Хорошун Кирилл Юрьевич- Тамбов, 2008. - 219 с.

286. Хлопцов Д.М. Земельные отношения в России: трансформация и механизм регулирования: автореф. дис. ... докт. экон. наук / Хлопцов Дмитрий Михайлович. - Томск, 2010. - 47 с.

287. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Шатковская Татьяна Владимировна. - Ростов-на-Дону, 2009. - 59 с.

288. Шевченко С. В. Ставропольский окружной суд в системе судебной власти Российской империи: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Шевченко Сергей Викторович. – Краснодар, 2010. – 23 с.

289. Шишкарева Т. Н. Крестьянское общественное управление в 1861-1900 гг. (на материалах Курской губернии): автореф. дис. ... канд. истор. наук / Шишкарева Татьяна Николаевна. – Белгород, 2013. – 27 с.

Интернет-ресурсы

290. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.prlib.ru/history/619069> (дата обращения - 02.11.2024).

291. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=15061> (дата обращения – 23.01.2026).

292. Кавелин, К. Д. Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://commons.wikimedia.org/.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

293. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Собрание сочинений в девяти томах. - М.: Мысль, 1987-1990. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bibliotekar.ru/rusKluch/86.htm> (дата обращения: 12.10.2024).

294. Московская губерния | Все | Губернии – [Электронный ресурс]. – URL: <https://raremaps.ru/vse/moskovskaya-guberniya.html> (дата обращения - 30.01.2025).

295. Волость /Большая российская энциклопедия - электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1927393 (дата обращения - 02.11.2024).

296. Московская губерния • Большая российская энциклопедия - электронная версия [Электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2232827 (дата обращения - 30.01.2025).

297. Тарабанова, Т.А. Деятельность волостных крестьянских судов в Московской губернии - доклад на конференции | ИСТИНА – Интеллектуальная Система Тематического Исследования Наукометрических данных. [Электронный ресурс]. – URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/254900284/> (дата обращения: 12.10.2024).

298. Шангина, И. И. Русский традиционный быт. Русский костюм XVIII - начало XX в.в. [Электронный ресурс]. – URL: <https://abramichi.ru/odezhda/odezhda.php#101> (дата обращения - 30.01.2025).

299. Щедрина, Ю. В. Правовое регулирование статуса волостных судей в проектах редакционных комиссии (1902-1904 гг.) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». - 2014. - № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://evestnikmgou.ru/Articles/Doc/542>. (дата обращения: 24.12.2024).

300. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона - С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. – [Электронный ресурс] - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003515586/ (дата обращения: 24.12.2024).

301. Incoterms® rules [Электронный ресурс]. – URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/> (дата обращения 12.01.2025).

302. Versorgungsausgleich § Rechtslage, Berechnung & mehr. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.familienrechtsinfo.de/unterhalt/versorgungsausgleich/> (дата обращения - 02.11.2024).

Архивные источники

303. Материалы по проекту правил о разрешении раздельного жительства супругов [Дело] : 26 ноября 1898 г. - 3 сентября 1903 г. - 1898-1903. -203 л. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел Государственного секретаря. 1898 г. Д. 15. Л. 1-4.

304. Гражданское дело № 27 Можайского Уездного суда по обжалованию решения Емановского Волостного Суда от 16 февраля 1902 года// ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-25.

305. Гражданское дело № 220 Елмановского Волостного Суда Можайского уезда от 15 февраля 1893 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2.

306. Гражданское дело № 53 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 11 августа 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-6.
307. Гражданское дело № 162 Елмановского Волостного Суда Можайского уезда от 30 августа 1893 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-7.
308. Гражданское дело № 199 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 11 июня 1893 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп.1. Д. 12. Л. 1-6.
309. Приговор Елмановского Волостного Суда от 1 марта 1894 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-4.
310. Гражданское дело № 5 Елмановского Волостного Суда Можайского уезда от 14 января 1895 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-8.
311. Гражданское дело № 21 Елмановского волостного суда Можайского уезда от 14 марта 1896 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-4.
312. Гражданское дело № 47 Елмановского волостного суда Можайского уезда 31 января 1902 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-41.
313. Книга для записей решений Царицынского волостного суда от 9 марта 1864 г. – 14 ноября 1868 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–93.
314. Гражданское дело № 17 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 22 августа 1896 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-6.
315. Гражданское дело Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 26 ноября 1909 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 1-4.
316. Гражданское дело № 55 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 26 ноября 1909 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 67. Л.1-37.
317. Гражданское дело № 10 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 27 января 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 64. Л. 1-5.
318. Гражданское дело № 58 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 27 июля 1917 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 81. Л. 1-9.
319. Гражданское дело № 252 Царицынского Волостного Суда Московского уезда от 16 июня 1913 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-3.
320. Дроздовская Г. Волостной суд по законам 1861, 1889 и 1912 годов: соч. 26.02.2015 г.// ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Д. 2624. Л. 1-71.

321. Прошения крестьян Михайловского сельского общества Борисовской волости земскому чиновнику Можайского уезда и в Борисовский волостной суд Можайского уезда б/д // ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 1027. Л. 1-4.

322. Гражданское дело б/н Ягунинского волостного суда Звенигородского уезда от 30 и 31 августа 1914 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 749. Оп. 1. Д. 31. Л. 1-15.

323. Гражданское дело № 8086 Ивановского волостного суда Богородского уезда от 5 июня 1914 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 66. Оп. 1. Д. 7656. Л. 1-5.

324. Гражданское дело Павловского волостного суда Звенигородского уезда от 28 августа 1906 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 986. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-8.

325. Гражданское дело № 154 Павловского волостного суда Звенигородского уезда от 18 мая 1909 года № 154 // ЦГА г. Москвы. Ф. 580, 986. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-7.

326. Уголовное дело № 74 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 30 декабря 1894 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-18.

327. Гражданское дело № 26 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 26 января 1901 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. №1. Д. 9. Л. 1-20.

328. Гражданское дело № 768 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 18 декабря 1912 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-50.

329. Гражданское дело № 531 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 8 ноября 1914 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 72. Л. 1-4.

330. Гражданское дело № 79 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 6 сентября 1895 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-7.

331. Гражданское дело № 309 Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 26 ноября 1902 года // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 74. 7 л.

332. Гражданское дело Игнатьевского волостного суда Богородского уезда от 23 декабря 1914 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1112. Оп.1. Д.40. Л. 1-7.

333. Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 24 июня 1908 года // ЦГАМО. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-4.

334. Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 3 августа 1908 года // ЦГАМО. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-5.

335. Книга регистрации решений Рождественского волостного суда Бронницкого уезда (14 марта 1878 года - 22 декабря 1879 года) // ЦГА г. Москвы. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1. 164 л.

336. Гражданское дело № 12 Софьинского волостного суда Бронницкого уезда от 20 мая 1906 года // ЦИА г. Москвы. Ф. 2363. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-19.

337. Материалы дела № 860 Чулковского волостного правления Бронницкого уезда (16 июня 1915 г. – 31 января 1917 г.) // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-16.

338. Гражданское дело № 14 Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 8 февраля 1915 г. // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп. 1. Д. 193. Л. 1-22.

339. Гражданское дело б/н Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 22 июня 1915 г. // ЦИА г. Москвы. Ф. 2365. Оп. 1. Д. 194. Л. 1-3.

340. Гражданское дело б/н Чулковского волостного суда Бронницкого уезда от 21 мая 1918 г // ЦИА г. Москвы. Ф.2365. Оп.1. Д. 195. 5 л.

341. Гражданские дела. Книга записей решений и приговоров Шараповского волостного суда за 1907 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 846. Оп. 1. Д. 2. 137 л.

342. Гражданские дела. Книга для записи решений Петровского волостного суда за 1911 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1117. Оп. 1. Д. 1. 76 л.

343. Гражданские дела. Книга для записи решений Нагатинского волостного суда Московского уезда за 1900 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. 55 л.

344. Гражданские дела. Книга для записи решений Синьковского волостного суда за 1915 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 1891. Оп. 1. Д. 3. 70 л.

345. Гражданское дело № 367 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 2 декабря 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 7. 3 л.

346. Гражданское дело № 343 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 26 ноября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 3. 4 л.

347. Гражданское дело № 280 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 10 июня – 28 октября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–4.

348. Гражданское дело № 302 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 2 декабря 1892 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–4.

349. Гражданское дело № 187 Усмерского волостного суда Бронницкого уезда от 20 апреля – 28 октября 1913 г. // ЦГИА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7.

350. Книга записи решений суда Добрятинского Волостного Суда Московского уезда за 1892 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-16.

351. Гражданское дело Велинского волостного суда Бронницкого уезда от 24 июня 1908 г. – 18 августа 1909 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–31.

352. Протокол сельского схода деревни Ближня Хохловка Царицынской волости Московской губернии от 19 августа 1896 // ЦГА г. Москвы. Ф. 74. Оп.1. Д. 63. Л. 1-2.

353. Протокол сельского схода деревни Кладьковой в Усмерский Волостной Суд Бронницкого уезда Московской губернии от 27 октября 1913 // ЦГА г. Москвы. Ф. 2364. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-3.